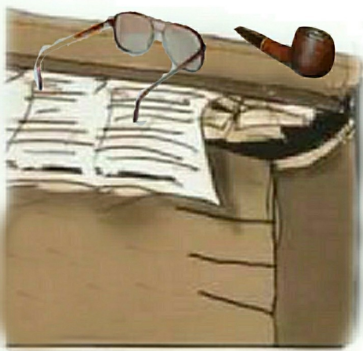

Обезьянчик Ящик

16+

Василий Пригодич

Обезьяний ящик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30814694

SelfPub; 2018

Аннотация

В сборник включены по преимуществу литературные рецензии на книги, вызвавшие особый интерес читающей публики в 2005 – 2009 годах. Особенность этих рецензий прежде всего в том, что они представляют собой отклики автора – профессионального литературоведа, поэта и эссеиста Сергея Гречишкина (лит. псевдоним Вас. Пригодич) (1948 – 2009) на произведения современников. Отклики являются образцами личностной прозы, которые неизменно обращены к «Высокому другу – читателю», вовлекаемому «на равных» в жизненный мир литературных персонажей под умным, ироничным и всегда благожелательным водительством автора

Содержание

Об авторе этой книги	6
Байки кремлевской диггерши, или Потерянный рай	13
"Маленькая барабанщица", или Большая книга	20
"Алмазная колесница", или Путь к Будде Амида	27
"Бесчестье" "Осени в Петербурге", или	35
"Безнравственное безволие" и нравственная воля	
Норманнская Англия, или Английские норманны	42
Грустное имя – Ольгин, или Веселое имя – Ольгин	49
Новейший Пелевин, или «Они шагают под звук другого барабана»	58
Светлая книга, или книжный свет	71
Письма с войны, письма из войны, или Сергей Васильевич Гречишкин Великой Победе в Великой войне. Часть I.	81
Сергей Васильевич Гречишкин, или Письма с войны, письма из войны, Великой Победе в Великой войне Часть II.	105
Две песни русско-турецкой войны 1877-1878 гг.	142
«Имеющий уши да слышит», или Год да Винчи	146

Точка обмана, или Точка обмена	153
Волос Венеры, или Роман о...	159
Послесловие к роману	166
Старый Мститель, или Новый граф Монтекристо	176
Скальд Скалдин, или Воскрешение Лазаря	183
Улица безъязыкая (Маяковский), или Улица говорливая	186
Чак Паланик, или Кнут и Пряник .	197
Романтический шпионаж, или Антиштирлиц.	203
Борис Акунин. Шпионский роман.	
Тайный орден, или Орденская тайна. Дэн Браун.	210
Ангелы и демоны. Роман.	
Пелевинские реликты, или Реликтовый Пелевин.	217
Виктор Пелевин. Relics. Раннее и неизданное. Избранные произведения.	
Сенсационная литература, или Литературная сенсация. Виталий Безруков. Есенин. Роман.	225
История одного убийства.	
Что у людей на уме, то у Веллера на языке, или Надежда на надежду	232
Александр Рашковский, Василий Пригодич.	238
Архивная мозаика, или «Господи, помоги убежать»	
Набор слов, или ПРОпавшие листья	248
Александр Рашковский, Сергей Гречишкин.	269
Сергей Миронович Киров	

Нежная книга, или Книжная нежность	292
Король литературный, или Королевская литература	299
Житие праведника, или Праведник жития	307
Вся сеть – Государю, или Отменная книга	315
Правовой «беспредел», или «Санитары бизнеса»	323
Изящная словесность, или Словесное изящество	331
Литературная мистификация, или мистифицирующая литература	338
«Я сам расскажу о времени и о себе», или интервью Бродского	346
Грех прилепился, а кто без греха	353
Тут вам не там, или Недамский роман	360
Нет повести КОНКРЕТНЕЕ на свете, или Сергей Жатин. Ромео и Джульетта.	367
Оправдание Ницше, или Интеллектуальный роман	374
Волшебный роман, или Романическое волшебство	382
Пуруша – не параша, или Новый роман Маканина	389
Поэтическая проза, или Прозаическая поэзия	396
Список публикаций автора	403

Об авторе этой книги

ГРЕЧИШКИН Сергей Сергеевич (основной псевдоним – Василий Пригодич) [р. 24. III. 1948, город Берлин, Германия – 03.12.2009, Петергоф] – историк русской литературы конца XIX-начала XX веков, поэт, лит. критик, эссеист, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Международного ПЕН-клуба, Санкт-Петербургского русского ПЕН-центра.

Родился в семье петербуржцев-ленинградцев: военного врача, рентгенолога-радиолога, полковника и преподавательницы немецкого языка. В 1971 г. окончил отделение русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета. Занимался в "брюсовском" и "блоковском" семинарах П.Н. Беркова и Д.Е.Максимова. В 1971-1973 гг. работал старшим редактором журнала "Правоведение". В 1973-1985 гг. служил в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Рукописный отдел, Блоковская группа сектора Новой русской литературы). С 1985 г. – литератор на "вольных хлебах".

Как историку литературы Г. принадлежит свыше 70 публикаций (исследовательские статьи, публикации документов, подготовка текстов, комментарии), посвященных творчеству Андрея Белого, Александра Блока, В.Брюсова, М.Волошина, А.Ремизова, Ф.Сологуба, В.Зоргенфрея, Ю.Балтру-

шайтиса, Б.Пастернака и др. Многие из них созданы в соавторстве с А.В.Лавровым (ныне – академик РАН). Лучшие совместные работы вошли в книгу: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., "Скифия", 2003.

Г. ввел в научный и читательский оборот сотни писем, ряд прозаических и мемуарных произведений выдающихся представителей русского Серебряного века. Уже ранние историко-литературные "штудии" Г. привлекли к себе внимание таких ученых, как В.М.Жирмунский, М.П.Алексеев, Д.С.Лихачев, Ю.М.Лотман, И.С.Зильберштейн и др., которые высоко оценили источниковедческую ценность и высокое качество исследований молодого ученого.

Статьи и публикации Г. по Серебряному веку (1970-1980-х гг.) отличаются строгим академизмом, содержательностью, беспристрастностью, архивной выверенностью, изяществом стиля и специфической филологической "выделкой", свойственной ученым Петербургской филологической школы. Работы Г. публиковались в издательствах: "Наука" ("Литературное наследство", "Литературные памятники", "Ежегодники Рукописного отдела Пушкинского Дома"), "Художественная литература", "Советский писатель", "Советская Россия", "Правда" и др.

Стихи Г. начал писать еще в школьные годы, и уже с университетских лет поэзия Г., отличающаяся специфическим накалом чувств и своеобразием слога, стала достоянием уз-

кого, но компетентного круга российских и зарубежных читателей. Тогда же поэт взял литературный псевдоним "Василий Пригодич", составленный из родового имени и девичьей фамилии матери. В 1970-1980-х гг. чужеродность поэзии Г. канонам советской литературы была столь очевидной, что об издании его стихов не могло быть и речи. Впервые девять стихотворений Г. были опубликованы в Германии: Василий Пригодич. Из книги "Картонные личины" // Грани. Издательство "Посев". 1982, № 126. С. 49-57. В мае 1989 г., в период "перестройки", состоялось первое публичное чтение стихов Г. в ленинградском Доме культуры работников пищевой промышленности. Г. трудно отнести к кругу питерского литературного "андеграунда" или вообще причислить к какой-либо литературной группе. "Самость" поэзии Г. заключается прежде всего в основательных общегуманитарных познаниях автора, в его особом духовном опыте..

Это свойство стихотворений Г. было подмечено критикой после выхода в свет первого его сборника "Картонные личины", изданного в 1990 г. Ленинградским отделением издательства "Художественная литература". По мнению выдающегося петербургского поэта и критика В.Кривулина, "Картонные личины" – "книга замечательная прежде всего подкупающим сочетанием высочайшей поэтической культуры, мощного филологического багажа и поразительной наивности, почти инфантильности видения". Стихотворения Василия Пригодича "построены на постоянном внутреннем диа-

логе автора с классическими текстами.., читаются как дословная черновая запись горячего спора все о том же – о судьбе России, "о приключениях индивида на этой маленькой планетке", – сколько об этом было говорено в 70-е годы во время бесконечных кухонных застолий, ставших в те годы единственной формой свободного выражения общественного мнения! Но то, что активными и непосредственными оппонентами, собеседниками (едва ли не собутыльниками) Пригодича оказываются Г.Державин, А.Пушкин, Ф.Тютчев, К.Случевский, А.Блок, Андрей Белый, В.Ходасевич, Н.Клюев, Б.Пастернак, А.Солженицын, придает речевой атмосфере сборника высоту, недостижимую для большинства современных русских поэтов" (Кривулин В. Маска и лицо. Классическое наследие в современной артикуляции // Независимая газета. 1993, N 21 (4 февраля). С. 7).

В 1995 г. Г. выпускает второй сборник стихов – "Пришелец земли", пронизанный исповедально-покаянными мотивами. Автор послесловия к книге пишет: "Воспринимать такие стихи трудно и страшно. Для этого необходимо мужество... Для этого необходима "взрослость" – взрослость современника, который хочет, способен, имеет мужество осознать себя в мире, не оправдавшем оптимистические посулы европейского гуманизма. Приготовьтесь к восприятию отражения в поэзии мук и конвульсий сегодняшней цивилизации, катаклизмов и неврозов современного общества. Сквозная и ведущая тема поэтического творчества Василия

Пригодича – тема Смерти и Воскрешения... Поэт не щадит гуманистические идеалы прошлого именно потому, что они обнаружили в XX веке свой утопически агрессивный и тоталитарный дух, обернулись против Человека, почти неузнаваемо обезобразили его божественный лик... Но не угасает надежда на возвращение Бога, на воскрешение Человека. Поэт ждет возвращения Бога после почти целого столетия забвения его Человеком" (М.Л. Иначе – ничто. Послесловие // Василий Пригодич. Пришелец земли. – СПб., 1995. С. 123).

В третью книгу Г. ("Ветер в ничто". СПб., 2001) вошли стихотворения разных лет, а также лирические посвящения поэтам Серебряного века, друзьям и единомышленникам. Эти лирические посвящения являются, по мнению В.Кривулина, "актуальным продолжением горячего спора, затеянного еще Вл.Соловьевым и подхваченного лагерными дискуссиями на Соловках и Колыме, в русском Берлине, Праге...". Отдельные "посвящения" критик воспринял как "новейшую версию поэтического осмысления мистико-большевистской утопии", как "полемику, выдержанную в стилистике русского символизма, но взрывающую ее изнутри" (Кривулин В. Келья, книга и вселенная // Арион. Журнал поэзии.– № 3. 1994. С. 53). Г. публикует стихи в журналах и альманахах: "Новый журнал" (СПб.), "Арион" (М.), "Византийский ангел" (Киев), "Kreschatik" (Германия) и др.

В последние годы жизни Г. под псевдонимом Василий Пригодич активно выступал как лит. критик, эссеист. Им

опубликовано свыше 120 статей о книжных новинках, но не только. Иногда Г. выступал и как политический публицист. Вел раздел "Книжная полка" в газете "London Courier" и в интернет-журнале "Русский переплет". Статьи и пространные эссе Г. зачастую вызывали яростную и нелицеприятную полемику как в "бумажных", так и в сетевых изданиях. 50 избранных статей Г. вошли в книгу: Василий Пригодич. Кошачий ящик // СПб., "Геликон Плюс", 2003. За свою литературную карьеру Г. публиковался в журналах, альманахах и газетах: "Новый мир", "Звезда", "Русская литература", "Труды по знаковым системам" (Тарту), "Новое литературное обозрение", "Wiener slawistischer Almanach", "Смена" (СПб.), "Вести", (Таллинн), «Ваш тайный советник», «Новости Петербурга», «Территория бизнеса» и др.

Г. много работал как "сетевой" литератор, постоянно публикуясь в интернет-изданиях "Лебедь" (Бостон), «Русский Переплет», «Поэзия. Ру» (СПб.), «Удафф» (СПб) и др., являлся членом редакционной коллегии интернет-журналов "Русский переплет" и "Поэзия. Ру". Сетевой словесности, полагал Г., с ее мгновенностью, спонтанностью, «цветущей сложностью», раскованностью и мыслительной свободой принадлежит будущее.

Почти девять лет с нами нет Сергея Гречишкина, Сережи...

С его уходом образовалась зияющая пустота, никем и ничем не заполняемая.

Мы похоронили поэта на обрывистом склоне над никогда не замерзающей пригородной речкой.

Кладбище это – между Санкт-Петербургом и остальной Россией.

3 декабря в день кончины мы приходим поклониться его могиле.

Нас много, и память наша крепка.

Глеб Валентинович Маркелов, 2018 г.

Настоящий сборник был в основном подготовлен к изданию самим автором – Сергеем Сергеевичем Гречишкиным.

Байки кремлевской диггерши, или Потерянный рай

Давно не писал я ничего путного: болел. За мной, читатель! Поговорим о самой скандальной книге минувшего года: **Елена Трегубова. Байки кремлевского диггера. М., Издательство "Ад Маргинем", 2003. 382 С. Тираж 50 000 экземпляров.** Это издательство, вопреки административному нажиму, отличается тем, что издает НЕОРДИНАРНЫЕ книги. Из-за чего скандал? В книге идет речь о кремлевской «хунте» (так скажем), – вот и скандал. У начальства высокого ума нет (вечно в истории российской), поэтому был хамски снят с эфира репортаж о книге в передаче "Намедни" Леонида Парфенова (НТВ), у дверей квартиры Трегубовой был подожжен взрывпакет. К чему это привело? К тому, что "Байки" давно занимают первое место в рейтингах книжных продаж.

О слове "диггер" (по-английски "diggers" – копатели). Так именовали себя сторонники Джерарда Уинстенли, лидера крайне левого крыла Английской революции. Движение диггеров ("истинных уравниателей") было подавлено военным диктатором Оливером Кромвелем. В наши времена диггерами именуют себя люди, изучающие городские подземелья, тоннели, канализационные стоки и т.д. Трегубова, изгнан-

ная из журналистского кремлевского пула, в предисловии пишет: "...на протяжении всех этих лет я чувствовала себя диггером из фантастического фильма, который спускается и в крошечной темноте и адском зловонье пробирается по запутанным лабиринтам. И, наконец, – что самое мучительное – вступает в контакт с местными обитателями. Внешне они иногда слегка напоминают людей, но в действительности – совсем не люди, а абсолютно другой, даже не скрещивающийся с нами биологический вид" (С. 15-16).

Это пафосное заявление не совсем верно, скорее, совсем не верно, ибо, прочитав эту исключительно занятную и забавную книгу, читатель приходит к простому, как мычанию, выводу: **они** – люди, такие же, как мы с вами, только хуже нас, намного хуже, ибо **им** несравненно больше приходится лгать, подличать и изворачиваться (как говаривали опытные питерские проститутки: "суетиться под клиентом"). Мы склонны демонизировать ВЛАСТЬ, наделять ее сакральными и мистериальными функциями, харизматическими обертонами, а на самом деле не только КОРОЛЬ голый (см. главы: "Как меня вербовал Путин", "Как Путин кормил меня суши", "Мой "друг" Володя Путин", "Как Путин испортил мне Пасху", "Борис Ельцин, живой и мертвый", "Дедушка старый, ему все равно"), голые и свита, и обслуга-прислуга, да и сама хроникерша без одежды. Вот так! Кремлевские реформаторы, как правило, у Трегубовой – "отвязанные", "реальные и правильные пацаны", пестующие не благополучие

России-Матушки, а собственные вульгарные шкурнические интересы.

Думается, поэтому книга и вызвала высочайший гнев. Автору следовало подпустить мистического тумана, набросить на кремлевских фигурантов покрывало Изиды, романтический флер, ничего этого нет, посему "байки", вопреки желанию автора, воспринимаются как документальная сатира. Небожители оказываются злобными лилипутами-интриганами, зачастую коварными и подлыми. Рекомендую эту книгу всем: бодрит и отрезвляет, как огуречный рассол после ночи непомерных возлияний.

Вся книга пронизана стенаниями о травле, о несправедливом исключении журналистки, публиковавшейся в "Русском телеграфе", "Известиях", "Коммерсанте", из прикормленной кремлевской "машиной", пишушей кодлы. "Байки" еще полны дамской обиды на несостоявшийся роман с... – молчок. Читайте сами. Трегубову выгнали взашей из элитарной "тусовки". Вот почему я вынес в заголовок название знаменитой поэмы "Потерянный рай" (1667) Джона Мильтона, яростного участника политических пертурбаций в Англии середины XVII века. Автор одновременно "мстит, кроваво мстит" (слова Карандышева из драмы А.Н. Островского "Бесприданница") обидчикам и робко пытается сказать: "Папа, я больше не буду".

Мадемуазель Трегубова нарушила некоторые тайные "законы", за что и была изгнана из корпорации. Какие? Чи-

тайте и обрящете. Читатель, любое человеческое сообщество: страна, правительство, бизнес-круг, ученый совет Кембриджского университета, коллегия адвокатов, Международный ПЕН-клуб, тюрьма, казарма, больница и прочая, и прочая, и прочая – живут по *определённым* законам, которые не следует нарушать, ибо это жестоко карается. Мы не говорим об уголовном законодательстве – другая песня. Нарушение корпоративных законов, в конечном итоге, наказывается изгнанием из корпорации. А нарушение императивных поведенческих узаконений в российской тюрьме, казарме и больнице карается смертью (я совершенно серьезно).

Книга написана пленительным "макароническим" языком: горячая смесь комсомольского жаргона, новорусского "новояза" с "канцеляритом". Все время встречаются обращения: "Володь", "Володя" (понятно к кому, да?), "Борь", "Борька", "Саш", "Стальевич", "Сережа", "Лужок", "Берёза", "Рома", "Лёша" (вот здесь раскроем обращение – Кудрин) и т.д. Не чурается автор и табуированной лексики, к примеру, главки "Ну, все ребята, вам п...ц!", "Уё...ть отсюда! И поскорее" (так у автора). Прочитируем яркий образчик стиля: "Чубайс – вдохновенный Вольный Каменщик!.. В смысле Чубайс как раз Невольный Каменщик! Он – фиганутый на голову масон, работающий круглые сутки, человек миссии, абсолютно бескорыстный. Именно из-за этого его каждый раз так все и имеют" (С. 301). Умри, Денис, лучше не скажешь. Подобные цитаты можно было бы многократно

умножить, но зачем. Кстати, все кремлевские насельники у Трегубовой – фельетонные негодники и записные мерзавцы. Симпатию у автора вызвали лишь Чубайс, Ельцин и олигарх Владимир Евтушенков. Очень жаль, что книга не снабжена именным указателем: это был бы "бекедер"-путеводитель по закоулкам кремлевской власти.

Кстати, книга не только уморительно смешна, но и поучительна. Читатель постепенно приходит к несложной мысли, мол, политика вершится не президентом, правительством, парламентом, а зачастую случайными людьми за кулисами, в приемных, "под ковром", в кулуарных разговорах, на лестницах, в коридорах и на кухнях. К примеру, Трегубова утверждает, что многие важные политические решения принимались-октроировались на даче знаменитой российско-британской журналистки Маши Слоним. Автор четко фиксирует правительственные "наезды" на свободную прессу, телевидение, радио, попытки обуздать их и стреножить. Поражает поведенческая и вербальная пошлость, пошлость и пошлость кремлевских "небожителей". Удивляет и то, как бесовестно легко продаются-перекупаются журналисты. Эх, "четвертая власть" ...

Путина Трегубова не любит. Почему? Читайте книгу, она того стоит. Скажу лишь, что психологический портрет Владимира Владимировича, созданный мадемуазель-журналисткой, странен, пристрастен и... пугающ (так скажем). Путин у Трегубовой – некий механизм, спроектированный

для... – опять молчок. С несравненно большим пиететом Трегубова описывает удивительные похождения Бориса Николаевича. Сцена, где на королевском банкете в Стокгольме Ельцин, разогретый звоном и содержимым "чаш", решил женить Немцова на кронпринцессе, не уступает лучшим страницам "Русского Ювенала" – Н. Щедрина (главка "Стокгольмский кошмар"). А вот и вывод автора книги: "Дедушке можно было простить все. Потому что он всегда, не важно – вменяемый или невменяемый, живой или мертвый, – оставался крутым" (С. 57). Чудил старый барин, что и нравилось обслуге, а вот новый барин не чудит... Прочитирую поразительный фрагмент из книги: "Как-то раз на мои упреки в изобретении Путина Березовский признался: – Слушайте, Лена, да я в тот момент его и не знал почти! Ну два раза вместе водки выпили – и вперед, в президенты! Зная легендарную динамичность Березовского, в это охотно верится" (С. 377).

Собеседники "кремлевской диггерши" чрезвычайно, предельно откровенны. Вот признание "Славы" Суркова – ведущего кремлевского политтехнолога из администрации президента Путина: "Знаешь, вот попомни мое слово: сейчас, конечно, застой, но еще через несколько лет вы все еще вспомните с благодарностью, что мы этот застой удерживали! Потому что сейчас еще лет восемь в стране застой будет, но зато потом – ка-ак еба...ет – никому мало не покажется!" (С. 375). Радужные перспективы, а? Сказано простень-

ко и со вкусом.

Читаешь эту забавную книгу и вдруг впадаешь в грусть-тоску. А что с Родиной-то будет, если арапа заправляют какие-то бесцветные и пустые человечки. Да, да, бесцветные и пустые – именно так. Поживем – увидим.

Я уже сказал, что книга проникнута некоей дамской обидой, в ней много, увы, истероидных интонаций, автор страдает в существенной мере и манией преследования. Трегубова еще очень молода, в ее тексте очень много детского, капризного, максималистского. В ее обличениях зачастую важны не сами фиксированные факты, а девчоночье желание сказать: я, я, я, смотрите, с какими крутыми дяденьками я ходила на дискотеку. Но есть в книге и совершенно иной "сокрытый двигатель": слезы и боль за Россию, проповедь свободы во всех ее проявлениях, манифестированное отвержение любых притеснений и утеснений. Работа в кремлевском журналистском "пуле" нанесла Елене Трегубовой тяжелейшую психологическую травму. Все пройдет, и это пройдет. Писательница еще порадует нас новыми "байками".

7 апреля 2004г.

"Маленькая барабанщица", или Большая книга

Соскучился я по тебе, любезный читатель, а так поговорить хочется. Есть и повод – замечательная книга: **Джон Ле Карре. Маленькая барабанщица. Перевод с английского Е. Осеневой и Т. Кудрявцевой. М.: Издательство "Эксмо", 2004. 540 С. Тираж 6100 экземпляров.** Роман написан двадцать лет назад, но он сейчас сверхактуален. Почему? Читай дальше.

Несколько фраз об авторе. Джон Ле Карре, один из самых известных в мире английских романистов, родился 19 октября 1931 года в Пуле (графство Дорсет) в семье предпринимателя. Его подлинное имя – Дэвид Джон Мур Корнуэлл. Детство его материально было вполне благополучным, но, мягко говоря, отнюдь не безоблачным: мать оставила семью, когда Дэвиду-Джону было пять лет, отца несколько раз арестовывали за финансовые аферы.

Будущий писатель учился в Оксфорде и в университете Берна (Швейцария), преподавал немецкий и французский языки в Итоне, ряд лет прослужил одновременно в Министерстве иностранных дел и в "Интеллидженс сервис". Как это часто бывает, он занимался разведывательной деятельностью под прикрытием дипломатического статуса (был

вторым секретарем британского посольства в ФРГ, а позднее – консулом в Гамбурге). После выхода в свет третьего романа "Шпион, пришедший с холода" (1963), который принес писателю мировую славу, он выходит в отставку. Двоящийся образ британского разведчика Джорджа Смайли – героя нескольких романов нашего автора – стал понятным и близким (а, может быть, непонятным и далеким) миллионам читателей в разных странах. Ле Карре – автор двадцати книг, добрая половина из них была экранизирована. Псевдоним он выбрал случайно, посему домыслы журналистов о том, что он якобы взял фамилию предков – французов-гугенотов, бежавших при кардинале Ришелье в Англию, – газетная утка.

Джон Ле Карре – один из основателей-фундатторов нового для литературы второй половины минувшего столетия жанра – политического триллера. Опыт службы в разведке predetermined магистральное направление его творчества. В одном из интервью писатель признался: "Я исследовал секретные службы как некое подсознательное народов, которым они принадлежали. Меня интересовали подлинные, подспудные страхи и мифы, которыми они жили. К примеру, история КГБ эпохи "холодной войны" демонстрирует полнейшее психологическое соответствие "конторы" состоянию советского общества того времени – его комплексы, его фантазии, его абсурдные, бессмысленные страхи перед русской эмиграцией... Сюда же относятся и всякого рода заблуждения – особенно в отношении США. И наоборот – неадек-

ватность Запада в отношении к России. Я понимал, что могу использовать свой опыт для иллюстрации более широких сфер жизни. Именно поэтому разведка стала местом действия моей "человеческой комедии". Чрезвычайно любопытное и важное признание...

Выше я упомянул, что книга написана двадцать лет тому назад. Международный терроризм, который сейчас паровым катком катится по всему миру, тогда еще только делал первые шаги. Шаги, разумеется, крупные. Все человечество ужаснулось и содрогнулось после захвата в заложники и убийства израильских спортсменов во время Мюнхенской Олимпиады 1972 года. Однако для подавляющего большинства европейских, американских и советских обывателей это была далекая "экзотика", мол, пусть "они" истребляют друг друга на Ближнем Востоке, а у нас тихо, уютно, спокойно и сыто.

В романе "Маленькая барабанщица" поставлена и чрезвычайно остроумно и элегантно **решена** психологическая проблема политического терроризма. Впервые в истории мировой литературы она была заявлена в гениальном, по словам Блока, романе Андрея Белого "Петербург" (1912 год). Герой романа – Николай Аблеухов – по заданию некоей революционной партии – должен взорвать бомбой своего отца, важного имперского сановника. На самом деле это – провокация "охранки". Белый новаторски показывает "сращение" охранного отделения и боевого террористического под-

поля, спонтанный переход боевика в правительственного агента и наоборот. Вспомним знаменитого Е.Ф. Азефа, чье появление-разоблачение было предсказано Белым, который одновременно командовал боевым отрядом эсеровской партии и был платным агентом охраны.

Сюжет романа весьма непрост: действие "перетекает" из Германии в Англию, в Австрию, в Грецию, на Ближний Восток. В основе сюжета лежит неустанная борьба израильских спецслужб с палестинскими террористами при равнодушной и поверхностной помощи соответствующих организаций европейских стран. Да, взрывы происходят в Европе, но европейцы еще не слишком понимают, что это **навсегда**.

Героиня романа – молодая актриса Чармиан (Чарли), вопреки своей воле, оказывается втянутой в сложнейшую шпионскую игру по уничтожению главаря палестинских террористов. Заманившие ее в свои сети представители израильских спецслужб (Гади Беккер, Курц (он же – Шульман и Рафаэль) и Шимон Литвак) – истероидные, рефлектирующие люди, которым приходится убивать врагов, нарушать законодательство **чужих стран**, что приводит к тяжелейшим психическим травмам, депрессии, нервным срывам. А их противники – не рефлектируют, не терзаются угрызениями совести, не рассуждают, не обсуждают приказы, а убивают просто так, в том числе и совершенно неповинных людей.

Писатель реконструирует психику террористов. Она – другая, читатель, не такая, как у нас с тобой. Впрочем,

другие – не означает плохие. Этими людьми движет слепая, нерассуждающая, огненная, яростная ненависть не только к Израилю, но ко всему западному миру. Любой американец, европеец, россиянин – взрослый, ребенок, старик – может быть убит, ибо он враг, рожденный и проживающий на вражеской территории. Роман удивляет каким-то пугающим психологизмом, которого не было в прежней литературе. Развлекательный триллер постепенно вырастает в Большую книгу с полнокровными персонажами и серьезнейшими проблемами.

До самого финала непонятно: на чьей стороне автор. А на чьей? Не скажу! Читатель, кстати, вместе с автором переходит из лагеря в лагерь, сочувствует то тем, то этим. Весы писательского замысла все время колеблются. Погружение в мир политического терроризма убеждает в схожести методов боевиков и противоборствующих спецслужб. Все двойится, мысленные фантомы переворачиваются: террорист оказывается спецагентом, и опять наоборот. Героиня, прошедшая специфическую обработку, не понимает: кто боевик, а кто агент.

Чрезвычайно интересны и образы левых западных интеллектуалов, которые, как раки, попадают в сети террористов и от напыщенных "революционных" фраз легко переходят к кровавым деяниям. Книга очень грустна: с арабскими боевиками никогда не удастся договориться. С боевиками ИРА, с басками, возможно, получится, с палестинцами – нет.

Это другая порода людей. Вот их кредо: нужно "стремиться к тому, чтобы уничтожить собственность и казнить богачей" (С. 156). Под этот ранжир попадаем и мы с Тобой, читатель, ибо мы состоятельней насельников палестинских лагерей. Еще фрагмент из монолога лидера боевиков: "Я убил немало людей, которые наверняка достойны уважения... Но мной, когда я убиваю, движет любовь. Я убиваю ради Палестины и ради ее детей" (С. 496).

Всем нам в школе рассказывали о подвигах Николая Гастелло и Александра Матросова. О них написаны книги и сняты кинофильмы. Каждый день мы видим по телевизору и читаем в газетах о том, как в Ираке, в Саудовской Аравии, в Чечне, в Узбекистане боевики-смертники ценой собственной жизни отнимают другие жизни. Нужно признать, читатель, что такого массового героизма не было в человеческой истории. К примеру, ни один секретарь райкома КПСС не умер за коммунистическую идею. Как же нужно истово в Аллаха и в палестинскую идею верить, чтобы неколебимо ради них идти на неминуемую смерть.

В своем романе Ле Карре измерил и сфотографировал леденящую бездну, разделяющую европейское и восточное мировидение-миропонимание. Ей-Богу, страшно. Проницательный читатель скажет, мол, это сделал еще Р. Киплинг. Да, но романист все это невероятно углубил и усложнил. Важна в "Маленькой барабанщице" и тема двойничества: противники одновременно и похожи, и непохожи друг на

друга. Вспомним замечательную мысль Н.С. Лескова: "Натуральный факт в мистическом выражении".

Среди писателей много дураков, одаренных художников, но житейски глупых людей. Читатель, Ты не поверишь, но именно так относились, например, к Блоку и Андрею Белому Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Сказанное ни в коем случае неприложимо к романисту. Книга удивительно умна, многие мысли автора, надеюсь, войдут в сборники афоризмов. Приведу две фразы: "В глубине души... большинству бунтарей хочется лишь обрести новый, более совершенный конформизм" (С. 134); "Для женщины ложь – это способ обороны. Они обороняют правду, как обороняют девственность. Женская ложь – свидетельство добропорядочности" (С. 144).

Вот такая книга: загадочная и блестящая, как фейерверк, и пророческая, ибо в ней предсказано не только то, что сейчас происходит в мире, но и то, что неминуемо произойдет...

21 апреля 2004 г.

"Алмазная колесница", или Путь к Будде Амида

Любезный читатель, давай потолкуем о новой, пленительной и удивительной книге: **Борис Акунин. Алмазная колесница. В двух книгах. Книга 1. Ловец стрекоз. Книга 2. Между строк. Издание второе, дополненное. М.: Издатель Захаров. 2004. Тираж 100 000 (!!!) экземпляров. 720 С.** Маститый автор на сей раз превзошел себя. Почему? Отвечаю.

Увесистый том представляет собой дилогию, связанную в одно целое главным героем, которого читатель хорошо знает: Эрастом Петровичем Фандориним, сыщиком-аналитиком на государевой службе, благородным авантюристом, державником-прогрессистом, политическим пророком, дамским сердцеедом. Действие первой книги происходит в 1905 г. в Питере и Москве, второй – в Японии эпохи Мейдзи (1878 г.).

"Алмазная колесница" – не что иное, как название секты (Дзёдо), основанной монахом Синраном (1173-1263 гг.). "Алмазная колесница" (Конгодзё) летит по Пути Чистой Земли, ее "седоки" – искусники-ниндзя, тайные воины-убийцы, диверсанты, равнодушные к добру и злу. Глава клана ниндзя Тамба Момоти говорит Фандорину: "Путь

Алмазной колесницы учит, что Большой Мир, то есть мир Своей Души, неизмеримо важнее Малого Мира, то есть мира человеческих отношений. Спроси сторонника любой религии, кто такой праведник, и ты услышишь: праведник – тот, кто жертвует собой ради других людей. На самом деле жертвовать собой ради других – наихудшее преступление в глазах Будды. Человек рождается, живет и умирает один на один с Богом. Все прочее – лишь видения, созданные Высшей силой, дабы подвергнуть человека испытанию. Великий вероучитель Синран изрек: «Если глубоко вдуматься в волю Будды Амида, то окажется, что всё мироздание затеяно ради одного меня» (С. 707). Ничего себе, развлекательное чтиво. Образ Тамба – сквозной и чрезвычайно важный, он – отец и дед... (промолчу).

Название первой книги "Алмазной колесницы" восходит к прославленному хокку:

Мой ловец стрекоз,

О, как же далеко ты

Нынче забежал...

Как ты думаешь, читатель, о чем это трехстишие, а? Неправильно. Процитируем автора, в миру – Г.Ш. Чхартишвили, крупнейшего япониста современности: "... великая поэтесса Тиё написала это стихотворение на смерть своего маленького сына" (С. 651). Лишь в ошеломительном фина-

ле второй книги мы узнаём, что "ловец стрекоз" – это (нет, молчок). Читайте сами.

Тема трагедийной несовместности европейского и японского мировидения, миропорядка, миропонимания, мировоззрения, культуры, поведенческих мотивов, мышления-языка – сквозная в книге Б. Акунина. О-Юми (Мидори), возлюбленная Фандорина, говорит ему во время свидания: "Есть две красоты: красота радости и красота печали. Вы, люди Запада, предпочитаете первую, мы – вторую. Потому что красота радости недолговечна, как полет бабочки. А красота печального прочнее камня" (С. 653). Кстати, в японском языке нет будущего времени (!!!), только – настоящее и прошедшее.

Название второй книги "Между строк", каждую главу которой автор завершает изящным трехстишием, помогает понять последнее хокку:

Забудь, что прочёл.

Учись читать заново.

Так сказал сэнсэй.

Здесь не только корректное обращение к читателю с просьбой перечитать книгу наново, здесь обращение к читательскому сердцу... Кстати, в этой книге дана "развернутая биография" Массы – друга-камердинера Фандорина.

Два романа Б. Акунина, объединенные под одной об-

ложкой, ибо лишь из поразительного постскриптума читатель понимает, что это ОДНО произведение, принадлежат к новому "синкретическому" (так скажем) жанру. "Алмазная колесница" – глубоко новаторское соединение исторического, "этнографического", психологического, политического, философского, любовного, шпионского, авантюрного, детективного романов. В книге "Между строк" 22-летний Фандорин еще к тому же стремительно мужает, отковывает дух, подвергается тяжким душевным и телесным испытаниям, следовательно, можно назвать эту книгу еще и "романом-воспитанием". Да, да, все это "в одном флаконе", как говорится в пошлой рекламе. Не знаю, читатель, видал ли Ты такое, я – нет, ничего подобного не читал.

В первой книге "Ловец стрекоз", действие которой разворачивается в Питере и Москве во время Русско-японской войны, после разгрома российского флота у острова Цусима, Фандорин сражается с японским диверсантом штабс-капитаном Василием Александровичем Рыбниковым, который в действительности оказывается... (нет, опять молчок). Ба, скажет читатель, читал я рассказ А.И. Куприна (1870-1938 гг.) "Штабс-капитан Рыбников" (1905). Написав эту мини-повесть, Куприн стал основоположником жанра шпионского детектива в русской прозе, причем писатель считал этот рассказ своим лучшим произведением.

Читатель, осмелюсь дать Тебе совет: перед проглатыванием "Ловца стрекоз" перечитать купринский рассказ (в лю-

бой поисковой машине набери: Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников; нажми пару кнопок, и текст появится на мониторе). Куприн – замечательный писатель – в нашей преизбыточной гениями литературе является классиком "второй руки". В любой европейской литературе он был бы писателем первого ранга. Однако мы сейчас не об этом. "Штабс-капитан Рыбников" – весьма компактное произведение. Так вот, перечитав купринскую мини-повесть и начав поглощать "Ловца стрекоз", Ты поймешь, как изменилась русская проза за сто лет: темп, ритм, писательские технологии, сюжетное построение, психологизм и т.д. Читатель спросит, а что же, Акунин пишет лучше Куприна? Однозначно (вспомним В.В. Жириновского!). Нет, не так! Акунин пишет ИНАЧЕ: жестче, точнее, насыщеннее... Безупречная книга.

Я нашел лишь одну "блоху" в "Ловце стрекоз" ("питерские главы"): "Мимо грохотал электрический трамвай. Рыбников вдруг ступил с тротуара на мостовую, перешел на бег и ловко вскочил на подножку" (С. 10). Первая трамвайная линия в Петербурге была открыта 15 сентября 1907 г., т.е. через два года после описываемых событий. Я когда-то писал об этом в комментариях к роману Андрея Белого "Петербург". Книга "Алмазная колесница", несомненно, стоит в одном ряду с этим шедевром. Действие романов Белого и Акунина происходит в одно и то же время, большое внимание уделяется психологии бомбистов-террористов.

А о чем, собственно говоря, повествует автор в "Алмаз-

ной колеснице"? Да все о том же: о любви и ненависти, о жизни и смерти (и о "посмертии"), о верности и предательстве, о земле и крови, о благородстве и низости, о буддизме и синтоизме, о российской и островной (Ямато) империях и прочая, и прочая, и прочая. Книга читается, ей-Богу, на одном дыхании: сюжет чрезвычайно прихотлив и затейлив со всеми фиоритурами приключенческого романа: погони, перестрелки, сражения с ниндзя, любовные перипетии и т.д. В книге много крови, жестоких сцен насилия, убийств.

Злые и завистливые критики относят прозу Акунина к развлекательному "чтиву". Это нечестно и неверно. Сам писатель подлил масла в огонь, сказав о своем творчестве в одном из интервью: "Не все же Хайдеггера читать". Читатель, мне приходилось читать труды этого философа: скука смертная, немецкое "гелертерство", квазинаучные благоглупости, яркая мысль, как саваном, укутана многостраничными ИЗБЫТОЧНЫМИ размышлениями. Это не В. Соловьев, не В. Розанов и не Н. Бердяев, ну, и, разумеется, не Б. Акунин. Автор "Алмазной колесницы" – круче, увлекательней и УМНЕЕ. Именно от Владимира Соловьева автор подхватил тему "панмонголизма" (С. 558), грядущего всемирного торжества "желтой расы".

Приведу фрагмент размышлений главного героя ("Между строк"): "...всем существом Фандорина овладело пронзительное, непередаваемое словами ощущение, что *смерть есть*. Он всегда, с раннего детства твердо знал, что жизнь те-

ла невозможна без жизни души – этому учила вера, об этом было написано в множестве прекрасных книг. Но теперь, на двадцать третьем году от рождения, под падающей с неба лунной, ему вдруг открылось, что верно и обратное: душа без тела тоже жить не станет. Не будет ни воскресения, ни ангелов, ни долгожданной встречи с Богом – будет нечто совсем другое, а, может, и вовсе ничего не будет, потому что души без тела не бывает, как без тьмы не бывает света, как не бывает хлопка одной ладонью. Умрет тело – умрет и душа, а смерть абсолютна и окончательна" (С. 443). Нет, не "бульварное чтиво", господа-критики. Ничего ужасней я за всю жизнь не читал.

В книге многократно и многоаспектно истолковывается псевдоним "Акунин". В ней много "внесценических персонажей" (так скажем): они не являются участниками действия, но о них говорят персонажи (император Муцухито и многие другие).

"Алмазная колесница" – Большая книга Большой литературы. Б.Акунин – "ушедший к Будде" (желаю писателю многоплодного долголетия). Предпоследнее. "Перестройка" эпохи Мейдзи содержит прямые аллюзии с реформами современной России. И последнее. "Алмазная колесница" наверняка напугает "проницательного читателя": насельники островной империи остались прежними (вопреки техническим "чудесам"), а мы (русские, европейцы, американцы) – давно другие... Ave, Akunin.

20 мая 2004 г.

"Бесчестье" "Осени в Петербурге", или "Безнравственное безволие" и нравственная воля

Дорогой читатель, поговорим о совершенно исключительной книге: **Дж. М. Кутзее. Бесчестье. Осень в Петербурге: Романы / Перевод с английского С. Ильина. СПб. Издательство "Амфора". 2004. Тираж 10000 экземпляров. 590 С.**

Южноафриканский прозаик Джозеф (иногда пишут – Джон) Максвелл Кутзее в 2003 г. был удостоен Нобелевской премии. Это вторая "нобелевка" (так говорила Ахматова) в истории литературы Южноафриканской республики. Первым лауреатом в 1991 г. стала Надин Гордимер, автор многих романов (род. 1923 г.). В ЮАР существуют две мощные литературы: англоязычная и на языке африкаанс (бурском).

Несколько фраз о биографии "нобелиата". Кутзее родился 9 февраля 1940 г. в городе Уорсестер близ Кейптауна в семье потомков голландских переселенцев. Окончив Кейптаунский университет, он в 1960 г. становится "бакалавром гуманитарных наук", через три года – магистром, в 1969 г. в Техасском университете получает степень доктора философии. С 1971 г. – профессор Кейптаунского университе-

та (английский язык, история мировой литературы). Кутзее много путешествовал по Европе, несколько лет прожил в Австралии. Его перу принадлежат повести и романы: "Сумрачная земля" (1974), "Из глубины страны" (1977), "В ожидании варваров" (1980), "Жизнь и время Майкла К." (1983), "Мистер Фо" (1987), "Железный век" (1990), "Осень в Петербурге" (1995), "Бесчестье" (1999) и книга статей "Белое письмо" (1998). Романы "В ожидании варваров" и "Жизнь и время Майкла К." переведены на русский язык. Джозеф Кутзее в первый раз за всю историю англоязычной литературы дважды удостоивался британской Букеровской премии: в 1983 г. – роман "Жизнь и время Майкла К.", 1999 г. – "Бесчестье".

Разговор начнем с романа "Бесчестье". Сюжет романа достаточно прост: телесные и духовные "приключения" 52-летнего профессора-филолога Дэвида Лури, выгнанного из Кейптаунского университета за "морально-бытовое разложение", как писали в советские годочки, т.е. за связь со студенткой. Он уезжает на ферму к дочери-лесбиянке, ее насилюют чернокожие кафры, она "оставляет" ребенка и собирается выйти замуж за соседа-негра. Профессор частенько наезжает с фермы в ветеринарную клинику в близлежащем городке, где помогает гуманно умерщвлять старых и больных собак. Дэвид сомневается в бытии человеческой души, но в существование души у животных он, кажется, верит. Читатель скажет, что за ерунда на постном масле. Нет, не ерунда. Все на самом деле исключительно трагично и глубоко.

Вспомним чеховское "трагизм мелочной жизни".

Прежде всего автор невероятно культурен. Писательница Людмила Улицкая (биолог по "базовому" образованию) как-то обмолвилась: "Человек создает культуру как моллюск, выделяющий из своей раковины створки собственной мантии". Как филолог по "базовому" образованию, скажу проще: Кутзее выделяет культуру, как почки мочу. Роман весь пронизан тончайшими литературными аллюзиями, намеками, нюансами, скрытыми цитатами. Все исключительно вкусно написано. Кстати, в романе есть романтическая "вставная новелла": герой пишет оперу "Байрон в Италии" (либретто и музыку), своих любовниц он проецирует на образ возлюбленной величайшего английского поэта. Читатель! Это тебе ничего не напоминает? Правильно: роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" ("античная" линия Иешуа Га-Ноцри). Для "Бесчестья" характерен какой-то запредельный, сладкий и горький, нежный и грубый, посюсторонний и потусторонний изощренный психологизм. Большая литература – она и в Африке – большая литература.

В обезбоженном космополитическом (употребим новейшее словечко – глобалистском) мире Дэвида Лури все просто и сложно, обыденно и трагично. Он сам причисляет себя к "клирикам пострелигиозного века" (С. 12), к людям "послехристианской, послеисторической эпохи, эпохи ликвидации грамотности" (С. 49). Хорошо сказано! Герой стареет, теряет витальные силы. Как врач фиксирует течение

болезни, романист дробно и подробно описывает истечение и истончение грешной души. Походя, без надрыва и нажима Кутзее касается чудовищного расового антагонизма в ЮАР, выплеснувшегося кровавой волной в результате "перестройки", демиургом которой был последний белый президент Леклерк. Всего не скажешь в рамках стандартной статьи... Не все же литературные эклеры с жирным кремом "трескать", иногда полезен горьковатый черный хлебушек, посыпанный солью отчаяния.

Жанр "Осени в Петербурге" определить довольно затруднительно. Попробуем так: антикварно-фантастический (!!!) роман. Действие происходит в октябре 1869 г. В столицу Российской империи приезжает из Дрездена Федор Михайлович Достоевский, узнавший о самоубийстве (убийстве?) пасынка Павла Александровича Исаева, сына своей умершей первой жены. В Петербурге его, как Дэвида Лури из "Бесчестья", ожидают, в свою очередь, духовные и телесные приключения.

Почему роман антикварный? В книге безупречно воссоздана атмосфера Петербурга Достоевского: топография, обороты речи, быт, костюмы, аксессуары и т.д. Нет никаких сведений о том, что Кутзее когда-либо навещал Ленинград-Петербург, следовательно, все эти скрупулезные сведения получены им из скрупулезно изученных комментариев к Полному собранию сочинений и писем Ф.М. Достоевского в 30 томах. Это издание, предпринятое в течение двух деся-

тилетий моими коллегами по Пушкинскому Дому, поверь, читатель, – научный подвиг. В романе нет ни одной явной фактической ошибки. Это, в свою очередь, писательский подвиг. Необходимо отметить талантливую работу переводчица С. Ильина, который мастерски стилизовал "язык" старой России.

Почему роман фантастический? Пасынок писателя – реальный исторический персонаж (давно опубликованы письма к нему Достоевского) пережил отчима на двадцать лет, был женат, имел двух деток и умер на своей постели. Достоевский проводит фактическое и психологическое расследование причин смерти Павла. О чем книга? Да все о том же: о сиротстве человека в сей юдоли плача, о любви небесной и земной, о любви преступной (тема педофилии, воплощенная Достоевским в "Исповеди" Ставрогина – героя гениального романа "Бесы" (1873 г.), о смерти неминуемой, о "крови по совести", о политической провокации, о свободе слова и свободе молчания, о "безнравственном безволии" (С. 326). Главным героем "Осени в Петербурге" становится Сергей Геннадиевич Нечаев. Читатель, слышал ли ты когда-нибудь слово "нечаевщина"? Напоминаю.

С.Г. Нечаев (1847-1882 г.) – революционер, основатель тайного террористического общества "Народная расправа", друг знаменитого анархиста М.А.Бакунина, автор печально известного "Катехизиса революционера", в котором разрешалось из высших соображений убивать, лгать, провоциро-

вать, выдавать жандармерии друзей и т.д. "Народная расправа" была поделена на "пятерки", которые Нечаев хотел "повязать кровью". Осенью 1869 г. нечаевцы убили в Москве студента И.И. Иванова, который якобы был "предателем". По этому делу было осуждено 85 человек. Нечаев бежал за границу, но в 1872 г. был как уголовный преступник выдан швейцарским правительством царским властям и осужден на 20 лет каторги. Умер от водянки в Петропавловской крепости. Учение и жизнь террориста оказали огромное воздействие на молодого Ленина, который по лекалу "Народной расправы" основал партию "нового типа". Нечаев стал прототипом Петра Верховенского – провокатора и убийцы из "Бесов". Итак, "Осень в Петербурге" можно охарактеризовать как одновременно "преуготовление" (употребим стародавнее словечко) и послесловие к "Бесам" (автор не раз цитирует старинное присловье "Лес лесом, а бес бесом"). Нечаев, по версии Кутзее, и явился причиной смерти Павла... Духовное работорство Достоевского с Нечаевым – сюжетный стержень романа. Кутзее противопоставляет кровавую практику Нечаева высоким устремлениям декабристов и петрашевцев. Достоевский как деятельный участник этого революционного кружка стал одним из самых известных политических заключенных в истории... XXI век застит небо истории такими кровавыми сполохами, что книги, в которых прослеживаются и очерчиваются идеологические источники терроризма, становятся куда более актуальными, чем свежий

номер информационно-аналитической газеты.

Южноафриканский романист гениально моделирует сложную, контрастную, переливающуюся, фосфоресцирующую психику гениального Федора Михайловича, сочетавшего в душе болезненную святость и "бездны содомские", гордыню и юродство, благородство и подлость, веру во Христа и поведенческое неверие. Все так, все именно так, читатель. Напомню проникновенные слова Достоевского: "Через великое горнило сомнений моя осанна прошла". Образ русского писателя, который мечется между раем и адом, притягивает, завораживает, пугает, ужасает, вызывает и любовь к нему, и жалость, и презрение. Не кислые, как теперь принято изъясняться, "африканеры" (потомки белых переселенцев) книги строгоют. Интеллектуальные романы для "высоколобых" зачастую читаются увлекательней и занимательней, нежели приключенческие книжки и детективы.

"Осень в Петербурге" ко всему прочему еще и любовный роман: сердце Достоевского разрывается между высокой любовью к своей второй жене (в девичестве А.Г. Сниткиной) и сжигающей страстью к некоей А.С. Коленкиной. На свободу – с чистой совестью. С чистой совестью рекомендую всем книгу Кутзее...

1 октября 2004 г.

Норманнская Англия, или Английские норманны

Читатель, хочу предложить твоему благосклонному вниманию чудесную книжку английской исследовательницы: **Сара Орне Джуэтт. Завоевание Англии норманнами. Минск. Издательство «Харвест». 2004. 304 С. Тираж 5000 экземпляров.** Имя переводчика не указано.

События, о которых идет речь в книге, предшествуют лет на сто приключениям бессмертных героев самого знаменитого романа Вальтера Скотта «Айвенго» (в XIX в России произносили и писали «Ивангоэ»). Мало кто помнит, что Ричард Львиное Сердце был не только королем Англии, но и герцогом Нормандии. Фон романа – ненависть англосаксов к норманнским завоевателям. Кстати, Вальтер Скотт совершил одно из самых блистательных открытий в мировой литературе, создав жанр исторического романа. Впрочем, я не об этом.

Все знают богатые смысловыми обертонами слова «норманны», викинги, варяги (в русской традиции): суровые воины из суровых скандинавских стран, жестокосердные завоеватели, в течение столетий наводившие ужас на всю средневековую Европу. Предки современных норвежцев, датчан, шведов и исландцев были, если использовать терминологию

Л.Н.Гумилева, «пассионариями» в самом полном значении этого концептуального термина. Викинги, отправлявшиеся в немыслимые по тем временам по дальности и длительности морские экспедиции на своих судах – «драккарах» – «драконах», предавали огню и мечу целые страны. Впрочем, не нужно думать, что викинги (от *víks* или *wicks* – бухты, где они ставили свои корабли) были «террористами» в современном понимании-истолковании. «Викинги были отчаянно смелы и дерзки и придерживались рыцарского кодекса чести.... Викинги были обязаны давать клятву, что не будут захватывать в плен женщин и детей, спасаться бегством во время бури или останавливаться до окончания битвы для обработки ран» (С. 16). Конечно, они были пиратами, но благородными пиратами. Норманны, захватившие в начале X века огромную часть территории феодально раздробленной Франции, дали ей имя Нормандия, а сами стали называть себя норманнами.

Напомню: согласно знаменитой «норманнской теории», варяжский князь Рюрик стал основателем российской государственности, в 862 г. он занял новгородский престол. Многие исследователи возводят самоназвание великоросской нации к имени варяжского племени «русов».

Принято думать, что викинги были дикарями-язычниками, которые причиняли культурной Европе неисчислимый вред, толкая просвещенные страны назад, в темные века. Исследовательница обстоятельно аргументирует иную точ-

ку зрения: викинги-норманны были передовой нацией мореплавателей-воинов, «их история, литература и социальные устои были совершеннее, чем у англосаксов и у франков» (С. 11). «Чем больше мы узнаем о норманнах, тем больше убеждаемся в том, насколько они превосходили в своем знании полезных ремесел людей, которых они покоряли» (С. 12). Саги, сложенные скандинавскими скальдами-бардами, и по сей день являются непревзойденным образцом мрачной, грозной и своеобразной поэзии. У викингов была странная, простая и сложная одновременно вера в богов: Одина, Тора и Бальдра, в поразительный «рай» и «ад». Воины, павшие на поле брани, попадали в светлый дворец Одина –творца все сущего, в Валгаллу, где вечно пировали и воевали, умершие от болезни или от старости попадали в подземное царство, во тьму и скрежет зубовой.

Каждая глава книги С.О.Джуэтт представляет собой конспект увлекательнейшего исторического романа или кинофильма. К примеру, жизнь норвежского короля Рольфа (Ходока), основателя Нормандского герцогства, настолько баснословна, как говаривали в старину, что могла бы послужить сценарной основой голливудского блокбастера. Столь же удивительны и жизненные приключения его наследников: Вильгельма Лондсворта, Ричарда Бесстрашного, Роберта Великолепного и, конечно, Вильгельма Завоевателя. Жизнеописание великого Вильгельма, незаконного сына законного герцога Нормандии, удивляет проникновенным психо-

логизмом, скрупулезным вниманием к каждой биографической детали.

Потомки Рольфа поразительно быстро усвоили религию и язык франков, переняли их обычаи (буквально в течение жизни одного поколения) и стали... **французами**, хотя и именовали себя норманнами. Наследники викингов занялись возведением монастырей как центров литературы и просвещения, покровительствовали искусствам, торговле, мореплаванию и ремеслам. Нормандские рыцари, доблестные и галантные, стали образцом для всей Европы. Именно норманны разработали и стали широко применять рыцарский кодекс клятв и обетов.

Когда Вильгельм Завоеватель покорил Англию, норманны, протеичные и пластичные, преодолев сопротивление коренных англосаксов, в скором времени стали **англичанами**, а их потомки спустя долгие столетия – американцами. С некоторой обидой исследовательница констатирует: «Что касается современных англичан и американцев, то корни английской истории сами по себе интересуют их меньше, чем всевозможные толкования хода событий» (С. 73). А вот о чем С.О.Джуэтт пишет с гордостью: «...проявившиеся впоследствии готовность англичан образовывать колонии и их способность адаптироваться к любым – климатическим и другим – условиям жизни была предопределена в нормандских поселениях... Был какой-то глубокий смысл в слиянии двух народов, была какая-то причина образования бо-

лее великой нации, чем просто норманны и англичане» (С. 110-111, 153). Трудно не согласиться с автором книги в том, что английская нация унаследовала от норманнов свои лучшие качества.

Англосаксы, потерпев сокрушительное поражение от норманнов в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г., мало что потеряли и много что приобрели. Англия, находившаяся под властью слабых датских королей, была разделена на феодалы, непрерывно воевавшие друг с другом. Норманны принесли ей покой и процветание. Через 169 лет, 15 июня 1215 г. на лугу «Раннимед» английский король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей (Magna Carta), важнейший цивилизационный дар норманнов человечеству, в котором были закреплены ограничение и подотчетность власти, верховенство правосудия над произволом, абсолютная ценность человека и т.д.

Ф.Шлегель когда-то сказал: «Историк – пророк, обращенный в прошлое». Англия была покорена норманнами, Русь через две сотни лет – монголо-татарами. Многие серьезные историки полагают, что в результате этого Русь вступила в военно-политический союз с Золотой Ордой, и именно это спасло ее от железной экспансии западных орденских и светских рыцарей, наследников варягов-норманнов. Вот так. Исследовательница права: «Не следует судить о том времени с позиций сегодняшнего дня, поскольку многие вещи, которые тогда считались правильными, сейчас таковыми не яв-

ляются» (С. 51).

Помимо биографических «портретов» герцогов и королей IX-XI вв. книга содержит дробную-подробную хронику политических событий той чрезвычайно насыщенной военными и социальными катаклизмами эпохи, в частности, речь идет и о Крестовых походах. Гнусное все же дело политика. Исследовательница бесстрастно фиксирует вековую человеческую алчность, подлость, лживость, низость венценосных политиков, их презрение и пренебрежение к низшим классам, животную «волю к власти», бездумное «переступление» через Божьи и человеческие законы. Читаешь о войнах и мятежах тысячелетней давности и вспоминаешь вчерашнюю газету. Ничто не ново под луной.

В мягком пультмановском вагоне либеральной политкорректности мы «въехали» в XXI столетие. Рухнула Красная Империя, будущее представлялось безоблачным и тщательно спроектированным. Помните знаменитую статью Френсиса Фукуямы «Конец истории?», наделавшую в минувшем десятилетии много шума. Увы, раскаленная цепь мирового терроризма ударила всех – «одним концом по барину, другим – по мужику» (Н.Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»»). В том-то и ужас (в античном понимании), что сегодня в мире никому не **хорошо** жить. В давние времена цивилизационные конфликты и войны разрешались (не всегда, разумеется) более или менее **мирно**. Например, болгары-тюрки, покорив славянские племена на Балканах, слились с по-

бежденными, усвоили их язык, приняли православие, так и появилась Болгария.

Нелюди, взрывающие ни в чем не повинных людей, не способны ни на какое слияние языков и культур, симбиоз народов. Они не просто отрицают наши устои, культуру, верования и обычаи, они отрицают **нас**, наше право на простую обывательскую жизнь. Перед цивилизованными странами (является ли таковой Русь-Матушка – большой вопрос) возникает огненная, в багровых сполохах дилемма: «Кто – кого» (Ленин).

Чего-то я «распоэзился». Вот, как «цепляет» якобы сухая книга, посвященная событиям тысячелетней давности. В те давние века война была аристократической причудой, сражение представляло собой множественность личных поединков. Мирные обыватели, как правило, не становились субъектами и объектами войны. Мировые войны прошлого столетия впервые в истории человечества стали тотальными, приведшими к чудовищным жертвам среди мирного населения. Однако было понятно: где фронт, где враг и, главное, **кто** враг. Сегодня это малопонятно. Кстати, норманны нанесли со своих кораблей точечные удары, никогда не держали правильный фронт и т.д., т.е. не вели позиционной войны. Но они воевали всегда по свято соблюдаемым **правилам**.

Вот такая занятная научная книга. Невнятное будущее внятно коренится в истории...

29 октября 2004 г. Петергоф.

Грустное имя – Ольгин, или Веселое имя – Ольгин

Вливаются потоками в Истоки

Сквозь сито звёзд просеянные строки.

Леонид Ольгин

Читатель, помнишь блоковское: веселое имя Пушкин. Разумеется, Леонид Ольгин не Пушкин и не Блок. Он – Ольгин (не больше, и ни в коем случае не меньше). Друг мой, Ты держишь в руках поэтическую книгу. А что такое поэзия: дыхание и слезы Бога, оккультная мистика, страх и трепет перед тем, что Чехов назвал «трагизмом мелочной жизни», язвы в горле и сердце, бездумное и безумное составление рифмованных текстов, преступление и наказание, гордость и боль, проклятие изгойства, клеймо избранничества, венец терновый и крест неподъемный? Не знаю. Не ведаю. Приведу цитату из стихотворения Леонида Ольгина:

Перегрузки, стрессы, драмы, и по коже пот кровавый,

Рвутся сердце, мышцы, нервы...

Лучшее, на мой взгляд, определение поэзии принадлежит Иосифу Бродскому (я уже не раз его цитировал):

«Поэзия не развлечение и даже не форма искусства, но скорее наша видовая цель. Если то, что отличает нас от

остального животного царства – речь, то поэзия – высшая форма речи, наше, так сказать, генетическое отличие от зверей. Отказываясь от нее, мы обрекаем себя на низшие формы общения, будь то политика, торговля и тому подобное: это колоссальный ускоритель сознания и для пишущего, и для читающего.... Это уникальный инструмент познания». ¹ Гениальное позитивистское определение, но нет в нем нескольких фундаментальных составляющих. Поэзия – «высокая болезнь» (Пастернак), горячка и бред и, самое главное, поэзия – огненная тайна.

Ох, неловко цитировать себя, грешного, но что поделать: «Читатель, открою тебе сакральную тайну: стихи не рассчитаны на понимание, они представляют собой набор ассоциативных рядов, запечатлевающих некие эмоциональные знаки-фантомы, которые должен уловить читающий про себя или вслух, и все. Плохих стихов не бывает, бывают плохие рифмованные тексты, но это совсем иная опера. Если ты не "понимаешь" того или иного поэта, то это твоя проблема, читатель, а не автора». ² Сказанное, по-моему, несколько усовершенствует тех читателей и критиков, которые будут тявкать, мол, мы стихов Ольгина не понимаем, они нам не нравятся и т.д. Не нравится, так и не читайте.

¹ Бродский Иосиф. Большая книга интервью. Второе, исправленное издание. М., Издатель Захаров, 2000. С. 603 (июль 1995; интервью «Московским новостям»).

² Василий Пригодич. "Иные волны", или "Братья и сестры" из Суоми // London Courier, 2002, № 173, 6-9 September. P. 19.

Приведу несравненное четверостишие насельников Оптинской пустыни:

«Где просто,
там ангелов со сто,
а где мудрено,

там ни одного». Так вот, стихотворения Леонида Ольгина одновременно простые и сложные. Бывает, у русских поэтов все бывает...

Несколько фраз об авторе. Пусть говорит сам поэт:

«За плечами военная музыкалка, мореходное училище, ПЕД–филология, ВТУЗ–экономика и организация производства. Заочно. Причем последнее доказано еще раз «за бугром», а филология никому не доказана. Даже дома. Потому что, когда пишу стихи, не могу объяснить, откуда они появляются,³ и кому и зачем всё это нужно. Но с упорством маньяка продолжаю писать вот уже многие годы, что никак на мне не отражается». Увы, поэт уже давно не юноша...

Мне всегда по сердцу висельнический юмор, люблю галерские шутки немолодых печальных трикстеров. Добавлю от себя. Поэту пришлось вдоволь накушаться соленой от слез коркой эмигрантского горького сухарика. В настоящее время Леонид живет в Бельгии, редактирует чрезвычайно элегантный общественно-просветительский и литературный журнал «День». Свидетельствую, в редакции журнала много

³ О природе некоей внеположной силы, диктующей поэту стихи, лучше не размышлять. Опасно для психического и телесного здоровья.

талантливых и дельных людей.

А почему – грустное имя – Ольгин. А потому, что его стихи трагедийны в своей эйдетической (космогонической) сущности, как говорят хлеборобы Брянщины и селяне из Айовы. «Только с горем чувствую солидарность» (Бродский). Умом Леонида Ольгина владеет манихейская дихотомия, как выражаются торговки колготками на Петергофском рынке. Читатель, эта заметка есть не что иное, как мое частное мнение по частной проблеме. Как я понял, осознанно и неосознанно для поэта равновелики, равновесны Бог и Дьявол, Агура-Мазда и Ариман, силы света и силы тьмы, хотя его страдающая душа тянется к просветленному и *простому* добру. Прихотлив, извилист и опасен путь поэта. Вспомним Лао-цзы: «*Дао*, которое может быть выражено словами, не есть постоянное *Дао*». То, что сказано в стихах, неизмеримо меньше и мельче того, что в них не сказано.

Есть гениальное присловье оптинских старцев:

«Смотри в себя,

И будет с тебя».

В стихах книги «И будут звезды моросить»⁴ поэт тревожно вглядывается «в себя». Поэт фиксирует состояния своей души. Его стихи овеяны библейским духом (многим стихотворениям предшествуют эпитафии из Писания). В них есть

⁴ Название книги у меня вызвало содрогательную ассоциацию с содрогательной строчкой из стихотворения о красном терроре Александра Прокофьева: «И будет кровь моросить». Звезды у Леонида Ольгина «моросят» светом-огнем. Как сказал Платонов: «В пучине мира мы – *нечаянный* огонь».

отзвуки индийской и индейской мистики.

Много, много в стихах Ольгина того, что Чехов назвал «трагизмом мелочной жизни». Не будем вдаваться в дискуссию о лирическом герое. Поэт пишет про себя и для себя. Его стихотворения насквозь «литературоцентричны»: всё о Поэзии и всё о поэтах. Они «моросят» тем, что К.Юнг назвал «метафизикой внутренней жизни». Проблематику таких стихов можно исчерпывающе передать исчерпывающей строкой Александра Ивановича Введенского: «Кругом, возможно, Бог». Вдумайся, Читатель.

Есть у Цыпочки моей Несравненной и у меня безошибочный критерий качества стихов: хочется ли *онь*е читать вслух и запоминать. О, как сладко и славно перекатывать во рту фонемные карамельки и «вкусные» строчки. Так вот, все это есть у Ольгина. Приведу запомнившиеся слету строки:

Наши жены – жизни наши, перемноженные на сто.

Наши жены – души наши, не сгоревшие в аду.

И грудь земли сосут деревья, как телята.

Твердо знала распятая Муза твоя

О конце Бытия на пути остряя.

Спят, обнявшись, две подушки

Будто белые коты.

И тихонько крадётся ночь
Чёрной кошкой по белому снегу.

И склоняемся в поклоне
Мы, азарта не тая...
Там, в Осташковском районе,
Заблудилась тень моя.

Замедляет бег свой не от лени
Всё живое. Призрак холодов
Ставит осторожно на колени
Суету надменных городов.

Где когда-то
медовые реки текли,
Там лишь
камни растут
в прокалённой пыли...

Натруженно написанные строки
Не восхвалят библейские места –
Душа еврея, потеряв Истоки,
Рыдает с православного креста.

А теперь на перекрёстках
пахнет от старух деньгами,

и меняют люди веру,
как на ярмарке товар.

Я знаю дом, в котором ждут.
Всю ночь в том доме суета.
Там кухни ласковый уют
И снисходительность кота.

И гордо властвует над нами
Высокомерие Голан.

Рок мистический тригонометрии
В перепадах удач-неудач.

Любезный читатель, Ты справедливо спросишь: а почему «веселое имя – Ольгин»? Отвечаю. Существенную часть книги занимает прелюбопытный раздел «Ироническая поэзия» с известными в сети «Размышлизмами». Ирония у Ольгина – не злая, он не воздевает руки и очеса горе, не учит читателя, не обличает, не бичует, не приказывает.

Царствие небесное Раисе Максимовне Горбачевой, однако, не могу не процитировать четверостишие Ольгина:

Вы не верьте этой байке,
что в народе ходит бойко,
будто из-за ПерестРайки
провалилась ПереСтройка.

Многие читатели (я – первый) согласятся с поэтом:

Я светлому и чистому

Служить всегда готов.

Но почему ж так истово

Я не люблю ментов?

Огромный раздел книги Ольгина занимают литературные пародии и дружеские шаржи (ныне весьма редкий жанр) Поэт прав:

Настоящий Поэт пародиста не судит сурово -

Лучшим другом сочтёт пародиста «от Бога Поэт».

Пародируя того или иного автора, пародист оказывает ему высокую любезность, ибо поэтом в подлинном смысле этого богатого лексическими обертонами слова может быть лишь тот, кого пародируют. Признание поэта начинается с появления пародий на него. В своих смешных и забавных пародиях Леонид Ольгин (опять же) добр, великодушен и милосерден. В его текстах нет и нотки оскорбительного заушания, пренебрежения, глумления, издевательства. И я окажу честь поэтам, которых пародировал Ольгин: приведу список их имен:

Владимир Маяковский, Владимир Авцен, Ривка Баринштейн, Анатолий Болутенко, Тиберий Грановский, Алена Кирилина, Инна Кулешова, Виктор Куликов, Эстер Ланда, Полина Люлькина, Елена Матевосян, Джулиетт Норманн, Александр Сендер, Леонид Скляднев, Марина Тарасова, Иосиф Фридман, Владимир Цвыг, Сергей Юрьев и др.

Господи, сколько было бездарной, виновной и злонамеренной болтовни, будто поэзия погибла, демократы погубили словесность. Все это вранье. *Наше* дело не погибло. Читатель, не поленись, зайти на сайт «Стихи. Ру»: там зарегистрировано 65 (шестьдесят пять) тысяч стихотворцев. Ты держишь в руках настоящую книгу настоящего поэта – вот вечное доказательство вечности поэзии. И в заключение: хорошая книга – хороший отзыв. Dixi...

19 декабря 2004 г. Петергоф.

Новейший Пелевин, или «Они шагают под звук другого барабана»

Памяти Владимира Баранова

Любезный читатель! Смею заверить Тебя в том, что последнюю книгу Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» (М., Издательство Эксмо. 2004. 384 С. Тираж 150 100) я внимательнейшим образом изучал с карандашом в руках, с выписками и закладками. Почему я об этом говорю? Только что прочитал на «бумаге», не в сети – разносную, хамскую, облыжную рецензию на прекрасный фильм «Турецкий гамбит», причем автор СПЕЦИАЛЬНО оговаривает то обстоятельство, что фильм он не смотрел, а пишет об экранизации, проглотив лишь рекламный ролик (мол, картина настолько гнусна, что и в кино ходить не надо). Советская марксистско-ленинская критика бессмертна...

Строка «Они шагают...» («They march to the sound of a different drummer») принадлежит гениальному американцу Генри Торо (1817-1862), прославленному... (ну, это и сантехники знают). Так вот, Пелевин и его персонажи «шагают под звук ДРУГОГО барабана», чем мы с Тобой, дорогой читатель. Впрочем, далеко, очень далеко шагают...

Берем быка за тестикулы. Книга «Священная книга обо-

ротня» представляет собой чрезвычайно редкое в отечественной литературе явление: авантюрный, с существенными сатирическими элементами роман на самом деле является тщательно закамуфлированным философским, богословским и религиоведческим трактатом. Ну, ладно, философским, а почему богословским и религиоведческим? Читатель, открой С. 20-21. Писатель на двух страничках формулирует СУТЬ сикхизма и пленительную разницу между «богоискательством» и «БОГОНАХОДИТЕЛЬСТВОМ». Эх, было дело: пописывал я о богоискателях, а зря. В этой странной, но исключительно талантливой книге писатель предпринял дерзкую, но внятную и ПОНЯТНУЮ ревизию «вечных» вопросов соотношения духа и материи (не по ленинскому определению), божественного и низменного, вечного и бренного, сакрального и профанного, мира Верховного Владыки и буддийской *пустоты*, кармы и *освобождения*, истины и лжи, мышления и языка. Я совершенно серИозен (Маяковского цитирую).⁵ Впрочем, автор горестно замечает: «Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить Истину» (С. 260). Коммунистический привет прадедушке Людвигу Витгенштейну (1889-1951).

⁵ Пелевину присущ гаерский юмор (ох, и люблю же я такие куштяки). Автор, упоминающий Кузмина, Волошина, Андрея Белого, Сашу Черного и Ходасевича, намеренно строки «Гвозди бы делать из этих людей... и т.д.» приписывает Маяковскому (С. 82), а не Н.Тихонову. Читатель это «ловит» и его раздрает от осознания своей всемирной эрудиции.

Свою писательскую сверхзадачу Пелевин сформулировал так: «Я напишу книгу... Ты узнаешь из нее, как освободиться из ледяного мрака, в котором скрежещут зубами олигархи и прокуроры, либералы и консерваторы, пидарасы и натуралы, интернет-колумнисты, оборотни в погонах и портфельные инвесторы» (С. 367). И сочинитель справился с этой задачей, ибо помимо прочего «Священная книга оборотня» роман-утешение (вот такой жанр я выдумал): *«Причина заблуждения живых существ в том, что они полагают, будто ложное можно отбросить, а истину можно постичь. Но когда постигаешь себя самого, ложное становится истинным, и нет никакой другой истины, которую надо постигать после этого»* (С. 90; курсив В.О.Пелевина). Такие софизмы меня утешают...

«Священную книгу оборотня», по моему скромному мнению, можно поставить в один ряд с романом Валерия Брюсова «Огненный Ангел», где «личная, биографическая основа мастерски скрыта... под тщательно выписанными аксессуарными Германия XVI века». ⁶ Кстати, в романе много писательского мастерства-плутовства в духе «монтажа аттракционов». Режиссер и теоретик кино Сергей Эйзенштейн (1898-1948) так именовал особые приемы принудительно-

⁶ Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел // Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи. Статьи публикации. СПб, «Скифия», 2004. С. 6. Писатель подлинную, трагическую «историю» любовного «треугольника»: Брюсов–Нина Петровская–Андрей Белый спрятал в филигранно выделанный ларец исторического романа.

го ВЛИЯНИЯ на психологию потребителя искусства. О чем это я? Да о том, что многие молодые читатели Пелевина (с нетренированным мозгом и податливым духом) отчалят на парусных джонках в океан восточной эСотерики (писать «З» в этом слове сейчас непристойно). Не верь, читатель, это я бодхисатву валяю. Вильнем лисьим хвостом налево. Читатель, а Тебе не приходило в голову, что лермонтовский роман «Герой нашего времени» зиждится целиком на приемах киномонтажа (цикл повестей, в которых Лермонтов показывает своего героя с разных ракурсов). А до изобретения кинематографа еще оставалось больше полувека.

Несколько лет тому назад я писал в буклете, который был издан к пелевинскому вечеру в Лондоне:

«Пелевин – совершенно изумительный повествователь, излюбленный автор профессиональных комментаторов, которые «торчат» на нем в самом высоком и многоаспектном смысле этого великого русского марксистско-ленинского глагола (я торчу, следовательно, я существую). Понятно, что серьезный комментарий к любому пелевинскому творению в десятки раз по объему превзойдет авторский текст – можно и в голове играть на баяне без баяна...

Среди писателей (прекрасных, высокоталантливых и даже гениальных) поразительно много дураков в самом расхожем смысле этого слова. Так вот, Пелевин – художник невероятного ума, – мудрец-духовидец, мистик-визионер в самом подлинном значении... К тому же и читать его – НЕВЕРО-

ЯТНО ИНТЕРЕСНО». Прошли годы, однако, к этому суждению ничего не могу ни прибавить, ни убавить.

Разномастная и разношерстная критика, понятно, «рухнула» на новый пелевинский роман со всей мощью пролетарского гнева, с доносительно-поносительной ненавистью-завистью. Пелевин несомненный фаворит, форвард в писательском футбольном матче за читателя–тиражи–гонорары и т.д. Всё, ату его! Мудрый и циничный Франсуа де Ларошфуко (1613-1680) как-то зло обмолвился: «Ненависть к фаворитам есть не что иное, как любовь к фавору; люди, не добившиеся фавора, утешают себя презрением к тем, которые его добились». Умри, Александра Маринина, лучше не скажешь. Эх, капитаны полковой гаубичной артиллерии, не бывать вам майорами (это я и про себя). Вот читатель скажет, опять Пригодич будет хвалить писателя и т.д. За дело, за дело хвалить... Один простодушный критик, прочитав книгу моих статей, написал, мол, недурственно пописывает Пригодич, но монотонно. Лихачев у него – хороший человек, Пелевин – замечательный писатель. Скучно. А вот если бы эссеист написал, что Лихачев – мерзавец, а Пелевин – говно, то было бы ИНТЕРЕСНО. Увы, я не привык кривить душой, хотя, разумеется, иногда приходится.

Сюжет романа состоит из похождений-рассуждений-размышлений бессмертной феи-лисы А Хули в разных временах и в разных странах; о ее трагедийной связи с волком-оборотнем, который, естественно, является генералом-лейтенан-

том ФСБ. Больше о сюжете ни словечка. «“А Хули” по-китайски означает “лиса А”. По аналогии с русскими именами можно сказать, что “А” – это мое имя, “Хули” – фамилия», – признается героиня романа (С. 8).

Атас! На этом «тормознулись» ВСЕ критики. Это «прозвище» настолько потрясло их детские мозги, ослепило и оглушило, что практически все ламентации вертятся вокруг самоназвания прелестницы. Жалко, что пацаны конкретные не прочли более 30 страничек. В романе действуют Е Хули, И Хули, идет речь о замечательном приборе под грозным наименованием «хуеуловитель», об инсталляции под названием «пизда из кожезаменителя над заброшенным футбольным полем» и т.д. Замечу, драгоценный читатель, что в сюжетной ткани (простите за пошлость) «Священной книги оборотня» важное место занимает соположение-сопоставление древнескандинавских вселенского волка Фенрира, который в конце времен пожрет Одина, космического пса Гарма, который в конце света (Рагнарёк, по ихнему, как теперь принято изъясняться) пожрет бога Тюра (даже слесари выше третьего разряда дифференцируют богов Тора и Тюра), и русского пятилапого Пса под горделивым, чеканным именем Пиздец. «Он спит среди снегов, а когда на Русь слетаются супостаты, просыпается и всем им наступает...» (С. 322). Наша собачка еще спит, слава Богу, а когда проснется, то...

Фей-лисы прикатали в наши Палестины из Китая. Был там такой дивный духовидец Пу (фамилия) Сунлин (имя;

1640-1715), который под конец жизни издал дивную книгу «Рассказы Ляо Чжая о чудесах». Ляо Чжай – псевдоним.⁷ У этих лисичек и была такая особенность: они, оборотни, могли «перекидываться» из лисы в женщину и обратно. Вот своеобразный дневник такой «лисы» и предлагает нам Пелевин.

Читатель, Ты не поверишь, Пу Сунлин был невероятно популярен в питерской литературной «тусне» – богеме в конце славных 1970-х годочков (в 1960-е в почете были «Дхаммапада», Вивекананда, Рамачарака и Кришнамурти; все течет, но НИЧЕГО не изменяется). Чтобы не грузить господ, проявивших внимание к этой заметке, подробным-подробным «анализом проблематики» творчества и биографии Пу Сунлина, приведу свой рифмованный текст:

В.Ш., А.З., Д.Р.

«Русь. Захолонувшая равнина.

Виселицы. Снежные заносы.

Бродят по страницам Пу Сунлина

С посохами мудрые даосы.

Феи-лисы дарят людям ласки,

Нежные, одна другой пригожей...

Господи, да за такие сказки

Я готов расстаться с белой кожей,

Стать *шеньши* в замызганном халате,

Складывать стихи витевато.

⁷ См.: Пу Сунлин. Рассказы о людях необычайных. М., 1998.

Чем поэт бедней и бесноватей,
Тем его искусство больше свято...
Мозг кусают злые мысли-трутни
И зудят в болезненном круженье:
Перетрутся скоро струны лютни;
Дао призывает к погруженью...

7 февраля 1981 г.» И т.д. и т.д. по тексту.

Грешно, право, но скажу честно: в этих незатейливых словах – весь Пу Сунлин и весь Пелевин (только не гневайтесь; я не страдаю манией учителя-поучителя и бредом реформаторства).

Книгочей, знаешь, что такое «супрафизическая трансформация» (С. 226)? А что такое муладхара, наби и манипура (С. 210)? А чем отличается оборотень от сверхоборотня (страницу не указываю, об этом ВСЯ книга). Нет? Читай Пелевина. Я уже писал когда-то, что Виктор Олегович непомерно (точное слово) культурен. Сие, кстати, мешает писателю, ибо он полемизирует не с читателем, а с суровыми «олимпийцами». Скажем так, что он бухает (нюхает кокаин?) с Буддой, Гань Бао, Нагвалем Ринпоче, Оккамом,⁸ Шекспиром, Гуру Гант Сахибом, Беркли, Руссо, де Садом, Байроном, Толстым, Оскаром Уайльдом, Рудольфом Штейнером,⁹

⁸ Лиса бесстрастно фиксирует: «... мне попадались презервативы “Ossams Razor” с портретом средневекового схоласта и слоганом “Не следет умножать сущности без необходимости”» (С. 48). Мне такой юморок вполне по обувному размеру.

⁹ Антропософию Рудольфа Штейнера (не путать с теософией Блаватской-Ол-

Фрейдом, Шпенглером, Малевичем, Набоковым, Борхесом, Солженицыным, Стивенем Хокингом, Деррида, Мураками, Энди Уорхолом, Вонгом Карваем и прочая, и прочая, и прочая. В конце романа небо застит прообраз-образ Желтого Господина Радужного Потока... Да-с, путешествие на остров Ultima Thule с лисой А Хули (в рифму). Просвещенному глотателю книг Пелевина не надо напоминать о том, почему об этом крайнем северном пределе Ойкумены писали Пифей, Страбон, Плутарх и Плиний (старший).

Книга одновременно смешная, глубокая (иногда и по-газетному мелкая) и содрогательно трагическая. Пелевин безжалостен к Матушке-Руси.

Приведу несколько цитат (для уловления потенциального читателя):

«Элита здесь делится на две ветви, которые называют “хуй сосаети” (искаженное “high society” <высшее общество> и аппарат (искаженное “upper rat” <верхняя крыса>). “Хуй сосаети” – это бизнес-комьюнити, пресмыкающееся (так!) перед властью, способной закрыть любой бизнес в любой момент, поскольку бизнес здесь неотделим от воровства. А “аппарат” – это власть, которая кормится откатом, получаемым с бизнеса. Выходит, что первые дают воровать вторым за то, что вторые дают воровать первым» (С. 101); «Реформы... вовсе не что-то новое. Они идут здесь по-

котта (иногда пишут Олькот) читатель наверняка изучал в курсе «Истории КПСС».

стоянно... Их суть сводится к тому, что из всех возможных вариантов будущего с большим опозданием выбрать самый пошлый. Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здорового пять лет назад, уже сожрано» (С. 102; курсив – В.О.Пелевина); «Я давно заметил одну китчевую тенденцию российской власти <Борис Большое гнездо, Владимир Красная Корочка>: она постоянно норовила совпасть с величественной тенью имперской истории и культуры, как бы выписать себе дворянскую грамоту, удостоверяющую происхождение от славных корней – несмотря на то, что общего с прежней Россией у нее было столько же, сколько у каких-нибудь лонгобардов, пасших коз среди руин Форума, с династией Флавиев» (С. 87).

Пелевин безжалостен к современной (вечной) России. Как либерал-демократ могу сказать, что безжалостная, честная, горькая критика Пелевиным демократов-либералов совершенно справедлива: «либерал» «у нас означает бессовестного хорька, который надеется, что ему дадут немного денег, если он будет делать круглые глаза и повторять, что двадцать лопающихся от жира паразитов должны и дальше держать всю Россию за яйца из-за того, что в начале так называемой приватизации они торговали цветами в нужном месте... А трагедия русского либерализма в том, что денег все

равно не дадут... Почему не дадут? Раньше жаба душила. Сейчас обосрутся. А потом денег не будет» (С. 202). Просрали, как говаривал товарищ Сталин, Россию Струве–Милукова–Керенского...

И последняя цитата о «птице-тройке»: «...Россия общинная страна, и разрушение крестьянской общины привело к тому, что источником народной морали стала община уголовная. Распнятки заняли место, где жил Бог – или правильнее сказать, Бог сам стал из “понятиев”»: пацан сказал, пацан ответил, как подытожил дискурс неизвестный мастер криминального тату. А когда был демонтирован последний протез религии, советский “внутренний партком”, камертоном русской души окончательно стала гитарка, настроенная на блатные аккорды» (С. 268). Набирал ЭТО, и пальцы холодели...

Суть горестных размышлений Пелевина о Родине нашей скорбной воплощает слегка модифицированная заключительная строфа стихотворения-манифеста Осипа Мандельштама «Декабрист» (1917):

«Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Гебуха. Жопа. Гонорея.»

Это для тех и про тех, «кого оставят обслуживать перекачку нефти» (С. 163; курсив В.О.Пелевина). Кстати, писатель дает здравые советы, как нам «вылезать из жопы», рез-

коватые, но весьма дельные (С. 305).

Впрочем, писатель столь же безжалостен и к Западному миру. К примеру:

«Запад – это просто большой shopping mall. Со стороны он выглядит сказочно. Но надо было жить в Восточном блоке, чтобы его витрина могла хоть на миг показаться реальностью... На самом деле, здесь у тебя может быть три роли – покупателя, продавца и товара на прилавке. Быть продавцом – пошло, покупателем – скучно (и все равно придется подрабатывать продавцом), а товаром – противно. Любая попытка быть чем-то другим означает на деле то самое “не быть”, с которым рыночные силы быстро знакомят любого Гамлета» (С. 162-163; курсив В.О.Пелевина);
«...на Западе все микробы <в кишечнике-обществе> уравнивают друг друга, это веками складывалось. Каждый тихо вырабатывает сероводород и помалкивает. Все настроено, как часы, полный баланс и саморегуляция пищеварения, а сверху – корпоративные медиа, которые ежедневно смачивают это свежей слюной. Вот такой организм и называется открытым обществом – на фиг ему закрываться, он сам кого хочешь закроет за два вылета» (С. 204).

Подустал я. Почти десять страниц настрочил. В книге много места уделено едкому, сатирическому, язвительному ИЗОБРАЖЕНИЮ положения (так скажем специально) дел в современной культуре (русской, новорусской, высокой, элитарной, низкой, массовой). Ох, и потешается же,

в частности, писатель смачно над «Венской конференцией» и философами-лягушатниками (Деррида и остальная банда). Весь постмодернистский дискурс, по мнению автора, родом из амфетамино-кокаино-фрейдистской ЖОПЫ (концептуальный полисемантический термин в сложной и прихотливой системе миропонимания-миротворения-миросозерцания-мировоззрения Виктора Пелевина).

Отличная книга, пахнущая гиацинтами и фекалиями, ладаном и серой, кровью и потом, заволаживающая, плутовская, сверхсложная и сверхпростая, пузырящаяся, как расплавленное стекло, подернутая туманом, как плоское озерцо «седым утром». Виктор Олегович – редкостное, драгоценное, узорчатое украшение современной отечественной словесности. Всё...

10 марта 2005 г. Утро. 7 часов 13 минут. Петергоф.

Светлая книга, или книжный свет

*«...я не нужен живым после того, как умру,
но не нужен и мертвым, пока жив»*

Алексей Слаповский

*«Смерть для высокоразвитых людей –
это не более, чем увлекательное приключение»*

Д.Роулинг (автор саги о Гарри Поттере)

Друг мой, неожиданный-негаданный читатель, думаешь ли Ты о смерти. Нет? Славно! Каждый час? Ну, это перебор, как говаривают картежники. Актуальная «обмирщенная» культура (поведенческая, вербальная, художественная, естественно-научная и т.д.) «вытесняет» (гнусное словечко гнусной Венской конференции) смерть из общежительной Ойкумены (так скажем). Мыслишка тривиальная и пошлая, но дельная и вполне содержательная, увы. Помирать-то придется. Как профессиональный больной, несколько раз стоявший на ЭТОЙ меже-мете, скажу, что на самом деле умереть не так-то и просто (сказанное не относится к внезапной катастрофической кончине). На всю жизнь я запомнил изречение великого психолога-психиатра В.М.Бехтерева (1857-1927; да, да, того самого, которого Усатый Хозяин «прибрал»), переданное мне из уст в уста его прямым

учеником, стариком-профессором (давно в Небесном Легионе): «Для того, чтобы серьезно болеть, нужно иметь очень КРЕПКОЕ здоровье; обычно люди умирают сразу». Да-с, в мире мудрых мыслей.

Впервые я увидел смерть в далеком 1955 году. Моя восьмидесятипятилетняя бабушка вдруг легла в постель, три дня пролежала, просила только пить и отошла... Она, простая русская женщина, верующая, половину жизни прожившая в Старой России, ни на что не жаловалась, никого не обвиняла. Время пришло и она, преизбыточно преисполненная жизнью, ее соком и влажностью, ушла величаво и несуетно.

Последняя смерть в моей живой жизни... В ночь на 8 ноября прошлого года в Сочи умер мой старинный друг, доцент кафедры теории и истории государства права Санкт-Петербургского университета Валерий Эвальдович Краснянский (64 годочка). Именно этот господин устроил В.В.Путина на службу в университет, за ручку привел к А.А.Собчаку. В правительстве первого и последнего питерского мэра Валерий был министром, главой Фонда имущества. Корешок мой заветный, меценат, покровитель искусств и поэзии, умер во сне. Вот ТАКОЙ смерти, как у моей бабки и моего друга-брата, можно бешено, до судорог, до слюны на подбородке, завидовать. Больше ничему и никому на свете завидовать не стоит, ибо... (см. Книгу Псалмов, Книгу Эк... ну это и свинари знают).

Любому НАСТОЯЩЕМУ художнику всегда блазнит-

ся-мерещится смерть. От Гомера до Акунина... Лучшие, наигениальнейшие страницы Толстого – про нее, про Нежную Даму («Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», последние дни Болконского в «Войне и мире»).

Веруешь ли Ты, читатель, в Господа нашего Иисуса Христа, в Аллаха, в Кришну (в Кришнамурти?), в Будду Амиду, в Будду Амитабу, в грозного Бога Израиля или веришь только в доллар, в индекс Доу-Джонса, в блядство, в сытную еду, в развлекательное (криминальное) чтиво – без разницы. Верующие и неверующие, теисты, деисты, агностики, богоборцы – все будем в Царствии Небесном. Вот там свидимся и потолкуем. А, может быть, и не встретимся, ибо есть старая злая мудрость: каждому воздастся по вере его...

Я отчасти начитанный человек, и вот меня поразила пронзительная строка Александра Введенского (был такой поэт – «обэриут» – обериут? Забыл, как пишется, кстати, родной дядя человека, с которым я когда-то дружеествовал-горячительные напитки употреблял):

Кругом, возможно, Бог.

Вот в этом «возможно», братцы, и заключена, как зародыш в яйце, вся наша лепая и нелепая жизнь-жистянка-жестянка. Нетерпеливый читатель скажет: чегой-то так Пригодич распоззился, заперхал и закуковал. Смерть? Мы жить хотим и «хочем». Друзья, от всего сердца желаю: живите долго.

Встревожила-растревожила-скукожила меня чрезвычай-

но изящно изданная книга: **Б.Акунин, Г.Чхартишвили. Кладбищенские истории. М.: Колибри, 2004. 240 С. Тираж 50 000 экземпляров.** Рисунки Татьяны Никитиной (чудные). Дизайн Михаила Никитина (ненавязчиво элегантный). Книга снабжена многочисленными черно-белыми (безыскусными якобы) кладбищенскими фотографиями, сделанными автором (при рассматривании этих «фото» зачастую оторопь берет).

Смерть золотой нитью прошивает ВСЕ произведения Акунина, якобы принадлежащие к жанру полудетской, развлекательной беллетристики. Гусь-буковские книгочеи со мной согласятся (или не согласятся; без разницы). Помнит ли читатель, что перу создателя Фандорина-Пелагии принадлежит великолепное фундаментальное (жутковатое) исследование: **Григорий Чхартишвили. Писатель и самоубийство. М., 2000. 576 С. Тираж 10 100 экземпляров.**

Мировидение-миропонимание Акунина-Чхартишвили определить-понять-уловить чрезвычайно затруднительно. Однако попробуем: невероятно (безмерно, непомерно) добрый апологет-критик Западного Мира, увы, внехристианин, надхристианин, подхристианин с мощными дзенскими обертонами-лейтмотивами. Неуклюже, но в «тему». Ох, не прост, не прост наш автор, отказывающийся от звания ПИСАТЕЛЯ, заявляющий, что он «массовик-затейник» (С. 5). Литературный двуликий Янус (Акунин-Чхартишвили) с висельническим юморком именуется **ТАТОФИЛОМ** «любите-

лем кладбищ» – «оказывается существует на свете такое экзотическое хобби» (С. 6), но ни в коем случае «некрофилом».

Дернем леопарда за х...вост. О чем книга? Да, так, кладбищенские описания (Чхартишвили) и кладбищенские рассказы (Акунин). Беллетристика, блин, «развлекуха», правда, от нее трансцендентным морозцем потягивает, да inferнальной серой попахивает. Бывает.

Объясняю для «непродвинутых» (в Гусь-Буке их почти нет). Автор-эссеист под своим подлинным именем «шастает» по кладбищам (Старое Донское, Хайгейтское, Пер-Лашез, Иностранное кладбище в Иокогаме, нью-йоркский погост Грин-Вуд, город мертвых на Масленичной горе в Иерусалиме), резонерствует, печалится, фотографирует, медитирует и разрешается резиньями. Вторая ипостась сочинителя (Борис Акунин) пописывает-записывает кладбищенские историйки. Однако какие резиньи и какие рассказы: мощные, ладные, складные, обращенные к уму и сердцу читателя. Читатель, хватит дупу чесать, дуй в книжный магазин, купи эту книгу, не пожалеешь: качество гарантирую. Господам марксистам-троцкистам-коммунистам Чхартишвили-Акунина читать не советую: Карл Маркс в посмертной роли вампира-вурдалака-упыря – это для них непереносимо: в корчах падучей забьются.

Читатель, помнишь ли Ты, что ранняя редакция романа «Доктор Живаго» имела название «Смерти нет»? Так вот,

если одолеешь книгу Акунина, поймешь (или подтвердишь свое видение-понимание), что ЕЁ, действительно, нет и не будет. Здесь я совсем не имею в виду христианскую «жизнь вечную» (это предмет веры, а не словесных ратоборствований). Приведу два чеканных афоризма: «Всё, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда» (С. 6); «Рождение и смерть – это не стены, а двери».

В конце книги писатель формулирует задачу мирового людского сообщества: «Главная мечта человечества – избавиться от страха смерти, а вместе с ним и от всех прочих страхов. Это означает не вообще уничтожить смерть, а исключить смерть неожиданную, непредсказуемую и преждевременную... Когда смерть перестанет внушать страх и восприниматься как зло, можно будет считать, что человечество свой путь благополучно завершило и вернулось в Эдем» (С. 226). Тривиальная, казалось бы, мысль, а вся книга – развернутый комментарий к ней. Ох, и хочется же обильно и сверхобильно цитировать книгу, а нельзя, ибо не дело: надо свои скудоумные мыслишки выуживать из канавы.

Эх, о каких «ушедших» повествует Чхартишвили, посетивший «дорогие могилы» (Достоевский): Салтычиха, Карл-Хейнрих (!!!) Маркс, Абеляр и Элоиза, Бальзак, Жерар де Нерваль, Альфред де Мюссе, Оскар Уайльд, Аполлинер, Модильяни, Айседора Дункан, Махно, Джим Моррисон и прочая, и прочая, и прочая. И фото, и фото, и фото могил и надгробий... Кладбищенские рассказы Акунина превосход-

ны, кстати, в одном из них появляется небезызвестный коллежский асессор (чиновник восьмого класса в «Табели о рангах») Эраст Фандорин. Действие рассказа происходит на «иностранном» кладбище в Иокогаме.

Устал я строчить о высоком. Вильнем хвостом (на сей раз направо). Был у меня в 1970-е годочки, как теперь пишут, высокодуховные и высокоморальные, товарищ Лев Р. Левушка был единственным на всю совдепию светским специалистом по церковной музыке, заведовал фонограммархивом Института истории религии и атеизма. Институт размещался в Казанском соборе, а фонограммархив – в отдельном помещении на улице Плеханова (в девичестве – Казанской). Человек он был чудесный, ласковый, добрый, бесподобно играл на гармошке и пел «Лазаря». И вот как-то к ученым-безбожникам нагрянула ученая-синтоистка, барышня, изучавшая (ее тему работы я хорошо помню) церковные элементы в музыке Чайковского (плюс литургические произведения композитора, которые тогда были запрещены; Яков Рубенчик подтвердит). Натурально, японка хорошо говорила по-русски (ноблесс оближ – историк русской музыки).

И приключился у них скоротечный роман, как «Солнечный удар» (Бунин). Любая связь с иностранцами тогда не приветствовалась, мягко говоря; по себе знаю. Двое суток они (по понятным причинам) не вылезали из фонограммархива. Потом Лева поехал провожать ее в аэропорт. Там они

поцеловались на прощанье (они не думали, что навсегда), барышня протянула ему визитную карточку и сказала: «Будешь в Иокогаме – позвони». Никогда Лева не побывал в Иокогаме, а японку в Россию больше не пустили (видимо, кто-то «стуканул»). Сейчас о таких прелестях пожухлых Софии Власьевны и Цецилии Карловны никто и не знает, а кто знал – забыл, а зря. Вернемся к нашим покойникам.

Чхартишвили, японист, выдающийся переводчик японской литературы (кто читал Мисиму в его переложении, никогда не забудет) – человек непомерной, но отнюдь (избави Бог) не кичливой культуры. Акунин живет в культуре, как во вселенской «коммуналке» со скандальными насельниками, тараканами, вонючими носками, кривоногими детьми, тошнотворными борщами и – одновременно – в раю с ангелами бестелесными в их сложной иерархии.

Эх, написать бы о том, какая у нас с Хозяином Птичника затеялась занятная переписка по поводу маркиза де Ривайля, выпустившего под псевдонимом Алан Кардек тома: «Книга духов» и «Книга медиумов» – священное писание спиритов-медиумистов (почувствуйте разницу). Кстати, великий химик А.М.Бутлеров (1828-1886) издал громадный том «Труды по медиумизму» (год издания забыл, об этом, увы, в газете не прочитаешь)

Не всем, однако, это интересно. Все же скажу пару фраз. Я читал эти книги с выписками в конце 1960-х годочков в «спецхране» (!!!) Публичной библиотеки (кто сейчас пом-

нит отделы специального хранения в больших библиотеках), когда усиленно занимался изучением оккультных проделок В.Я.Брюсова–А.Л.Миропольского (наст. фам. А.А.Ланг, символист второй руки, но маг – первого ранга). В.П.Лебедев любезно сообщил мне в письме, что писал о Кардеке в своей книге «Научные принципы и околонаучные мифы» (М., 1980). Ну, ладно, мне и Редактору такое чтение было нужно по «делу», а Бакунину-Чхартишвили к чему ЭТО... Бог весть.

Пора закругляться, т.е. и честь знать. Приоткрою занавеску исповедальни. Читатель, эта заметка, как и все прочие мои статейки (в отличие от «ученых» опусов), написана в один присест, в состоянии специфического транса, набело; шесть с половиной часов я не вставал из-за машины бесовской, не пил, не ел, даже пИсать не ходил. Как составитель рифмованных текстов осмелюсь сказать – сие нечто вроде вдохновения (впрочем, это слово слишком захватано жирными пальцами разных бесстыжих краснобаев).

Читатель, когда прочитаешь «Кладбищенские истории», на Тебя сойдет великий покой, ибо писатель – великий утешитель, добрый, терпеливый, великодушный, всепонимающий и всепрощающий. Фаворский свет. Паламический огонь. Светоносный эфир. Вот такая, бя, танатология, как гутарят в рюмочных под паленую водочку. **Великое утешение и великий свет** (простите за высокопарность, больше не буду). Большой писатель Борис Акунин превращается

в сверхбольшого... А истерические разносы-поносы-доносы
ему, как с окурка пепел. Вот так!

23 марта 2005 г. 8 час. 17 мин.

Солнечное морозное утро.

Давление 168/93. Пульс 102.

Петергоф.

Завтра мне – 57 лет.

Письма с войны, письма из войны, или Сергей Васильевич Гречишкин Великой Победе в Великой войне. Часть I.

Любезный читатель, на сей раз предлагаю Твоему благо-склонному или неблагосклонному вниманию подборку писем военной поры, отправленных моим отцом – моей матери. Я отобрал немного писем (всего их около ста), ибо они монотонны, как кружение чичиковской брички по губернской распутице. В них нет описаний сражений, воинских подвигов, лишений, любви к Сталину и партии, клокочущей ненависти к врагу, призывов к мести и т.д. Любящий военный врач пишет любимой жене в блокадный Ленинград. Какова же тематика-проблематика писем? Люблю, люблю, люблю, береги себя, держись, выслал деньги, устал, много раненых, долг, стоицизм и т.д. Никакого пафоса, никакой героики, нервозности, истерии. Все четко, ясно, просветленно (читатель, ей-Богу, похоже на самурайские письма). Все согрето высокой любовью и высокой надеждой на грядущую встречу. Письма матери к отцу из осажденного Питера военных лет я когда-нибудь подготовлю к печати (пока до них руки не дошли...).

Мой отец, Гречишкин Сергей Васильевич, родился 15 июля (по новому стилю) 1908 г. в Калуге, где дед («запасной» штабс-капитан) между Японской и Германской кампаниями служил бухгалтером. Бухгалтерами тогда были только мужчины, и дед получал невероятно высокое для провинции жалование 175 рублей. Ну-с, понятно, свой деревянный двухэтажный дом, на праздники – десятки гостей, включая калужского архиепископа. В семье деда и бабушки (Анна Григорьевна Гречишкина, урожд. Рубцова, во втором браке – Саволайнен; 1890-1971) было трое детей: Сергей, Борис (1909 г. рожд.) и Валентина (все они прожили долгую жизнь; дядя был крупным авиаинженером, тетка – врачом-хирургом первой категории).

После Гражданской войны дед с бабушкой развелись (дед шесть лет провел на фронтах), бабушка вышла замуж за финского коммуниста, потом – красного командира по фамилии Саволайнен, который был на 13 лет моложе ее. Отец всегда поминал отчима добрым словом. В 1937 г. финна расстреляли, бабушку с паспортной фамилией Саволайнен выслали на 10 лет из Москвы, в ссылку за ней последовала дочь (1918 г. рожд.).

Я отлично помню своих бабок и деда (мой дед по матери Артемий Емельянович Пригодич; 1870-1934 не дожил 14 лет до моего рождения). Они были статными, нерефлектирующими, телесно красивыми людьми. Еще несколько фраз о деде Василии Сергеевиче Гречишкине (1882-1958). Раз-

бирая бумаги отца, я нашел поразительный документ: дед в 1926 г. (никакой коллективизации и в проекте еще не было) передал от себя и сыновей землю, которая принадлежала нашему роду под селом Кузовки. Правильно сделал, жизнь сохранил. Нетривиального ума человек. Как царский офицер, повоевавший в Гражданскую и у белых, и у красных, он «бегал» по стране, справедливо опасаясь ОГПУ-НКВД. Так вот, я нашел удивительные бумаги, свидетельствующие о смуте, царившей в стране на рубеже 1920-1930-х годов (коллективизация). В 1929 г. дед служил «сидельцем винной лавки» в Ярославле, а в 1931 г. служил заведующим «парткабинетом» (!!!) Мурманского педагогического института (в партии он никогда не состоял). Дед так бегал, что в Питере обосновался только через несколько лет после войны. Он воевал в пятый раз.

Еще несколько фраз о бабке по материнскому колену. Знаешь ли Ты, читатель, что при Царе-Батюшке никаких бабушек-дедушек-внучек и в помине не было. В официальных документах писали: дед, бабка, внук, ВНУКА. И всё... Итак, мою бабку звали-величали Соломония Леонтьевна Пригодич (урожд. Пейгинович; 1874-1955). Не надо никаких антисемитских шуточек: Соломония – стандартное имя у западных славян). Они с дедом были польско-белорусских корней, бабка до конца жизни говорила с сильным акцентом. У них очень долго не было детей. Бабка совершила ПЕШЕЕ паломничество по храмам (в том числе киевским), из Киева

опять же пешком дошла до Одессы, а оттуда на пароходе отбыла на Святую землю. Бабка всегда говорила, что дети ее – отмоленные. У них были дети: Дмитрий (Митя; 1898-? – по одним сведениям погиб, будучи офицером у Колчака, по другим – ушел с белыми в Харбин), Николай (1899-1962, красный командир, разведчик ОГПУ, потом – до пенсии – начальник ветеринарной службы Туркестанского военного округа), Анастасия (1900-1981; успела до прихода немцев окончить с золотой медалью Варшавскую гимназию в 1916 г., потом окончила Лесотехническую академию, всю жизнь прожила с мужем на Дону), Ольга (1907-1995; учительница, потом – издательский работник), Валентина (моя мать) и Нина (1915-1971). Младшую дочь бабка родила, когда ей уже было за сорок... Она оказала на меня огромное влияние: учила молитвам, рассказывала о Господе нашем Иисусе Христе, втайне водила к чудотворному распятию Спаса-на-крови.

У матушки моей, Валентины Артемьевны Гречишкиной (урожд. Пригодич) в паспорте место рождения было обозначено так: село Малеч Брестской области. Какая Брестская область в 1910 году (Царство Польское, Привислинский край). Село Малеч потому, что опять же там у нас была земля. Артемий Емельянович был участником Русско-Японской войны, геройски вывел из окружения свою артиллерийскую батарею. Кстати, у двух моих дедов были Георгиевские кресты.

В Германскую дед был жандармским начальником железнодорожной станции Виндава (выражаясь современным языком, начальником транспортной милиции), ныне – Вентспилс в гордой и «понтующей» Латвии. Тетки Оля, Нина и мама и родились в Виндаве, откуда пришлось бежать от немецкого наступления. После взятия немцами Варшавы дед ушел в действующую армию, а бабка с младшими детьми приехала в Москву, а оттуда – в Питер. В Москве беженцев встречала Императрица, и мама моя всю жизнь хранила маленькую кипарисовую икону, полученную из венценосных ручек.

Спасаясь от страшного голода, семья в 1919 г. перебралась в Великие Луки. Лет десять спустя дед с бабушкой переехали в Порхов, где у нашей семьи был дом.

Сейчас сверхмодно восхвалять советскую систему социального обеспечения. Свидетельствую: никто из моих бабушек-дедушек никогда не получил ни одного пенсионного рубля. Ни одного. Никогда. Они погибли бы с голоду, не будь у них великодушных детей. Деды честно воевали за Россию, оба были ранены, бабки воспитали на двоих девять детей. Впрочем, они никогда и не просили пенсию, понимая, что потребуются разнообразные сведения, которые они скрывали.

Из-за того, что дед служил в жандармерии (дорос до средних чинов), все мои родственники по материнскому колену ИЗМЕНИЛИ отчество (Нина Арсеньевна и т.д.) и дату рож-

дения. Я до сих пор не знаю и, видимо, никогда не узнаю, когда родилась моя мать (31 декабря 1909 г., 31 декабря 1910 г. (так в паспорте) или 23 марта 1911 г. – есть и такая бумага). Вот такие времена...

Отвлекусь на секундочку. Где-то на рубеже 1970-1980-х годочков незабвенных я покупал у поэта Михаила Дудина для Рукописного отдела Пушкинского Дома эпиграммы (они не могли быть тогда напечатаны). Одну я запомнил:

Раньше были времена,

А теперь – мгновения.

Раньше поднимался ...,

А теперь давление.

Читатель дорогой, Ты видел фильм «Турецкий гамбит»? Нет? Сходи, хорошее кино. Русско-турецкая война лично для меня была ВЧЕРА, ибо бабушка пела мне песни той эпохи. На этой войне сражались мои прадеды. Эти песни у меня где-то записаны. Кое-что и сейчас помню.

Гремит слава трубой.

Мы дрались турок с тобой...

Мы курей ваших индюшек

На перья передерем.

Дочерей ваших, матУшек

Всех в Россию уведем.

Когда было сраженье под Горным Рущуком,

Наш ротный с коня упал и т.д.

Вновь возвращаюсь к родителям, кратко очертив новейшую ИСТОРИЮ своей семьи. Папа и мама хорошо помнили начало Первой Великой войны. Еще до революции отец стал гимназистом, причем в их гимназии преподавал физику Циолковский. Его все считали городским сумасшедшим, и отец рассказывал мне, что они мальчишками исподтишка бросали ему в спину снежки. Тот никогда никак не реагировал на подобные шалости. Будучи ребенком, я с восторгом воспринимал рассказы отца о том, кто и как преподавал у них Закон Божий. Матушка в гимназии поучиться не успела. Оба они уже заканчивали «единую трудовую девятилетку». Это была песня и сказка, бригадный метод обучения (один человек сдавал предмет за весь класс) и т.д.

Читатель, Ты, вероятно, не знаешь, что в 1922 г. зам.наркома просвещения Н.К.Крупская подписала циркуляр об изъятии из *массовых* библиотек трудов Владимира Соловьева (ну, это можно понять), Достоевского, Толстого... список весьма пространен. На годы из детского обихода были изъяты ВОЛШЕБНЫЕ сказки. С 1918 по 1932 гг. были ЗАПРЕЩЕНЫ (отменены) ученые степени и звания. История (отечественная и зарубежная) как наука и учебная дисциплина была РАЗРЕШЕНА лишь в начале 1930-х, а история философии лишь в 1944 г. (шла война, но Усатый Хозяин подумал-подумал и разрешил изучение истории философской мысли).

Отец стал пламенным комсомольцем, носил на демон-

страциях красный флаг, участвовал (мне очень горько об этом писать) в осквернении и разрушении храмов. Отец был безбожником, причем яростным и убежденным, а матушка – верующей. О бабке я и не говорю. Мать выросла в монархической семье. Любимым рассказом бабки была история, повторявшаяся из года в год. Она была очень хороша, и каждый год на сборах в Рембертове (под Варшавой) она подносила хлеб-соль государям, а Александр III и Николай II целовали ей ручки.

Крошечный комментарий. У моего дяди Коли в паспорте в качестве места рождения была указана Варшава. Из-за этого его несколько раз арестовывали, и именно по этой причине, дослужившись до полковника, он не стал генералом.

Читатель, сейчас в головах людей царствует удивительная эклектика. К примеру, в газете «Петергофский вестник» публикуют такие материалы: Петродворцовый комитет Коммунистической партии Российской Федерации поздравляет всех с праздником первоверховных апостолов Петра и Павла. Вот такая же эклектика была и в изящной головушке моей мамы. Она одинаково любила Государя, убиенного большевиками, и Ленина. Много раз я говорил ей, мол, мама, царскую семью и слуг как раз Ленин и убил, на что она твердо отвечала, мол, Свердлов виноват; Ленин никогда бы не расстрелял женщин и детей.

В 1926 г. матушка приехала в Ленинград и поступила вместе с подругой Вавой (Варварой) Гусевой в Педагогический

техникум. Вава умерла от туберкулеза через год. Царствие ей Небесное. Никто, кроме меня, не помнит Варвару Гусеву. Сейчас помолюсь за нее.

В 1929 г. мама окончила это учебное заведение, устроилась учительницей начальных классов. Стремительно закатывался НЭП, но еще можно было покушать и станцевать мазурку и шимми.

И на закате жизни мама любила напевать:

Я ехал на моторе,
Курил сигару,
Увидел на балконе
Красоток пару.

Чего-то я «рассыропился» (любимое словечко Базарова из «Отцов и детей»). Бог простит.

Вот еще чудесный рассказ моей матушки. В сентябре 1930 г. к ней на урок (в школу на Охте) пришел сам нарком просвещения А.В.Луначарский. Разумеется, визит был подготовлен, все выучено, расписано по минутам, дети выдрессированы и т.д. Видный большевик был натурально одет, как истинный пролетарий, бриллиантовые запонки в пластронах крахмальной сорочки, лакированные ботинки и пр. Ну, страдал барин за трудовой народ. Тогда в школе главенствовали ПЕДОЛОГИЧЕСКИЕ принципы. Педология – прикладная педагогика (можно так сказать, комплексная дисциплина о воспитании ребенка). Согласно педологическим принципам, изучение числительных начиналось с цифры ДВА. Ма-

ма спрашивает детей, вот, у человека два глаза. А что еще есть у человека «парное», чего еще по два? Детки говорят: две ноздри, два уха, две руки, две ноги и т.д. Молоденькая учительница, волнуясь, продолжает: а еще? Девочка-умница-разумница говорит: ДВЕ жопины. Нарком был в полном удовольствии и благорасположении.

Позднее матушка училась в знаменитом Педагогическом институте имени Герцена, причем заканчивала возрожденный исторический факультет, потом поступила в аспирантуру на факультет педологии. И тут ее Бог спас. Она забеременела, не смогла заниматься должным образом и ее отчислили из аспирантуры. В 1936 г. педология была объявлена буржуазной лженаукой, ВСЕХ педологов (включая аспирантов) посадили.

Перед войной матушка окончила Высшие (пятигодичные) курсы иностранных языков (немецкое отделение). Так вот, на выпускном банкете один из однокашников пожелал ей: Валя, желаю тебе стать директором школы в Берлине (!!!). По тем временам это была весьма опасная шутка. Прошло несколько лет, и матушка стала директором школы в Берлине (до моего появления на свет). Ну-с, сейчас это – как пожелать издать сборник стихов на Марсе. Мудрено, затейливо, но элегантно шутит Жизнь-Жизнь.

До войны мама успела поработать инспектором Областного отдела народного образования и гидом-переводчиком (водила немцев по Питеру и окрестностям). В середине 1930-

х моя матушка устроила великого историка Е.В. Тарле, отсидевшего четыре года по делу «Промпартии», которого никто не брал на работу, читать за деньги лекции учителям. Пока жив, не устану удивляться ЖИЗНИ: через несколько лет Тарле стал консультантом фильма «Адмирал Нахимов», снятого по сценарию моего тестя...

Мой отец вместе с братом приехал в Питер в 1926 г. Тогда в престижные (как теперь принято изъясняться) ВУЗы брали только людей, происхождение которых было: «из рабочих», «из крестьян». В бумагах моих родственников стояло «из служащих». Дядя вернулся на год в Калугу (нигде не брали документы), а отцу повезло: его «приняли» в Первый Медицинский институт. Учился батюшка хорошо и выбрал специальность: рентгенология. Это было модным тогда, как сейчас стволовые клетки.

После окончания института отец поступил в аспирантуру, много публиковался в научных изданиях, занимался и генетическими экспериментами с дрозофилами (потом радовался, что не посадили), изучал лучи Буки, преподавал в Электротехническом институте, занимался частной врачебной практикой как семейный врач (до войны можно было).

Мои родители познакомились зимой 1931 г. на катке. Читатель, бывал ли Ты когда-нибудь на катке? А? А я бывал в детстве-юности, ибо развлечений при Софье Власьевне (советской власти) было мало, и каток был чем-то вроде современных роликов, скейтов, боулингов и бильярдных. На ла-

вочку присели моя матушка с подружкой. Отец подлетел к барышням, уселся между ними и произнес (как бы это помягче сказать... – незатейливую фразу):

Один барбос

Среди двух роз.

Матушка засмеялась, разговорились, влюбились, романтические отношения, а далее все по сценарию, хорошо известному читателю. Летом 1933г. они «расписались», а 31 октября того же года родился мой старший брат Вадим Сергеевич Гречишкин (ныне – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой телекоммуникаций физического факультета Калининградского университета). В 1934 г. отец защитил кандидатскую диссертацию, которую через шесть лет, переработав, издал в виде книги: *Гречишкин С.В. Введение в практическую дозиметрию рентгеновых лучей.* М., Медгиз, 1940. Перу моего батюшки принадлежит еще одна фундаментальная монография: *Гречишкин С.В. Основы рентгенотерапевтической практики.* М., Медгиз, 1952. В течение десятилетий эти книги были практическими пособиями и учебниками для двух поколений рентгенологов и рентгенотерапевтов.

Быстро став доцентом и старшим научным сотрудником, отец служил до войны в Институте экспериментальной медицины и Рентгеновском (Неменовском, как его называли по фамилии директора) институте. Уже тогда он был легендарным диагностом.

Репрессии сталинские моих родителей не коснулись, да и вообще моя семья в этом отношении весьма благополучна (ну, выслана бабка, ну, сидели мужья теток – копейки и засушенные цветочки). Никого не убили, слава Богу. Отец много рассказывал мне о тех собраниях (не партийных, общих), на которых все голосовали за смертные приговоры «троцкистско-зиновьевским убийцам». Все голосовали открыто, поднимали руки, а иногда от тех или иных человечков требовали устно заклеить предателей и шпионов. Сейчас многие ухари любят твякать, мол, нет свободы слова. Видел по «ящику» выступление доктора философских наук, специалиста по философскому наследию Ивана Ильина (вот уж был пещерный антикоммунист) Г.А.Зюганова, который объявил, что в России давно наступил 1937-ой год. Ох, брехуны колхозные, козлы-капустогрызы. Где-то до 1988-го годочка и СВОБОДЫ МОЛЧАНИЯ не было. Некий безвестный и забытый коллега моего батюшки (никто не помнит этого человека) воздержался и... после собрания, на глазах у всех он был арестован и исчез навсегда.

Впрочем, иногда кое-что и прощали. Знаменитый рентгенолог-поэт (так!) Иннокентий (Иван? Забыл, хотя стихи его помню) Оксенов, выступая на такого рода собраниях, сказал с трибуны: «Спасибо счастливому товарищу Сталину за дорогую жизнь». Ой, я оговорился. Оставили, однако, жить...

После убийства Кирова тихий Рентгеновский институт захлестнула волна арестов. Первым был арестован почтенный

академик-старик Надсон (родственник поэта; его ударили в машине по дороге в Большой дом, и он тотчас умер). Потом арестовали друга отца (кабинеты были рядом) профессора Перцева. Ему предъявили обвинение в подготовке террористических актов в Ленинграде, Москве и Киеве (одновременно). Сгоряча приговорили к расстрелу, потом дали десять лет, которые он и отсидел, вышел, не стал «повторником» (хорошее словечко, к примеру, Нина Ивановна Гаген-Торн – чудная фамилия для Совдепии – этнограф, возлюбленная Андрея Белого, была арестована в 1937 г. – на ее глазах следователь сжег в печке пачку писем Андрея Белого, обращенных к ней. Дали «десятку», отсидела. Через одиннадцать месяцев в 1948 г. опять арестовали и дали ту же тривиальную десятку. Ох, братцы, троцкисты-коммунисты, ВСЕ ЭТО БЫЛО. Профессора Перцева, а уж тем паче Нину Ивановну я помню очень хорошо (бывал у нее в гостях, ездил к ней на дачу в Большие Ижоры; после реабилитации дачу, как ни странно, «вернули»...).

Были арестованы профессора Шик и Рохлин с женами (жена Рохлина рожала сына в камере, в носовой платок). Отец каждый день ждал ареста, но пронесло.

Началась зимняя Финская кампания 1939-1940 гг. Отец был призван на эту забытую, кровопролитную войну. Он стал военврачом третьего ранга (майором – с 1943 г., когда были возвращены Сталиным офицерские звания). Отец много мне рассказывал об этой «незнаменитой» войне («ку-

кушки», непомерный героизм финских солдат, летчиков и местных обывателей, уничтожение линии Маннергейма прямой наводкой снятых с кораблей мощнейших орудий, и кровь, кровь, кровь). Читатель, по полуофициальным данным один финляндский солдат взял с собой на тот свет двадцать наших солдатиков. Много что помню, а расскажу лишь одно.

Друг был у отца на Финской, хирург. Взяли в плен тяжело раненного финского офицера. Отец сделал рентгенограмму, хирург по ней сделал операцию, удалил осколки. Финн был весь в крови, так торопились его оперировать, что даже сапоги с него не сняли. После наркоза, когда офицер пришел в себя, хирург наклонился над ним и спросил о самочувствии. Финн вытащил из сапога нож и вонзил доктору в сердце. Что стало с финном, умолчу. А зачем молчать. РАСТЕРЗАЛИ...

Отец присутствовал на подписании мирного договора в Выборге (тогда еще – Виипури). Весь город был почему-то усыпан царскими деньгами. Папа запомнил такую картинку: наши солдатiki с величайшим напряжением втащили на высокий этаж рояль (не пианино) и сбросили его на мостовую. Россия. Лета. Лорелея. После подписания документов финские офицеры, превосходно говорившие по-русски, пожимая руки нашим командирам (слово офицер еще было запретным), приговаривали: «До новых боев». Что и сбылось через год с небольшим, когда финские войска вернулись к исходным границам и заняли Петрозаводск.

После завершения первой в своей жизни войны отец с величайшим трудом демобилизовался, уволился в запас и вернулся в Рентгеновский институт. Не слишком надолго. В июне 1941 г. отец был снова призван в Красную Армию. 18 июня (за четыре дня до страшного 22-го июня) он убыл в советскую Эстонию, в район города Тарту, в городок Петсери. Батюшка мой отчетливо осознавал, что уходит на войну, так и мамушке сказал. Отец понимал, что война может пойти (вопреки дурацкой советской военной доктрине войны на ЧУЖОЙ территории, согласно которой немецкие солдаты повернут оружие против фашистов-гитлеровцев, и прочая белиберда) по самому худшему сценарию. Папа в квартире на проспекте Энгельса сделал тайник и спрятал для мамы двадцать плиток шоколада. Увы, шоколад еще до начала голода съели крысы перед своим легендарным уходом из города... Родители расстались на пять долгих лет....

Я уже упоминал, что у нашей семьи был дом в Порхове. В мае 1941 г. туда уехала моя бабушка с двумя внуками и внучкой (Вадим, Марк и Наталия). Марк (1938 г. рождения преподаватель-словесник, у тетки Нины был муж Д.Свердлов, еврей, который умер от полученных ранений после окончания войны), Наталия (1939 г. рожд., ныне – инженер). Позвольте реплику по поводу того, как говаривали во время (и после) войны, мол, «евреи взяли Ташкент». Это не Эдмунд Гуссерль, все понятно. Был у меня старший товарищ (он давно в Небесном Легионе) Эльхон Львович Розин, начавший

войну рядовым и закончивший майором разведки. Пару раз я с ним был в бане, все его тело было покрыто просто чудовищными рубцами и шрамами. Сказанное относится и к выдающемуся поэту и переводчику Науму Исаевичу Гребневу, которому после смертельного (чудом выжил) ранения в брюшную полость писала в госпиталь нежные письма Ахматова.

Бабке было уже под семьдесят. Через короткое время после начала военных действий Порхов был оккупирован. Матушка моя не сумела прорваться к детям, шло немецкое наступление. Отец, служивший какое-то время не по специальности, в медсанбате, успел вывезти бабку с детьми из Порхова (боялся уличных боев), и... до 1945 г. мои родители и тетки ничего не знали о судьбах своих детей. С тремя детьми на руках бабка осталась без всяких средств к существованию.

Порхов заняли регулярные войска (не эсэсовцы), которые вели себя более или менее цивилизованно: разрешили открыть школу (мой брат проучился в ней год); была та же учительница, но в букваре вместо Сталина был Гитлер; на стене класса висела картина: дети преподносят цветы Гитлеру, кормили, вернее, подкармливали детей, давали кое-что из одежды и т.д.

В 1943 г. в Порхове было взорвано офицерское казино, погибло несколько сотен немецких офицеров. Наши военные историки практически ничего об этом не пишут. Существует упорная и упрямая легенда, что эту диверсию совер-

шили британские коммандос. Гитлеровцы после диверсии выслали всех порховчан, проживавших на близлежащих по отношению к казино улицах. Хорошо, что не убили.

Бабку с детьми выслали в Литву, где они жили у ксендза, пожалевшего горемык: бабушка помогала ему по хозяйству, а мой брат пас гусей. Вернулись в Питер они только в 1945 году. После войны мама официально (письменно) подтвердила, что ксендз спас от голодной смерти детей красных коммандиров, тем самым спасла священника от высылки в Сибирь.

Итак, первое письмо отца. Открытки и письма публикуются без купюр.

1.

2 июля <1941 г.>. День моего рождения по старому стилю.

Милая и дорогая Валюша!

Судьба играет человеком. После многих бессонных ночей и тряски на грузовике я попал в район гор<ода> Порхова и сегодня отпросился на 3 часа к бабушке. Сейчас сижу у нее и срочно пишу тебе. Я в общем здоров, хочу только спать. Еду не знаю куда. Были приключения военного времени, но в общем все хорошо. Адреса не имеем и не знаем, куда идем. Во всяком случае дивизия будет доформировываться.

В Эстонии было много всего, можно было бы и <нрзб>, но уехали неожиданно, да и не знали куда. Едем

и не знаем куда приедем.

Спим под открытым небом, питаемся супом из пшена, но в общем ничего. Конечно, очень хочу получить от тебя письмо. Напиши на всякий случай на имя мамы на главпочт<амт><ород> Порхов. Может быть, задержимся здесь.

Сейчас приехал на 3 часа с случайной машиной. Бабушка передает, что ребята все здоровы, копают убежище. Мама здорова, передает, что все благополучно. Если возможно, то пришли Вадиму и маме муки. Вадик записан в школу к хорошему учителю. Мальчик вырос, хороший, не баловень. Понятно, не отходил от моего пистолета, шинели, восхищался сапогами. Дети! Мама передала, что и Володя на фронте. Привет, сердечный привет. Ты, Валюша, смотри держись. Сестра Валя пусть тоже живет с тобой и, если будет что-нибудь, то лучше пусть заявит в И<нститу>те, что она уезжает в Хабаровск.

Привет всем, привет от бабушки и Вадика. Вот судьба? Уже была стрельба и т.д. Крепко, крепко целую. Твой Сергей.

Больше ничего не пишу, спешу на почту, нужно скоро ехать.

Приключения военного времени. Была стрельба. Дивизия, разбитая немцами, будет «доформировываться». Еще нет штампа «Проверено военной цензурой». Помните чеховское «подводное течение» (термин В.И.Немировича-Дан-

ченко), вот оно: в конце июня отец непосредственно принял участие в боестолкновениях, несколько раз ходил в штыковую атаку, в рукопашный бой (у военных врачей такое случается редко). Он не любил об этом «распространяться», вспоминал чрезвычайно редко, однако, до конца жизни кричал во сне «В атаку! В атаку!» В открытке об этом ни слова, ни слова и о стремительном отступлении под натиском немецкой военной машины. Больше папа в атаку не ходил, но стрелять приходилось много (врачу!), был контужен при обстреле машины немецким летчиком. Гильзу от снаряда немецкой самолетной пушки, контузившего его, отец хранил всю жизнь. В письме упоминается сестра отца, Валентина Васильевна, студентка-медичка, которая приехала из Хабаровска (где отбывала ссылку ее мать).

2.

4 июля 1941 г. Открытка первая.

Милая, любимая Валюша!

Еще ближе подъехал к Порхову. Сейчас имею в своем распоряжении 1 ½ часа, из этого времени хочу поговорить с Ленинградом и еще раз забежать к бабушке. Ночь работал в больнице, в рентгеновском кабинете. Нас вызвали из части, но к бабушке зайти не мог. Как ты думаешь, может быть перевести часть аттестата на бабушку, чтобы тебе не посылать. Вообще телеграфируй на имя бабушки. Не исключена возможность, что я еще раз заеду к ней.

Милая Валюша, а нельзя ребят отправить к Коле в Ташкент? Или это нереально. А Ольга не может приехать в Порхов, ведь кажется с маленькими детьми разрешают выехать из Ленинграда. Или Нина?

От тебя не имел ни одного письма. Как ты живешь. Твое лицо стоит передо мной. Может быть, я даже проеду Ленинград <так!>. Но это, конечно, под большим вопросом. Скорее где-то в глубине будет происходить срочная реорганизация и доформирование.

Сижу и жду на почте телефон. Сейчас, может быть, услышу твой голос, но ничего не удастся. Бегу к Вадиму. Всем привет. Крепко, крепко целую. Твой Сергей.

В Ташкенте служил мамин брат Николай Артемьевич Пригодич. В письме упоминаются сестры матушки: Ольга и Нина. Тетя Оля эвакуировалась вместе с детским домом, где была директором. Матушка и тетя Нина отстучали всю блокаду от звонка до звонка.

3.

4 июля 1941 г. Открытка вторая.

Милая дорогая Валюша!

Ждал телефон и так мне не дали возможность услышать твой голос. Был сейчас у Вадика дома, посидел часок. У бабушки все благополучно. Ребята как всегда. Вчера звонила Нина. Так как она ничего плохого не говорила, то я заключил, что у тебя все благополучно. Жалею, что нет от тебя ответа на имя мамы. Ты все же срочно

пошли ей письмо. Взял у бабушки твою и Вадика фотокарточку. Ты теперь еще ближе к моему сердцу. Крепко, крепко целую. Сергей.

В открытке идет речь о письме мамы к свекрови в ссылку.

4.

Штемпель не разборчив. Открытка не датирована. Ясно только, что она написана ранней осенью 1941 г.

Милая Валюша!

Первая ласточка – первая открытка из Пскова. Жив, здоров. Вспоминаю тебя. Спал хорошо. Настроение бодрое. Целую. Милая, милая Валюша. До свидания Валюшка. Сергей.

Бои, отступление. Об этом ни словечка. Спал хорошо. Это означает не что иное, как: разок выспаться удалось. Отец всегда говорил, что на войне очень мучительный недосып и вечный шум...

5.

1 октября 1941 г.

Милая, дорогая Валюша!

Пишу тебе из Москвы, где я пробуду два-три дня и поеду к себе в Валдай обратно. Я приехал за аппаратом. Как жаль, что не в Ленинград. В Москве у меня никого нет. Жизнь в Москве такая же, как и была, по коммерческим ценам можно купить съестное. Работают театры и даже такси. Сейчас утро, и я еще не видел, как

следует, Москву, но сегодня немного ее посмотрю.

Я получил от тебя открытку от 24 сент<бря>. Ты жива и здорова. Это все. Милая Валюшенька, с Тафило посылаю вам посылку с съестным. Разрешается 1 посылка за все время с личными вещами. Потом, может быть, пришлем еще одну.

Валюшенька, пусть Коля не забывает вас. Милая Валюша, пиши мне. Будь добра. Буду тебя всегда искать. Привет всем. Крепко и нежно тебя целую. Твой Сергей. Дорогая Валюшенька, не забывай писать.

Отец придумал передвижную рентгеновскую установку, смонтированную на автомашине, поэтому был вызван в Москву (получил «аппарат»). Такие рентгеновские установки появились в госпиталях всех фронтов и спасли жизнь многим тысячам раненых. И по сей день рентгеновские лучи лучше всего на СВЕТЕ определяют пулевые и осколочные ранения. Отец уже знает силу и мощь врага, но об этом ни словечка. Тафило – его сослуживец. Коля – мой дядя, военный ветеринар, служил тогда далеко от фронта. Удивительная фраза: в Москве у меня никого нет. Дядя Боря был мобилизован и отправлен за Урал строить авиационный завод, в Москве оставались его жена и дочь Татьяна Борисовна Гречишкина (1938 г. рожд., ныне – инженер).

Все, господа-товарищи-братва! Притомился я. Девять часов просидел за машиной бесовской. Продолжение следует. Дедушка Кот читателя не «кинет».

26 апреля 2005 г.

Петергоф. 7 час. 49 минут.

Солнечное морозное (!!!) утро.

Сергей Васильевич Гречишкин, или Письма с войны, письма из войны, Великой Победе в Великой войне Часть II.

За мной, читатель! Вечер Великого дня Великой Победы; я сел за машину бесовскую. Прочитав первую часть этой публикации, замечательный историк, архивист Д.И.Раскин сказал замечательную фразу: «Таких писем очень много и очень мало». Я истолковал бы ее так. Писем с войны много, но огромное их количество истреблено после смерти корреспондентов, при переездах с квартиры на квартиру, из города в город. Уничтожено, разумеется, не умышленно, а в силу стандартного людского небрежения. Таких писем мало в государственном хранении. Недавно я получил любезное предложение от Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) передать свой архив на вечное хранение. Я еще не умер, посему с этим повременю, но рано или поздно ЭТИ письма попадут туда.

Прошу простить за назойливость: я еще раз повторю общую характеристику писем моего отца с войны:

«...они монотонны, как кружение чичиковской брички по губернской распутице. В них нет описаний

сражений, воинских подвигов, лишений, любви к Сталину и партии, клокочущей ненависти к врагу, призывов к мести и т.д. Любящий военный врач пишет любимой жене в блокадный Ленинград. Какова же тематика-проблематика писем? Люблю, люблю, люблю, береги себя, держись, выслал деньги, устал, много раненых, долг, стоицизм и т.д. Никакого пафоса, никакой героики, нервозности, истерии. Все четко, ясно, просветленно (читатель, ей-Богу, похоже на самурайские письма). Все согрето высокой любовью и высокой надеждой на грядущую встречу».

Поехали... Помнит ли кто-нибудь что это гагаринское словечко сделало его протагонистом еврейской эмиграции (была такая шутка). Летопись семьи – одна буквица в летописи Родины...

6.

17 сентября <1941 г.>

Мой дорогой и нежный друг Валюша!

Благодарю тебя за открытку от 9 сентября. Я рад, что ты здорова, бодра. Милая Валюшенька, я очень беспокоюсь о тебе. Так хотелось бы быть с тобой, вместе переживать это трагическое время и ждать, когда наконец наступят лучшие дни, когда мы соберемся все вместе и будем жить одной счастливой семьей.

Милая Валюшенька, пиши мне чаще. Я больше ни с кем не переписываюсь и ни от кого не получаю писем.

Ты одна – и всегда со мной. Пиши мне подробнее. Я уже давно не знаю почти ничего о Ленинграде. Жена Тафило несколько расстроила нас. Мы пока работаем там же и без особых переживаний. Я писал тебе, что послал второй перевод и послезавтра пошлю третий. Очень прошу тебя: сходи в фотографию и пришли мне свою фотокарточку. Об этом я теперь только мечтаю. Все мои искания Вадика безуспешны. Очевидно, увидим мы его после войны. Получила ли ты мое удостоверение и не хочешь ли ты эвакуироваться.

Дорогая Валюшенька, я пишу тебе с каждой почтой, часто, но если ты не получаешь некоторые мои письма, то не беспокойся. Привет Нине, жене Тафило. Сергей.

В письме упоминается мой старший брат Вадим Сергеевич Гречишкин, ныне – доктор физико-математических наук, профессор Калининградского университета, который с бабушкой, двоюродной сестрой и двоюродным братом остались «под немцем». Нина – моя тетка. Тафило – служил с моим отцом. «Без особых переживаний...» Читатель, представь себе полевой госпиталь, близко от передовой, тысячи раненых, неиссякаемый поток, рентгеновская установка, работа без всякой лучевой защиты... Война... 5 июля 1941 г. отец писал маме: «*Вчера работал по специальности всю ночь... За это был премирован ночью в Порхове... Спал на кровати, первый раз сняв одежду. Как мы не ценим то, что имеем...*». О «переводах». Военврач (до 1943 г. слова

офицер в употреблении было запрещено) мог послать жене «аттестат» (часть жалования – 1000 рублей в месяц, как правило, не больше; папа переживал по этому поводу, ибо на войне деньги были просто не нужны; эти остававшиеся средства шли на сберегательную книжку, куда перечислялись выплаты и за ордена – было такое). Все эти огромные суммы (за годы аккумуляровались) пропали в денежную реформу 1947 г. (Гайдарочубайсов еще и на свете не было). Поясню: у отца накопилось больше 200 000 рублей (фантастическая сумма по тем временам; он не воровал, не спекулировал, а честно служил). После реформы осталось 3000 рублей. Эти переводы помогли маме выжить: килограмм хлеба в блокадном Ленинграде стоил 500-700 рублей.

7.

23 сентября 1941 г.

Мой любимый дорогой друг Валюша!

Я получил от тебя открытку, спасибо тебе. Ты пишешь, что у тебя все благополучно и хорошо. Я рад, бесконечно рад, что ты жива. Вместе с тем я знаю твоё положение. Я переживаю за тебя, почему ты не эвакуировалась. Милая Валюшенька, может быть, представится ещё возможность уехать, тогда все бросай и уезжай куда-нибудь. Я буду посылать все своё жалование, как-нибудь ты проживешь. Меня гнетет: как это получилось, что ты все же не смогла уехать. Я знаю твой характер, твою честность, любовь к Ленинграду и рус-

скому народу. Я знаю, что все это удерживает тебя. Но все же, если ваше учреждение будет эвакуироваться, то ты, Валюшенька, поезжай. У меня на глазах были слезы, когда т. Дмитриев, который видел тебя в Ленинграде, рассказывал, какая ты стала худенькая.

Милая Валюша, ничего не жалея, но кушай, береги свои силы, свою жизнь, свое здоровье. Я сейчас так живо вспоминаю тебя, твою слабую худенькую ручку и всю тебя. Моя милая Валюшенька, я пишу тебе через день и знаю, что ты также не забываешь меня, и, если не доходят письма, значит, они теряются.

Валюша, вероятно, ты будешь от меня нерегулярно получать письма, но пусть тебя это не беспокоит. Я все время думаю о тебе, всегда буду тебя искать и пытаться связаться с тобой. Я верю, что еще наступит счастливое время, когда соберется вся наша семья вместе, и мы будем опять все вместе.

Ты пишешь, что Информбюро (Красный крест?) сообщил что-то о Вадике. Напиши мне, дорогая Валюшенька, подробнее. Какие сведения? Запрашивала ли ты Красный крест?

Милая Валюша, обо мне не беспокойся, я работаю в Валдайской городской больнице. Ты, вероятно, помнишь это здание, ведь ты часто была в командировке в этих местах.

Милая Валюшенька, ты пишешь мне очень мало, ра-

ботаешь ли ты по-прежнему в своем институте. Как часто посещает тебя Нина. Пиши мне о всех мелочах, пиши ежедневно, Валюша, нет больше радости получить от тебя письмо. Нас здесь собралась целая группа ленинградцев, мы все делимся новостями из писем, проверяем числа, когда посланы письма. Я больше провожу время с Павлом Игнат<евичем>, а ты с его женой, какая ирония, как было бы хорошо так не разделяться на пары, а жить нормальной жизнью.

Мой нежный любимый друг, не забывай меня, что бы ни случилось. Пиши мне чаще. А главное, думай о себе, береги себя. Будь осторожна, ничего не жалея, береги свою жизнь! Твоя жизнь нужна для Вадика, для меня. Привет Нине, передай привет Володе, пусть он напишет мне. Что делают сейчас Шик, Сельков, позвони, передай им привет. В Ленинград я сейчас приехать не могу. Крепко тебя целую. Милая, милая Валюша, не забывай меня. Твой Сергей. Мой нежный дорогой друг, не забывай меня. Еще раз целую тебя.

Читатель, я – конкретный пацан, опубликовавший изрядную десть писем ночлежников со «дна» Серебряного века. Хорошо писали, братки. Однако это письмо – неискusstный шедевр неискusstной любовной эпистоляррии. Так! Как все пронзительно и трогательно... Были люди, и нет их... А вот еще фрагмент из письма от 4 октября 1941 г.: *«Получил сразу 2 письма от тебя. Опять перед моими глазами твой*

милый бисерный почерк. Опять, ярче, чем наяву, стоит перед моими глазами твой образ. Я беспокоюсь за тебя. Ты со своим характером можешь в минуту опасности не сохранить свою жизнь». Это любовь, читатель... Минута опасности. Годы опасности... Отец служил во 2-ой и 3-ей ударных армиях. Ударная армия прорывала оборону гитлеровцев, три недели вела бои ночью и днем (покушать – только хлебушек и сухарики), теряла 70 процентов бойцов ранеными и убитыми, потом в прорыв входили другие войска, армия откатывалась на три-четыре месяца на переформирование... И вечный бой. И снова в бой. С такими ошеломляющими потерями НИКТО не воевал и воевать не будет... Полевые госпитали располагались в зоне обстрела германской артиллерии.

Папа монотонно уговаривает матушку эвакуироваться, когда до НАСТОЯЩЕЙ блокады осталось еще пара месяцев. Мама безоговорочно отказалась уехать (а возможности были). Командировки. Мама была инспектором ОБЛОНО, по-сему часто ездила инспектировать школы в Ленинградской области. Последнее место службы перед войной у нее Институт усовершенствования учителей. В письме упоминаются сослуживцы отца в армии и в Рентгеновском институте (до войны). Читатель, война, страшная война, разруха, хаос, а почта работала лучше, чем сейчас. О, Русь моя...

8.

24 сентября <1941 г.> Вечер.

Мой незабвенный друг Валюша!

Вчера я отослал тебе письмо. Вероятно, эта открытка дойдет скорее. Милая Валюша, как я беспокоюсь о тебе. Как это получилось, что ты в опасности. Если можешь эвакуироваться, то уезжай. О Вадике не беспокойся, мы его еще найдем, я в этом глубоко убежден и твердо убежден. Моя детка, будь мужественна, береги себя. Помни, что, если не будут доходить письма, то это лишь временная задержка. Напиши мне адреса родственников в тылу (Пети, жены Коли, Бориса, Оли и т.д.), куда я мог бы заслать письма, если прервется почему-либо связь. Помни также, дорогая Валюша, о почтамтах до востребования. Если можешь, то пошли мне в письме открытки, то же передай жене Тафило. Ты пишешь, что ночуешь на службе, а как же ты получаешь мои письма, может быть, мне писать тебе на службу.

Я здоров, работаю так же много. Думаю о тебе. Крепко, крепко целую. Сергей.

Отец все уговаривает маму «уехать». Никто никогда не подсчитал и не подсчитает, сколько косточек людских лежат на дне Ладожского озера (эвакуация по «Дороге жизни») и сколько мирных ленинградцев нашли свою смерть в горящих взрывающихся самолетах. От них и косточек не осталось.

«Ты в опасности...». Первая массированная бомбардировка Ленинграда состоялась 8 сентября. Отец не знает, что осенью 1941 г. матушка была бригадиром в женской бри-

гаде на рытье окопов и противотанковых рвов. Вот поэтому-то мама и «ночует на службе». Это была тяжелейшая изнурительная работа. Немцы обстреливали и бомбили создаваемые фортификационные сооружения и разбрасывали листовки в стихах (с детства запомнил):

Ленинградские дамочки,

Не копайте вы ямочки,

Все равно здесь пройдут наши таночки

Мама рассказывала еще, что рядом с ними приземлился на парашюте «сбитый» немецкий пилот, так вот, женщины хотели его (употребим не наше словечко) линчевать, мама спасла его и передала по «принадлежности». В письме упоминаются мои тетки и дяди, их мужья и жены. Никого на свете давно нет...

9.

28 сентября <1941 г.> Обратный адрес: Полев. почт. ст. № 840. ППГ – 188. Врачу Гречишкину.

Мой дорогой друг Валюшенька!

Вчера поздно вечером получил от 20 IX две <твои> открытки. Это была большая радость. Ты жива и здорова, а это самое главное. Милая Валюша, я пишу тебе через день, очевидно, не все письма ты получаешь. Валюшенька, пиши на открытках число отправления. Хорошо, что перебралась и на ночь в здание своей службы. Это очень хорошо. Береги себя, Валюша. Пришли, если сможешь, свою фотографию. Я по-прежнему много ра-

ботаю, иногда устаешь по ночам, но мысли о тебе поддерживают меня. Пришли мне более подробное письмо о своей жизни. Привет Нине, Коле, жене Тафило. Я все с ним. Крепко тебя целую. Твой Сергей.

Помнит ли кто о том, что в годы войны был установлен 12-часовой рабочий день без выходных и отпусков?

Все нижеследующие открытки и письма проштемпелеваны:

Просмотрено военной цензурой.

10.

1 января 1942 года. 12 часов.

Адрес отправителя: 19 ОРМУ. Полевая почта № 557. Врачу-рентгенологу С.В.Гречишкину.

С новым годом – с новым счастьем, моя милая бесценная дорогая Валюшенька! Любящий тебя Сергей. <Весь текст>.

11.

1 марта <1942 г.>

Моя славная милая Валюшенька!

Дни проходят за днями. Все те же мысли и желания. Я уже писал тебе, что с отправкой писем и особенно с получением их у меня теперь большие трудности. Фактически я могу получить от тебя письмо один раз в месяц, в день получения зарплаты. Нет конвертов и открыток, не могу сдавать письма. Последнее письмо от тебя имею от 4 января.

Сейчас 1 Марта. Приближаются наши праздники. День встречи с тобой на катке. Когда удаляются во времени, то впечатления становятся более яркие <так!>, и только потом они покрываются туманом забывчивости. Сейчас так ярко вспоминаю этот счастливый день. Как с Ваничкой <так!> мы тебя несли к себе на Фонтанку. Где все это? В этом году уже не придется пойти с тобой на наш каток. Только что мечтал, что, быть может, придется приехать в Ленинград. Получить командировку, но все это не реально. Во-первых, я теперь на Калининском фронте и ближе к Москве, чем к Ленинграду, во-вторых, нет бензина, чтобы столько ехать к тебе. Со снабжением стали затруднения. Верны ли слухи, что в Ленинграде лучше стало с питанием.

Меня твоя судьба очень беспокоит. Имеешь ли ты письма от кого-нибудь еще. Я только получаю весточки от тебя. Борис теперь в связи с потерей квартиры в Москве, вероятно, весьма огорчен. Где он, в армии? Ольга, видимо, устроилась лучше всех, она хоть питается. Она что тоже потеряла комнату?

Хотя все это имеет небольшое значение. Важно сохранить жизнь и обеспечить нормальное существование. Что делает Шик Я.Л. (зайди в Пединститут, расспроси его о рентгенологах, как-то хочется узнать о судьбе своих сотоварищей). Ему привет. Что с Евгеньем Алексеевичем Сельковым. А где Немёнов и Рейнберг.

Валюшенька, я отослал тебе 4 перевода, последний – 3<-й> – в феврале 500+500+1000 рублей. Получила ли ты их? Это я получил разницу за нахождение в ударной 3<-й> армии. Жизнь моя сейчас более осложненная, чем была. Трудности во всем. Но я не теряю надежду на благополучный конец и верю, что увижу тебя и буду в Ленинграде.

В связи с временным получением фотоаппарата отослал тебе в ряде писем свои фотокарточки, все может быть, что-нибудь дойдет. Вот и еще посылаю сейчас. Прошу тебя пошли мне свою. Твою фотокарточку я получил и хочу новую. О Дмитриеве ничего не знаю. Пав<вел> Игнат<ьевич> что-то ничего не пишет.

Я сейчас переехал недалеко в новую деревушку. Работаю все по специальности. Работы много. Попадают немецкие журналы – трофеи. О Вадике и маме ничего узнать не могу. Думаю, что они живы и здоровы и находятся в той деревушке, куда я их отвез.

Скоро весна, а главное, лето. Буду ли я иметь хотя бы связь с тобой. А что, может быть, даже и приеду на денек. С аппаратом. Все ведь может быть? Иногда и сказка становится реальностью. Привет Ниночке. Привет Коле. Работают ли у вас театры, кино. Как хотелось бы посмотреть здания Ленинграда, строгие контуры улиц.

Пиши мне по тому же адресу: Действ<ующая> ар<мия> 19 ОРМУ. Нач<альнику> рентгеной <так?>

группы в/врачу

Крепко, крепко тебя целую. Твой Сергей.

Я ошибочно написал в ч. I-ой, что мои родители (аспирант и студентка) познакомились зимой 1931 г. На самом деле, судя по письмам отца, они впервые встретились 6 марта 1932 г. на катке в Юсуповом саду, т.е. в письме речь идет о десятой годовщине знакомства.

Папа не совсем понимал положение дел в Ленинграде. В марте 1942 г. Питер был в абсолютной блокаде, ладожский лед растаял, в город можно было попасть только самолетом.

В письме упоминаются тетка Ольга и дядя Борис (крупный авиационный инженер), эвакуированный из Москвы на зауральские авиационные заводы. Дядя и тетя, в натуре, потеряли «жилплощадь» в Москве и Ленинграде. Борису Васильевичу (1909-1995) сразу дали комнату после войны, Ольга Артемьевна (1907-1992) была директором школы (после войны) на советской базе в Порккляуде (Финляндия). В 1955 г. базу закрыли и передали финнам. Тетка много лет мыкалась без жилья, несколько лет с дочкой жила у нас, получила комнату лет через десять после возвращения в Питер. Хорошо ее понимаю, ибо мы с женой, оставив квартиры в первых браках, много лет снимали квартиру и бедовали в коммуналке.

В письме вновь упоминаются коллеги отца в мирной жизни, в частности, академик Немёнов – директор Рентгеновского института и профессор Я.Л.Шик. Он работал в «Пед-

институте» потому, что там размещался военный госпиталь.

Меня чрезвычайно удивила фраза отца о трофейных (немецких) журналах. Папа был очень осторожный человек (советская власть научила). Хорошо, что военный цензор не заметил, последствия могли быть предсказуемыми: трибунал, разжалование, штрафбат.

12.

14 мая 1942 г.

Нине Арсеньевне Пригодич (для В.А.Гречишкиной).

Моя милая и славная Валюшенька!

Я уже писал тебе о получении твоих писем, написанных в апреле мес<яце>. Пишу еще раз свое мнение в отношении дополнительной работы. Ведь ты и так истощена, утомлена, – зачем же еще тратить нервы! Лучше все бросить и уехать к Оле, Борису, вообще в деревню и там уже искать работу за кусок хлеба. Тебя я не понимаю, ты словно на меня в обиде, что я не могу прислать за тобой машину. Милая Валюша, напиши, если ты поедешь: я все силы положу, чтобы кто-нибудь вывез тебя из Ленинграда. Но ты ведь отказала Володе. За тобой машину присылали.

Есть ли к вам дорога? Не забудь, что я на Калининском фронте. Отсюда я не знаю, чтобы кто-нибудь ездил в Ленинград. Это ведь далеко, больше 1000 км; бензина на это расстояние взять почти нельзя. Но напиши мне скорей, может быть, что-нибудь выйдет.

Принимаю вновь меры: отослал тебе сухари, добиваюсь командировки, но условия изменились <так>, что пока не отпускают. Надежда есть, может быть, будет лучше. Может быть, будет лучше.

Я хочу тебе помочь, отдал бы жизнь свою за тебя. Но не упрекай меня, я не могу, пойми, не могу ничего сделать реально для тебя, кроме посылки ненужных денег. Я связан по рукам и ногам. Пойти на преступление – нельзя: ты же первая от меня откажешься, да и это ни к чему не приведет. Тебя, Вадика люблю всей душой, но выкарабкавайся сама. Ты, если захочешь, сможешь. Бросай все и уходи в Сибирь. Прости за наивные советы, но жизнь свою сохрани. Это мое завещание, просьба, приказ.

Отослал письма Коле, Борису. Привет Нине. Твой Сергей.

Весной 1942 г. мама, пережившая с сестрой Ниной леденящую душу и тело блокадную зиму, устроилась референтом председателя Фрунзенского райисполкома. Это спасло ее и тетку. На работе давали тарелку супа и два кусочка хлеба (в Смольном товарищ Жданов с другими партийными радетелями за народ изволили клубнику-абрикосы кушать). Знаю об этом не только от матушки, но и от крестного моей Цыпочки Несравненной Федора Михайловича Семенова (1897-1976), который в войну работал зубопротезистом в смольнинской поликлинике. «Друзья народа» отнюдь не стеснялись... Люди с чистой совестью...

Тетя Нина была тяжело ранена осколками немецкого снаряда, однако, матушка смогла ей отдавать свою пайку хлеба. Тетка выжила тогда (последствия ранений унесли ее в могилу в возрасте 55 лет). Она умерла вечером 11 января 1971 г.; через несколько часов родился мой сын...

Мама при росте 154 сантиметра весила 34 кг (!!!). Редко (топливо было в чудовищном дефиците, жгли редкие книги из отцовской библиотеки) они с теткой на буржуйке грели воду для мытья, и Нина произносила лапидарную фразу: «Бросай свои кости в таз». Читательницы мои (если вы есть): от голода прекратились специфические функции дамского организма, тем паче – детородные, посему дети, родившиеся в Питере в 1942-1944 гг., имели родителей, которые могли каким-то образом достать еду. Не верьте людям, которые рассказывают, что ели в блокаду голубей, собак, кошек и крыс (вначале грызунов было ужасающее количество, но весной 1942 г. они «ушли»). Не было этих тварей в блокадном Ленинграде. Все покинули город. А кошек-собак съели первой блокадной осенью. Эти люди лгут, они людоеды (дети людоедов). А вот столярный клей, жмых, вываренная кожа на обед – сколько угодно. Мама и тетка Нина рассказывали, что получили письмо от сестры Ольги, мол, в эвакуации голодно: одна картошка. Они рыдали несколько часов, мечтая хотя бы о картофельных очистках.

Быть может, самым ярким воспоминанием о блокаде была следующая незатейливая история. Мама накопила денег и

купила с рук мешочек гречи (вожделенная мечта голодных, смертельно голодных людей). Очень дорого, но хотелось накормить раненную в грудь и голову сестру. Мешочек был аккуратно завязан, крупа была видна, она прощупывалась через тонкую холстину. Дома мама обнаружила, что крупы чуть-чуть сверху, а остальное – крупная (специально подобранная) зола. Горе было великое. У матушки был сильный характер: именно она делила на три части (утро, день, вечер) каждый день пайки хлеба – свою и сестринскую. Очень многие люди (преимущественно мужчины) быстро умирали от того, что СРАЗУ съедали пайку. Курильщики же погибали от того, что выменивали хлеб на папиросы.

13.

2 июня 1942 г.

Мое сердце, моя любовь.

Милая Валюшенька, в теплый весенний вечер как-то особенно чувствуешь, что недостает тебя, моего друга, жены моей верной, помощницы в жизни.

Счастливая, счастливая и иногда даже, кажется, неповторимая пора жизни с тобой в не разрушенном Ленинграде, неужели она не вернется. Нет, это не может быть. Воспоминания о тебе освежают мою душу и служат для меня источником наслаждения.

Я сейчас вижу – вот ты взглянула на меня и улыбнулась. Твой голос... Я, кажется, готов заплакать – слезами любви и восторга – перед твоим образом, твоими

страданиями в осажденном городе. Сейчас я ловлю себя на том, что задумался – мои мечты неясны, расплывчатые, но они все полны надеждой на светлое счастье и чистую любовь к тебе. Пусть только настоящая суровая жизнь не оставит следы в наших сердцах, кроме воспоминаний.

Лишь бы скорей кончилась война. Милая Валюшенька, ты мне не ответила, как же ты решаешь вопрос с эвакуацией. Нужно все-таки уезжать. Ты и так довольно долго ждала. Ведь есть у нас в России люди, которые не видели войны. Живут себе как ни в чем не бывало. Даже вблизи фронта встречаются крестьяне – звери, которые – кроме наживы – ничего от войны плохого не имеют. Накопили всяких вещей – на ряд лет. Все у них есть. Хлеба запас на многие годы. Сухари. Консервы. Военных используют для себя. Даже странно – как умеют приспособливаться люди. Если, конечно, подобных людей можно считать за людей. Для родины, войны они ничего не делают.

Я сожалею, нужно было бы убедить тебя быть со мной. Рентгенотехником ты бы смогла быстро стать и работать, а не умирать с голоду.

Стоит дождливая погода, поэтому на нашем фронте никаких особенных активных действий нет. Нельзя закопаться в землю. О других фронтах мы ничего не знаем. Газеты получаем редко, радио нет. Питание в тылу

армии сносное, кое-что меняем на хлеб у населения – молоко, яйца. Если бы ты приехала, ты бы не пожалела – поправилась. Настаивать я перед тобой не могу <так! >, так как это бесполезно. Убедить тебя в этом вопросе трудно. Нужно, Валюшенька, дорогая, уже думать о своей жизни. Нельзя же голодать много месяцев. Следовательно, раз трудно, нужно все бросать и ехать ко мне, Оле, Борису. Из-за бездорожья имеются затруднения с бензином, спичками и т.д. Поэтому приехать к тебе – это почти нереально. О Вадике и маме ничего узнать не могу. Писем ни от кого последнее время не получал. Как Ниночка? Сердечный привет <нрзб>, Коле.

Любящий тебя твой Сергей.

Есть, есть, читатель, любовь, верность, преданность, долг, честь. Как отец мечтал прорваться к матери в блокадный Ленинград, увы, они увиделись лишь в 1946 г. (пять лет в разлуке). Он, конечно, не представлял масштаб голода в блокаду, иначе из великодушия не писал бы о хлебе, молоке, яйцах и консервах.

14.

4 июля 1943 г.

Милая Валюшенька!

Я вновь в пути, в новом госпитале. Вновь поток раненых. Когда же будет конец. Из газет ты уже знаешь, что у нас были бои местного значения. Но это дало нам интенсивной работы на много дней. Переезды, сборка, ра-

бота и так день за днем. Тревога, избы, ненормальное питание, отрыв от тебя – вот моя жизнь.

Пожалуй, и писать даже нечего. Картинки фронта тебе знакомы не меньше, чем мне. Бог войны ТОР <так!> – все еще торжествует. Устаешь от его лицемерия. Одиночество меня также гнетет. Кругом народу много. Но друзей нет. А тебя и в принципе никто не может заменить. Я люблю тебя, родная. И это все. Следовательно, ты не беспокойся. Два года это большой срок, да и еще протянутся годы, ну, ничего. Увижу и тем буду с тобой<так!>. Какая-то тишина. Ждем бури и конца войны. Тогда, вероятно, и приеду. Пиши мне, родная. Привет Ниночке. Крепко целую тебя и обнимаю. Сейчас на машине и еду «домой». Холодно и дождь. Твой Сергей.

Редкое письмо, в котором отец упоминает боевые действия и рассказывает о своей работе.

15.

4 октября 1942 г.

Родная Валюша!

Сейчас получил твое письмо от 21 сентября 1942 г. Оно лежит передо мной. Я перечитываю его. Ты пишешь о тревоге за зиму. Я также беспокоюсь. Ведь теперь, когда у нас нет фактически дома, что держит тебя в Ленинграде? Ведь уезжают же люди из города! Сейчас здесь к нам прибыли врачи из Алма-Аты. Говорят, что там не плохо с питанием. А где-нибудь в более малень-

ком городишке вообще хорошо. Имеются фрукты, мясо, хлеб. Сравнительно недорого. Урожай хороший. Некому только его убирать. Работу, т.е. карточки, получить возможно. Ты, имея аттестат и зная, что я могу тебе выслать 1000 руб<лей>, могла бы просуществовать первое время, пока сама бы не обжилась.

Наконец, ты уже и так много перемучилась. Раз питание так доминирует вследствие современных обстоятельств, то нужно серьезно подумать об эвакуации. Тебя зовут и Женя, и Оля. Да ты и сама могла бы устроиться: уехать с каким-нибудь детсадом.

Напиши мне, какие мотивы заставляют тебя теперь не уезжать? Я, конечно, понимаю, но будет ли это лучше в будущем, мы не знаем. Но все же на некоторое время войны ты освободишься от мучений голода. Тем более, что нужно учитывать и то, что война, по-видимому, затянется. Тебе, конечно, видней. Я о положении Ленинграда знаю лишь с плохой стороны – в отношении питания, зимы и т.д. Мой совет: эвакуируйся. Где сейчас Оля? Напиши Пете от меня привет. Сообщи ему мой адрес. Что он делает в Москве. От Бобика я тоже не имею писем. Увы, также с Мая не имею писем от сестры. В отношении Володи я вряд ли могу что-нибудь сделать. Я не имею его адреса, знаю только, что он уехал в Вологду и там ждал назначения. Не проделал ли он то, что один раз делал.

Фане от меня привет, она всегда производила на меня впечатление порядочного человека, отзывчивого и с большим сердцем.

Рад, что ты не на курсах. Напиши мне адрес своей службы. Справься: нельзя ли кое-что отослать мне из книг. Таблицу я получил, но это не та таблица, кажется, в левом верхнем ящике письменного стола среди бумаг был черновик таблицы «Биологическое действие рентгеновых лучей». Она составлена в виде столбиков со стрелками. Постарайся найти ее, может быть, я ее опубликую.

В связи с тем, что на Холмском направлении сейчас относительно спокойно, я занимаюсь педагогической работой среди врачей, читаю научные доклады и даже собираюсь писать статью. Для этой цели мне нужна таблица. Прости, что тебя обременяю и так тебе не легко.

Ты пишешь: не забывай меня и Вадика. Моя Валюшенька, разве я могу забыть тебя, никогда не забуду, что бы ни случилось, всегда найду тебя. Уже так глупо мы с Вадиком не поступим. Если бы ты знала, как я сожалею, что тогда не взял Вадика с собой. Теперь, если зимой представится возможность, я сразу заберу его и буду возить с собой. Ведь я относительно уже и не так далеко от него. Привет твоему боевому соратнику – Ниночке. Все-таки она, как мне кажется, меньше измени-

лась, чем ты.

*Крепко целую тебя. Прижимаю к своей груди. Привет.
Будь здорова. Твой Сергей.*

В письме упоминаются мои родственники.

О Нине Артемьевне (меньше изменилась). Тетка Нина была до войны чрезвычайно полной дамой, резко похудела в блокаду, но была похожа на женщину (формы). Все боялись, что ее зарежут. Тема людоедства в Ленинграде и сейчас не приветствуется. Впервые об этом сказал Д.С.Лихачев, эту тему подхватили Гранин-Адамович и... молчок. Ни в кинохронике, ни в мемуарах нельзя ни увидеть, ни прочитать, что у трупов, валявшихся на улицах, к утру были вырезаны «мягкие» части. На рынках из-под полы продавали (как в 1918 г.) студень из человечины. Никто еще не написал о том, что в блокаду функционировали «очаги» (детсады) для деток-людоедов. ИХ ПОТОМ ВСЕХ УБИЛИ... Впрочем, я сейчас не об этом. Коммунисты, разумеется, мерзавцы и сволочи: бросить Великий Город без продовольствия, но и гитлеровцы – мерзавцы и сволочи бомбили и обстреливали мирных людей. Впрочем, англичане и американцы, разбомбившие в конце войны Гамбург-Лейпциг – такие же (сказанное относится и к атомной бомбардировке Хиросимы-Нагасаки). Чума на оба ваши дома.

Кто такой Володя, увы, не ведаю. Бобик – мой дядя, а Валя – тетка (с отцовской стороны). Фаина – подруга моей ма-тушки, делившаяся с ней последней крошкой хлеба (у мамы

украли карточки).

Что держит тебя в Ленинграде? В дом, где была родительская квартира на Лесном проспекте, попала фашистская авиабомба. Батюшка мой был настоящий ученый: война, а он читает лекции и думает о науке. Еще в открытке от 12 декабря 1941 г. он писал маме: *«Наше положение стабилизировалось, поэтому я прошу тебя выслать заказной бандеролью на Полев. почт. стан. 557 19 ОРМУ 1. Мою книгу. 2. Мои 3 работы: «Короткофокусная рентгенография», «Опыт работы П<редвижной> Р<ентгеновской> С<танции> на фронте»; «Терапия пограничными лучами Букки». Оттиски работ находятся на полочке справа, и затем вышли мне рукопись «Скорая рентгенотерапевтическая помощь». Рукопись запечатана в конверте и лежит в среднем ящике». «Моя книга»: Гречишкин С.В. Введение в практическую дозиметрию рентгеновых лучей. М., Медгиз, 1940.*

16.

6 марта 1943 г.

Моя родная Валюшенька!

Поздравляю тебя с нашим праздником – днем первой весенней встречи. Будь здорова. Твой Сергей. Дни отечественной войны.

Эстонская открытка, выпущенная в Тарту. Откуда? Вряд ли папа возил (пустую) ее через фронты.

17.

1 сентября 1944. Латвия.

Я грустным сердцем одиноко

Вокруг себя с тоской гляжу,

Но милых лиц не нахожу

В толпе, куда я ни взгляну;

Могу любить я лишь одну.

На обороте любительской фотокарточки. Читатель, не надо потешаться над этим беспомощным текстом, это – эманация любви.

Папа – в майорских погонах, подполковником он станет в Германии, а полковником – в начале 1950-х. На гимнастерке – знаки двух наград: одна из них «За отвагу», другая – орден «Боевого Красного знамени» (не частые награды у военврача). К концу жизни у папы было много, очень много орденов и медалей.

Вильну хвостом справа налево. Сейчас гулял по ночному Петергофу с псиной, по бульвару, по направлению к улице братьев Горкушенко. Мальчикам (16-ти и 17-ти лет, старшеклассникам) взрослые дядьки дали пулемет и приказали оборонять Колонистский парк в сентябре страшного 1941-го года. Немецкие подразделения двигались со стороны железной дороги к Верхнему и Нижнему паркам. Дети смогли задержать гитлеровцев, ну, от силы 15 минут и... погибли. Вечная слава Героям. Однако ТАК нельзя воевать...

18.

25 февраля 1945 г.

Милая, родная Валюша!

Получил от тебя газеты и письма от 9 февраля. Я рад, что ты здорова и все благополучно. Напиши мне, что для тебя важнее: продукты или вещи. Я отослал тебе пиш<ущую> машинку, gobелен. Сахар, сало сейчас собираю Вадику. Купил костюм шерст<яной> в военторге, купил тебе кожи на туфли и т.д. Вопрос в пересылке. Будет ли это все доходить. Вообще женские вещи достать трудно. Все тончится <так!>, рвется. Хорошего ничего нет.

Особых новостей у меня пока нет. Живу в том же замке (посылаю эскиз). Работы очень много. Нет минуты свободной. Условия жизни сейчас хорошие. Смешно, но все серебро, шелк, персидские ковры – все тяжелое, все бросается при первом переезде. В лесу бродят коровы, свиньи – мяса сколько угодно. Все приелось, безумно хочется домой. Ты даже себе не представляешь, как хочется домой.

Напиши мне адрес отца (не забудь), мой санитар кое-что ему соберет. Лес кругом опять стал опасен. Мечтаю только сохранить здоровье и жизнь, тебя вспоминая. Будь здорова, моя женулька. Целую Вадика и крепко, крепко тебя. Твой Сергей.

Письмо – на обороте журнальной вырезки: Лиотар. Картина «Шоколадница». До берлинской операции несколько недель отцовский госпиталь размещался в родовом замке

фон Арнимов (фамилия в Германии весьма знаменитая). В письме идет речь о пресловутых трофеях, грустно, но ЭТО было. Однако победителей не судят. За упоминаемой пишущей машинкой я просидел 35 лет, всю свою первую литературную карьеру. В начале 1945 г. мама и мой старший брат «воссоединились» в Ленинграде.

Подходит к концу моя «пронзительная» (Валерий Лебедев) «повесть» (Михаил Абельский). Есть еще странички военной истории, которые никто не хочет обнародовать. К примеру, мне рассказывал отец, что в городе Стендаль (так!) к нему подошла группа немецких женщин (девушек, зрелых дам, старух), которые попросили отца как врача упорядочить и, главное, сократить количество насилий над ними в день... Отец принял участие во взятии Берлина. Город был практически захвачен 30 апреля. Папа оставил надпись на стене Рейхстага. Мне было лет восемь, отец сводил меня в Военно-артиллерийский музей, где была собрана фотоколлекция русских надписей на Рейхстаге. Батюшка показал свою, незатейливую: *С.Г.*

Папа после войны стал Главным рентгенологом Группы советских оккупационных войск в Германии (памятна аббревиатура ГСОВГ). Мама и брат приехали к нему в 1947 г. Жила семья в районе Бух, недалеко от американской зоны оккупации Берлина. 24 марта 1948 г. я появился на свет Божий. Рождение мое отчасти тайна... Но сие отнюдь не относится к проблематике данной публикации. Я чуть-чуть пом-

ню разбитый на черепки Берлин, наземное метро и т.д. У меня были две няньки: фрау Мария и фрау Хелена. Мой первый разговорный язык – немецкий, потом я его (уже в 1970-х) напрочь забыл.

В самом начале 1950-х семья вернулась в Ленинград, а отца, уже полковника, назначили Главным рентгенологом и радиологом Советской армии. Несколько лет он прожил в Москве, в гостинице Центрального дома Советской армии (мы с мамой на Красной стреле приезжали к нему из Ленинграда). Отец принимал самое деятельное участие в «водородном проекте», возглавляемыми которого были Берия, Зельдович, Харитон и Сахаров. Папа отвечал за медицинское обеспечение. Отец много раз присутствовал на испытаниях первых водородных бомб, был и на Тоцком полигоне, где в 1954 г. Жуков нанес преступный ядерный удар по СВОИМ войскам, получил хроническую лучевую болезнь. Почти год отец пролежал в московских и ленинградском госпиталях, в отделении кардиологии, диагноз был секретным. Сколько раз я упрашивал папу надиктовать мне воспоминания о водородном проекте, но он всегда отвечал, что дал расписку о неразглашении – за нарушение – расстрел. Кое-что он все-таки рассказывал, всю оставшуюся жизнь тяжело переживал, что на испытаниях было заражено лучевой болезнью огромное количество окрестных жителей (целые области в Казахстане). Кстати, на военной кафедре Ленинградского государственного университета я в 1968 г. штудировал

духоносную дисциплину: ОМП (Оружие массового поражения). Показал отцу конспекты: медицинские инструкции по защите были написаны батюшкой.

По возвращении из Москвы папа несколько лет заведовал кафедрой рентгенологии и радиологии военно-морского факультета 1-го ленинградского медицинского института, одновременно возглавляя секретную радиологическую лабораторию, расположенную прямо в центре Питера, на улице Верейской. Я бывал там, охрана пропускала ребенка, видел контейнеры, вкопанные глубоко в землю. На доме красовалась вывеска: «Противомалырийная станция». Были времена, хорошо бы они никогда не вернулись. Отец носил форму капитана первого ранга, несколько раз был в дальних походах на крейсерах.

В 1959-1964 гг. отец служил Главным рентгенологом и радиологом Ленинградского военного округа (в гигантский округ входили прибалтийские, ныне так хорохорящиеся советские республики, Карелия, Мурманская область, Псков, Новгород, Калининград и т.д. и т.п.).

Выйдя в отставку, папа продолжал работать до последнего дня жизни: был Ученым секретарем Института радиологии, заведовал рентгеновским отделением в разных больницах, в последние годы командовал рентгенотерапевтическим отделением в больнице им. 25 Октября (новое название забыл). Человеком он был непростым, я много бунтовал против него, о чем теперь с грустью жалею. Папа был челове-

ком своей эпохи, в сознании которого были хаотически перемешаны обрывки головорезных советских реалий-идеологием с общечеловеческими ценностями. Витиевато, зато в одну фразу вместил.

10 февраля 1993 г. папа с песиком переходил улицу Гороховую (в девичестве – Дзержинского) и *упал* под машину (фура дальнобойная; именно не попал под нее, машина *не* сбила его). Странная история: менты отпустили водителя (за деньги?), потом машину искали и не нашли. Следующей ночью он умер в той больнице, где служил.

Теперь о маме. После возвращения из Германии она работала в Институте усовершенствования учителей, преподавательницей немецкого языка в школе, которую я окончил, районным методистом по немецкому языку... Матушка публиковала статьи в журналах «Советская педагогика» и «Семья и школа». Она перевела и издала в 1956 г. книгу воспоминаний дочери Э.Тельмана о ее отце (редактором перевода был легендарный филолог Е.Г.Эткинд).

После смерти папы мама четыре с лишним года жила у меня, за ней ухаживала моя жена (и я, разумеется). И мама была очень непростым человеком, но она – мама.

24 марта 1997 г. (в мой день рождения) ее хватил инсульт (по-старинному – удар). Поместили маму в больницу, нажали на «педали», легко купили хитрые лекарства (уже не было советского медикаментозного истребительного советского дефицита). Матушка пошла резко на поправку, верну-

лась речь, восстановились движения). Однако она попыталась встать с постели, упала и сломала шейку бедра. Вот этот перелом и утащил ее в могилу в мае 1997 г. Врачи боялись, что мы будем с ними судиться. Судись, не судись – маму не вернешь.

На моих родителях, Царствие им Небесное, жиддилась большая семья. НЕ стало их – семья истончилась, ушла в песок, рухнула, распалась, исчезла... Я, как начинающий дайвер, совершил детское, самое поверхностное погружение в холодную и темную пучину прошлого. А как страшно-то стало. Я не увидел в черной глубине опасных «левиафанов», склизких чудовищ, кошмарных кракеров, спрутов-убийц, но я их *почувствовал...*

Завершив эту работу, я по-настоящему, окончательно, навечно и неотменимо похоронил своих родителей.

Унесенные дымом

I.

Погиб отец. Безбожно. Дико. Глупо.

Неплох сюжет для выпранных стихов.

Курю.., а он валяется меж трупов, -

Зальдевших пластиковых мешков.

В мертвецкой батька мой. Ему там место

Негодник уготовил, пустозвон...

Возмездия дымящееся тесто

Из кадки мозга выползает вон.

Я был в больнице. Гнусная дерюга

Отца перерезала поперек...

Какой-то неумеха-шоферюга

Убил его и пакостно убег.

В беспамятстве отец лежал так тихо.

Был бел, как мел, как ангела перо...

Безносое всамделишное лихо

Разлило кровь, как пацанва ситро.

Двадцатый век старик прошил, как пуля.

Сломал две бойни. Казни. Голод. Мгла.

Какая ж стоеросовая дуля

В конце пути его подстерегла.

Ох, жизнь отца бессмысленно пустая:

Без веры, упований, скрипа сфер.

Пропел петух. Последний вздох истаял.

У изголовья – Бог и Люцифер.

Как жаль отца... Заплакать да заохать.

Вся жизнь его – невыразимый крах.

Он, бедный, думал: миром правит похоть,

Тщеславье, чистоган, топор и страх.

Какая гиль... Непониманье смысла.

Глухой безблагодатности сосуд...

Качается золотое коромысло.

Уходит мой отец на частный суд.

Когда его душа рассталась с телом,

Вернулась мысль, исчез бесовский мрак,

Испуганно, смятенно, оступело

Он понял, что Христос ему не враг.

Господь, Ты – путь, скала, первопричина.

Склонив главу, пою Тебе хвалу...

Молю Тебя: за жуткую кончину

Прости отцу бездумную хулу.

14 февраля 1993 года

II.

Летних басен множество.

Пиво – из горла.

Что-то мне не можется.

Мама померла.

Истина полезная, -

Мол, все будем там...

Умерла, болезнь,

Вздорная мадам.

Жизнь ее невинную

Стоимостью в грош

Вместе с паутиною

Тряпкой не сотрешь.

Гаснет в смерти кратере

Облик, образ, крик...

Нет со мною матери,

Я теперь – старик.

В неземной обители

В бытии ином

Ждут меня родители

С хлебом и вином.

Срок придет и свидимся.

Зарыдает мать.

Встретимся, обнимемся...

Важное сказать

Что-то попытаемся

В сердце и в уме...

И засобираемся

Исчезать во тьме.

21 июля 1997 года

11 апреля 2005 г. Ночь. 2 часа 51 минута.

Две песни русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

В первой части пространной публикации писем моего отца к матушке с войны я писал:

«Читатель дорогой, Ты видел фильм «Турецкий гамбит»? Нет? Сходи, хорошее кино. Русско-турецкая война лично для меня была ВЧЕРА, ибо бабушка пела мне песни той эпохи. На этой войне сражались мои прадеды. Эти песни у меня где-то записаны» (Василий Пригодич. Письма с войны, письма из войны или Сергей Васильевич Гречишкин)

<http://www.lebed.com/2005/art4176.htm>

Так вот, я нашел тексты двух песен, аккуратно записанных мелким витиеватым почерком моей мамы:

Вспомним, братцы, как стояли

Мы на Шипке в облаках.

Турки нас атаковали,

Но остались в дураках.

Мы курей ваших, индюшек

На перья передерем,

Дочерей ваших, матУшек

Всех в Россию уведем.

Гремит слава трубой.
Мы дрались, турок, с тобой.
По горам твоим, Кавказ,
Разнеслась слава о нас.

Здорово, брат служивый,
Ты куришь табачок.
Трубка просто диво.
Ну, дай курнуть разок.

Трубка просто диво,
На что она тебе.
Я ведь помоложе,
Продай, брат, трубку мне.

Трубочку заветну
Продать не в силах я:
В память командира
Досталась мне она.

Всю жизнь мою солдатскую
Я трубочку берег,
Месяцы и годы
Все прятал за сапог.

Когда было сражение
Под Горным Руцуком,
Трубочки хватился я
В сапоге потом.

Наш полк стрелою мчится,
Все рубит наповал.
Выстрел раздается:
Наш ротный с коня упал.

Какую тяжку муку
Наш ротный претерпел,
Крепко жал мне руку
И долго жить велел.

Трубку, что курил он,
Мне он передал
И хранить навечно
Трубку завещал.

Трубочку заветну
Продать не в силах я,
В память командира
Досталась мне она.

Читатель, не надо морщиться от этих неискусных строк.
Да, ритмические перебои, блуждающие рифмы.

Наш полк стрелою мчится,

Все рубит наповал...

Какая экспрессия, какая кровопролитная энергия, какая
наивная четкость...

Это – история, живая и неподдельная, грозная и нежная. Она – рядом, с боку, рукой подать. Я спрашивал у друзей-фольклористов: известны ли им эти тексты? Нет! Нет и нет! Ввожу их в читательский «оборот» (так неуклюже скажем).

Россия недавно отметила громко и тихо День Великой победы в последней Великой войне. Так, и 1878 г. была великая победа над Оттоманской империей, Великой Портой, ныне забытая, но незабвенная. Читатель, живи долго. Желаю всем вечной победы, вечного «возвращения того же самого».

20 мая 2005 г.

«Имеющий уши да слышит», или Год да Винчи

Читатель спросит: почему такой заголовок? Отвечаю: рефрен из Апокалипсиса («Имеющий уши да слышит, что Дух говорит Церквам»; почему *ГОД* да Винчи? – потому, что за истекший год в мире было продано около 40 миллионов экземпляров книги, переведенной на 44 языка, о которой у нас и пойдет речь. Итак: **Дэн Браун. Код да Винчи. Роман. Перевод с английского Н.В.Рейн. М., Издательство АСТ, 2005. 542 С. Дополнительный тираж 15 000 экземпляров.** Это не просто бестселлер, это супербестселлер (мнение критиков из разных стран), чей коммерческий и читательский успех в новом тысячелетии можно сопоставить только с «Гарри Поттером» Дж.Роулинг. Впрочем, сага о Гарри Поттере – совсем иная песня.

Несколько фраз об авторе. Дэн Браун родился сорок лет назад, в США, в Новой Англии, в Нью-Гэмпшире, в семье профессора математики и «музыкантши». После окончания знаменитого Амхерст-колледжа Браун отправился в Калифорнию, где в качестве певца-исполнителя своих песен выпустил несколько дисков. Вернувшись на родину, он с 1993 года преподавал английский язык в «родном» колледже-альма-матер. В 1995 г. Браун с супругой выпустили за-

пятную книгу: «187 мужчин, от которых следует держаться подальше: путеводитель для романтически фрустрированных женщин». В 1998 г. Браун выпустил триллер «Цифровая крепость» (о провокационной деятельности Агенства национальной безопасности. Толчком к написанию триллера послужил подлинный случай: арест в Амхерст-колледже студента, признавшегося в *электронном письме* в ненависти к президенту Клинтону. Роман, первоначально размещенный в «сети», вызвал горячее одобрение у «продвинутых» интеллектуалов (и не только). Через два года Браун издает роман «Ангелы и демоны» (о «схватке» Ватикана и некоей секретной швейцарской лаборатории; есть русский перевод). В 2001 г. печатается книга «Точка обмана» (о деятельности американской космической разведки). И, наконец, 18 марта 2003 г. выходит в свет «Код Да Винчи». Этот роман занимал первое место в рейтинге «Нью-Йорк Таймс» 104 (сто четыре) недели (!!!). И сейчас **все** романы Дэна Брауна удерживают в нем высокие позиции. Уже начались съемки голливудской экранизации романа.

Автор назвал свой роман «триллером». В этом есть некое самоумаление, лукавство и тайное торжество. Скажем просто: это сверхтриллер. Лихо завернутый сюжет с убийствами, погонями, обманами, разоблачениями сочетается со своеобразным бедкером-путеводителем по мировой культуре и религиоведению. Не больше и не меньше. Именно так. Друг-читатель, знакомы Тебе такие понятия-концепты-име-

на собственные, как криптекс, трансепт, кластер, сфумато, Сангрил, витрувиальный человек, последовательность Фибоначчи, Хиерос Гамос, Бафомет, божественная пропорция и т.д. и т.п. Да! Не нужна Тебе эта книга. Нет – тогда читай. Книга содержит массу поразительно интересных сведений о криптологии-криптографии, шифровальном деле, дешифровке сакральных текстов, биографических сведений о выдающихся деятелях культуры. В предисловии автор совершенно справедливо отмечает: «В книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов» (С. 7). Голая правда! Помимо прочего, книга еще, и точнейший топографический справочник Парижа и строгое изложение истории протомасонских организаций, в частности ордена Тамплиеров. Тамплиеры, как это ни покажется странным, «разработали концепцию современного банковского дела» (С. 417). Поразительные страницы писатель уделил трансформации и умалению женского начала в... В конце концов он приходит к парадоксальному выводу: Святой Грааль – это... (С. 287).

Разумеется, одновременно это – криминальный и приключенческий роман о столкновениях главного героя профессора религиозной символики Роберта Лэнгдона и его верной помощницы шифровальщицы Софии Невё с негодяями из французской полиции, католической организации «Опус Деи» и таинственным, зловещим и могущественным Учителем, который на поверку оказывается...

Дэн Браун сейчас пишет продолжение романа (с тем же главным героем; в новой книге пойдет разговор о масонах). По рангу и стилю «Код Да Винчи» можно сопоставить, пожалуй, с романами Умберто Эко (высочайший ранг и стиль) «Имя Розы» и «Маятник Фуко» (интеллектуальными сверхбестселлерами истекшего столетия).

Три слова о переводе. Книга переведена хорошо. Отмечу лишь две «блошки». В романе упоминается **пентакл** (твердый «л»), т.е. пятиконечная звезда-пентаграмма. Между тем в русском оккультном затрапезном обиходе всегда употребляется термин **«пентаклЬ»**. В романе идет речь об иерусалимском короле **Годфруа де Буйоне**. Между тем любой семиклассник, изучивший историю Средних веков, знает, что по-русски сей дяденька именуется **Готфридом Бульонским** (1060-1100 гг.). Укажу еще на одну комичную «фишку»: ни автор, ни критики, ни переводчики не обратили внимание на то, что пулевое отверстие одного и того же выстрела полиция находит на потолке (С. 336) и в полу (С. 358).

Кодом к роману «Код да Винчи» является следующая шифрограмма, превосходно сымпровизированная в русском переводе:

13-3-2-21-1-1-8-5

На вид идола родич!

О мина зла!

Что это, о чем это? – молчок.

Писатель приоткрывает занавеску исповедальни в новей-

шем интервью, где признается, что источник романа коренится в «полотнах Леонардо да Винчи, перенасыщенных мистическим символизмом, странными аномалиями и шифрами... Историки искусства подтверждают, что картины да Винчи содержат скрытые уровни значений. Если докопаться до них, может открыться ключ к великой тайне, тайне, которую тщательно охраняет секретное братство, членом которого был сам художник» (Сулькин О. Кодовое слово // 24 часа. 2005, № 22 (831). 2 июня. С. 16). «Код да Винчи» – пространная история тайного общества «Приорат Сиона», в течение 2000 лет хранившего тайну тайн. «Великими мастерами Приората побывали в свое время Леонардо да Винчи, сэр Исаак Ньютон, Виктор Гюго и уже относительно недавно – Жан Кокто, знаменитейший парижский писатель, художник и театральный деятель (С. 250). Последним главой тайного общества был дед героини романа Софии Невё, Жак Соньер, убийство которого и послужило...

Материалы к этому перенасыщенному интеллектуальным хмелем роману Браун собирал в Испании, во Франции и секретных архивах Ватикана, где ему разрешили по недомыслию работать, и больше на порог не пустят. Книга официально запрещена Римским Престолом (не просто раскритикована и отвергнута). «Код Да Винчи» официально осужден и Русской Православной Церковью. Читатель возопит: мол, инквизиция в XXI веке. Все не так просто. Дэн Браун покусился на «святая святых», он попытался взорвать фунда-

мент фундаментального христианства, осуществив «священную интервенцию» (слова Брауна, пусть и сказанные по другому поводу).

Все русскоязычные критики (негодники) раскрывают эзотерическую проблематику-интригу романа во второй фразе. Это нечестно по отношению к читающей публике (зачем читать книгу, если ВСЁ сразу известно). Я ограничусь некоторыми намеками. В основе осуществленного замысла Брауна лежит древнее еретическое арианское учение (по имени основателя, священника Ария (IV век н.э.), согласно которому Иисус Христос не истинный Бог, единосущный Отцу и Духу Святому, а... (купи роман, друг мой читатель), да и в словарик (поисковую машину) заглянуть не вредно. Дэн Браун, опираясь на дешифровку скрытых смыслов картин, рисунков и рукописных кодексов Леонардо, утверждает, что Христос и Мария Магдалина... Что первая французская королевская династия Меровингов (V-VIII вв.) восходит к... Можно сказать, еще и так: концепция романа сходна с концепцией фильма Мартина Скорсезе «Последнее искушение Иисуса Христа». Демонстрация этого фильма в разных странах (включая Россию) вызывала яростное возмущение, включая погромы кинотеатров, сторонников ортодоксальных ветвей христианства (католиков и православных).

С фундаменталистской точки зрения триллер Дэна Брауна глубоко кощунствен. Ну, как «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. В основе булгаковского романа лежит вне-

церковная равновесная дихотомия (скажем на простецком языке) Бога и сатаны, света и тьмы, добра и зла, что с ортодоксальной точки зрения является богохульством и бесодержанием. У Брауна «Иисус Христос был исторической фигурой, обладавшей огромным влиянием. Возможно, это самый загадочный и харизматический лидер, которого видел мир» (С. 280). Т.е. Христос был человеком, великим человеком, благодетелем человечества, но не Богочеловеком. Здесь пропасть между христианством и фосфоресцирующим умствованием, которую преодолеть нельзя.

В новом столетии начинает «проклевываться» новая литературная тенденция: в одном и том же литературном произведении уживаются высокое и низкое, сакральное и профанное, интеллектуальное и площадное, ученый трактат и полицейская хроника. Возникает некий новый жанр: КНИГА для ВСЕХ. Блестящим образчиком этого своеобразного «пост-арт-нуво» и является «Код да Винчи». И в русской литературе есть такой автор. Правильно: Борис Акунин.

6 июня 2005.

Точка обмана, или Точка обмена

Волна славы, подхватившая американца Дэна Брауна, с гулом накатила на весь «цивилизованный мир». Его сверхбестселлер «Код да Винчи» (2003 г.) читают все, восторгаясь, превознося автора или понося его последними словами (из зависти, разумеется). В нашей газете была опубликована моя заметка об этой книге.

Роман «Точка обмана» вышел в Америке в 2001 г. Итак: **Дэн Браун. Точка обмана. Перевод с английского Т.О. Синой. М.: Издательство «Аст», 2005. 508 С. Тираж 20 000 экземпляров.**

Книга принадлежит к новому (вернее, новаторскому) жанру, который я хотел бы «окрестить» так: интеллектуально-развлекательный роман. Родоначальником этого жанра я считаю итальянского писателя Умберто Эко, чьи романы «Имя Розы» и «Маятник Фуко» (в особенности) стали мировыми бестселлерами.

Почему интеллектуальный? На первый взгляд потому, что в этом увесистом томе автор между делом, отнюдь не навязчиво сообщает читателю массу занимательных сведений, которые не почерпнешь из газеты, к примеру, по гляциологии, океанографии, петрологии, зоологии, биологии, новейших видах всевозможных вооружений, убийств, не оставляющих следов-улик, и т.д. Читатель, знаешь такие термины:

полиэдра, субдукция, хондра, панспермия, синопсис, мегаплюм? Нет! Так узнаешь из книги. А что означает «Арктика» и «Антарктика»? Нет! См. с. 202! В сюжете романа ключевую роль играет некий «люминесцентный планктон». Ей-Богу!

Интеллектуальным (в самом высоком смысле слова) творение Дэна Брауна еще можно назвать и по той причине, что автор придумал хитроумнейший, тщательно продуманный, эlegantный и парадоксальный сюжет, который в конце книги переворачивается с ног на голову, изумляя благодарного (или неблагодарного) читателя. В конструировании головоломного сюжета автор неукоснительно следует собственной формуле: «В случае если существует много объяснений какой-то проблемы, правильным обычно оказывается простейшее» (С. 178). Выражаясь простецким языком, это модификация-подвид прославленной «бритвы Оккама». Кстати, книга отличается изощренным психологизмом, что совершенно не свойственно чисто «развлекательной» литературе. Неким шифром-кодом к роману являются загадочные до поры-до времени слова «Они знают»...

А почему роман развлекательный? Так в нем есть любовь, погони, перестрелки, политические убийства, специально выделанные ходульные сюжетные ходы и т.д. А еще «Точка обмана» – серьезный политический триллер.

Любимая забава сегодняшних критиков (любых: литературных, театральных, «киношных») – в первом же абзаце

раскрывать сюжет (романа, кинофильма, телесериала, пьесы). Всё! Читатель все узнает и ему испоганено наслаждение-удовольствие от сладостной встречи с тем или иным артефактом (так скажем). Я ни в коем случае не принадлежу к этой славной когорте-тусовке.

В основе сюжета «Точки обмана» лежит беспрецедентная в мировой истории провокация, осуществленная ... спецслужбой в целях любой ценой сохранить власть президента США, опасаящегося, что его не переизберут на второй срок. Сам президент в финале романа...

На американском севере при помощи спутника якобы найден большой ... с явными отпечатками некоего..., что свидетельствует о том, что жизнь на Земле возникла... Грандиозная и тщательно осуществленная провокация влечет за собой не предусмотренный «кукловодами» кровавый шлейф убийств. Невинными жертвами «космических провокаторов» становятся... Гигантская «машина»... разведки, все ее техническое могущество, в том числе засекреченные командос из спецотряда, обрушивается на разведчицу-аналитика Рейчел Секстон и популярного телеведущего, специалиста по... Майкла Толланда, потому что они... Подвид американской мечты: люди (как люди) вступают в смертельную схватку с государственным Молохом и...

Помимо баснословных походов-испытаний героев, внимание читателя очень скоро захватывает центральная тема романа: власть как феномен и все проявления этого фено-

мена. «Точка обмана» (кроме всего прочего) – книга о власти, о ее вожденной опасности (и для ее носителей, и для «пасомых»), о ее мистической привлекательности, о горячей крови невинных людей, которую проливают ее охранители зачастую во имя лживых и преступных целей, разумеется, объясняя свою жестокость высшими целями и благом общества. Автор приводит латинское изречение: «Жертвуй некоторыми ради спасения многих» (С. 468). Мудрые и справедливые, на поверхностный взгляд, слова на самом деле – индульгенция для политиканствующих гангстеров-манипуляторов телами и душами человеческими. Обо всем этом Дэн Браун повествует умно, тонко, исключительно интересно, сочно, вкусно, ядрено (текст аж на зубах скрипит). Естественно, писатель затрагивает и грозную проблему цинизма «властей предержажших». Краткий афоризм Дэна Брауна: «Цинизм власти убивает страну» (С. 454). Читатель, ЭТО ни о чем (либо ничего) тебе не напоминает?

О нравах, царящих в «коридорах» и официальных «залах» власти, о подковерных войнах в Белом доме и официальных офисах автор пишет с глубоким знанием и тонким пониманием-истолкованием дела. Особую роль в романе играет раскрытие-разоблачение грязных предвыборных технологий, бесстыжего «черного пиара», безвозвратно губящего людей. В России не за горами новые, разномастные по масштабу и калибру выборы. Не только специалистам по «связям с общественностью», но и самому широкому читателю

будет чрезвычайно интересно узнать: как ЭТО делается, какие преступные махинации идут в ход для того, чтобы победил «свой» кандидат. Разумеется, автор раскрывает и каналы, по которым идет «черное» финансирование избирательных кампаний. У НИХ все, как в России-Матушке (впрочем, у НАС все, возможно, подлее и гаже). Дэн Браун хладнокровно констатирует: «Все технологии, описанные в романе, существуют и применяются на самом деле» (С. 6).

Книга Дэна Брауна – «многофигурна». В числе ее персонажей: президент США Закери Харни, «глава ... службы Уильям Пикеринг, администратор ... Лоуренс Экстром, сенатор Седжвик Секстон (отец главной героини), вознамерившийся ... президента, некий хладнокровный убийца – «контролер», на самом деле ... Все эти люди находятся в состоянии перманентной войны друг с другом. Это распространяется и на их «вассалов». В романе подробно воссоздана «умственная дуэль», которую (явно и прикровенно) ведут между собой Марджори Тенч (помощница президента) и Гэбриэл Эш (помощница Секстона). В неблагоприятных целях прямого обмана людей Марджори использует прием «перенос по ассоциации», заключающийся в... Не скажу! Масло в огонь этой политической войны «всех против всех», естественно, подливают средства массовой информации (в книге воссоздан колоритный образ телевизионной «волчицы» Иоланды Коул).

Привлекает внимание суждение Дэна Брауна о методах

политической борьбы: «Стратегия, известная в Вашингтоне под названием “высоко-низко”, была украдена у теоретиков ведения военных действий. Суть ее проста: противника надо заставить сражаться сразу на двух фронтах... Отражение политической атаки требует логики, в то время как отражение атаки на личность требует страсти. Противостоять же тому и другому одновременно оказывается невозможным, поскольку в этом случае необходима невероятная скоординированность действий» (С. 221).

Вот такая книга: захватывающая, интригующая, простая и сложная (в метро не считаешь) и... честная. Эпиграфом к роману могло бы послужить стародавнее присловье настоящих «янки»: «Говори правду, и будь что будет!» (С. 149).

Читатель спросит: почему в заголовке «Точка **обмена**». Все очень просто: в романе Дэн Браун по чрезвычайно выгодному курсу обменивает свой беллетристический дар на щедрую благосклонность читателя...

23 августа 2005. Петергоф.

Волос Венеры, или Роман о...

Михаил Шишкин. Венерин Волос.

Роман. М., Издательство «Вагриус»,

2005. 480 С. Тираж 5000 экз.

Третий роман Михаила Шишкина удостоен в этом году престижной литературной премии «Национальный бестселлер». Несколько слов об авторе. Писатель родился в Москве в 1961 г., окончил романо-германское отделение педагогического ВУЗа, работал учителем, дорожным рабочим-асфальтоукладчиком, занимался журналистикой и т.д. Отменная биография для литератора. Последнее десятилетие прожил в уютном Цюрихе. Известность М.Шишкину принес первый роман «Всех ожидает одна ночь», а вторая книга «Взятие Измаила» в 2000 г. получила две литературные премии: «Глобус» и русский «Букер». Писатель за несколько лет проделал трудный путь от известности к славе (пусть пока еще среди профессионалов), смею думать, что и широкому читателю сложнейшая и элегантно решаемая проблематика творчества Шишкина придется по сердцу.

Роман о... А, действительно, о чем увесистый том? Да все о том же! Большая (очень большая) литература представляет собой, как полагают многие «авторитетные» люди, единый, внутренне непротиворечивый, трехтысячелетний текст о «человеке, любви и смерти» (З.Н.Гиппиус). Думает о них

Бог. Вся писаную и устную литературу можно трактовать как «вечно возвращающуюся» мысль Бога или дьявола о «Том же Самом» (Ницше). Вот и книгу Шишкина можно истолковать как новаторский, вольный, густой, как сургуч, богословский трактат. В начале прошлого века в России на краткие годы процвело, а после революции каленым железом было выжжено философско-литературное направление – Богоискательство. А в литературе начавшегося третьего тысячелетия чуть слышно, робко зарождается «Богонаходительство» (великолепная словесная находка Виктора Пелевина). В «Венеринном волосе» Творцом всего сущего, пантократором, демиургом является «старослужащий Серый» и Толмач – истинный пророк его. Бог во всем и все в Боге. «Божья мысль о реке есть сама река» (С. 25). В семи словах выражена главная тема романа. Книгу хочется цитировать безостановочно: «К безверию нужно прийти самому, а русским безверие достается даром, поэтому его не ценят, а ценят веру» (С. 427).

Писатель невероятно умен и культурен, как Пелевин, но они – антиподы: Пелевин парит под солнцем восточной эсотики, Шишкин – кружит в лунном свете восточного христианства. Разумеется, между писателем – «Богонаходителем» и ортодоксальным православием зияет непреодолимая бездна. Мир модифицируется, люди меняются, надеюсь, что когда-нибудь она будет преодолена («Золотой век» Достоевского – не в прошлом, а в будущем).

В книге нет деления на части и главы. Она представляет собой некий ручеек сознания, который, журча, звенит по камушкам, разливается в плоские озера, наращивает мощь, превращается в холодную, с глубокими омутами и неожиданными мелями реку, которая покорно впадает в океан чистого духа (так скажем). О сюжете, как всегда, коротко и целомудренно.

Толмач – главный герой романа – в реальности служит переводчиком с русского в швейцарской миграционной службе, а в сверхреальности он – многолик, как Протей. В романе немало страниц уделено великой любви Толмача к Изольде, потерявшей своего первого возлюбленного Тристана, которая любит-ненавидит героя, страдая от... Простая житейская обыденная ситуация, вечная, как китайская Поднебесная.

Книга содержит множество скрытых цитат из древних книг, истории персов, эллинов, римлян, письменной мифологии тунгусов и орочей (пугающее и притягивающее «Млыво»; что это? Не скажу! Вот он – постмодернизм: кушать подано).

Итак, в *таинственном* романе Михаила Шишкина «Венерин волос» идет задушевный, негромкий диалог автора с читателем о Боге и любви, о якобы не поддающейся осмыслению никчемности и случайности жизни, ее запутанности в извилах, тенетах и сетях. На самом деле *любая* жизнь в *любом* изводе судьбы незатейлива и конкретна, как штык. Про-

сто продуцировать ее дано только Провидению и художнику, воссоздающему в своем творчестве жизни и судьбы героев.

Сотня страниц в книге отведена великолепному описанию Вечного Города – Рима, некогда столицы вселенской империи, а ныне всемирному туристическому аттракциону. Автор безмерно влюблен в великий Город, его римские зарисовки не только топографически точны, но окрашены в тона пронзительной грусти и изящной элегичности: Рим – вечен, мы – нет. Город (если честно, в мире есть один Город – «Рим Великий») вдохновлял многих русских писателей. Прекрасные страницы о нем оставили писатели от Гоголя до Блока. У нашего автора – свой Рим, другой, перетекающий из века в век, уставший, истончающийся и равнодушный. Вот в таких «декорациях» в романе идет вставная пьеса о любви-ненависти главных героев – Толмача и Изольды.

Пора сказать, почему роман называется «Венерин волос». Все чрезвычайно просто. В эпилоге Шишкин поясняет: римские развалины увиты «богом легким и курчавым... У нас – комнатное растение.., а здесь сорняк. Так вот, это на мертвом языке, обозначающем живое, – *Adiantum capillus veneris*. Травка-муравка из рода адиантум. Венерин волос. Бог жизни... Трава трав. Росла здесь до Вечного Города и буду расти после» (С. 473). «Бог жизни», но ни в коем случае не человеческой. Мрачный символ. «Жизнь – это струна, а смерть – это воздух. Без воздуха струна не может звучать» (С. 143). И еще о смерти: «Страшно ведь не то, что жизнь кончится,

а то, что она может больше никогда снова не начаться» (С. 45). Финальная строка романа: «Где вы? Идите за мной! Я покажу вам травку-муравку!» (С. 478).

В романе «Венерин волос» есть и «вставной роман»: дневники певицы Изабеллы, прожившей сто лет и умершей, не знаю, какое слово подобрать, «раблезианской» – карнавальной смертью. В конце романа ее кончина несказанно преобразуется (молчок). Читайте сами. Конечно, читатель сразу вспомнит непревзойденную исполнительницу романсов Изабеллу Даниловну Юрьеву (1899-1999). Эти «дневники» настолько информативны, что некоторые критики упрекнули писателя в заимствовании подлинных записей певицы. Чушь собачья: она не оставила дневников. Михаил Шишкин сказал в интервью: «От нее ничего не осталось, и я даю ей жизнь, я ей говорю, как Лазарю: “Иди вон”. Я показываю, что Бог может воскресить нас, используя слово, потому что этот мир был создан словом и словом воскреснем – это эпиграф к моему тексту». С недоброй иронией автор утверждает: «Женщины бывают трех типов: кухарки, гувернантки и принцессы» (С. 198). Намеренно незамысловато, но дельно. От себя прибавлю, что еще бывают кухарки-суки, гувернантки-суки и принцессы-суки.

Дневники отменно стилизованы: интеллектуальный быт Ростова-на-Дону во время Империалистической и Гражданской войн, Москвы и Парижа двадцатых годов воссоздан с убедительной и пугающей точностью. Как специалист по

старой России смею утверждать, что в своих разысканиях Шишкин опирался не только на свидетельства очевидцев, возможно, полученные в детстве, но на архивные документы и, главное, на ростовские белогвардейские газеты (полный комплект до пожара хранился в питерской Библиотеке Академии наук).

Автор мастерски моделирует, перевоплощаясь, как актер театра Кабуки, в барышню-женщину, дамскую (в самом высоком смысле) психику, пленительную, невинную, очаровательную, эгоистическую, никак не осознаваемую, неумную жестокость героини, которая, как паучиха, пожирает своих «самцов». Певица проходит через десятилетия, тяготы, испытания с наивным девизом-рефреном: «Жизнь становится лучше».

Вот такая книга. Есть в ней смешные неточности. К примеру, в «белый» Ростов приезжает на гастроли МХАТ (неверная аббревиатура; никакого «а» быть не должно: Московский Художественный театр (МХТ); «академический» придумали «товарищи» много позже) (С. 302). Или еще: «... раньше хотели упрощаться, уходить в народ» (С. 337). Здесь нужен насыщенный смысловыми обертонами глагол «опрощаться» (опрощение Льва Толстого).

И последнее. Роман написан стилистически безупречно, автор – новатор-языкотворец. Язык книги – выдающееся достижение автора. Новейшая русская литература давно оплакана и похоронена критиками всех мастей-направ-

лений: мол, советская литература была «доброй» и «человечной», а нынешняя – злая и бесчеловечная. Вранье это все: литература может быть или хорошей, или плохой. Третьего не дано. В литературном языке происходят тектонические сдвиги, подсознательные языковые, речевые вулканы производят мощные словесные выбросы в океан художественной прозы. Литературный язык медленно и неотвратимо изменяется. Новаторство таких прозаиков-речетворцев, как Т.Толстая, В.Пелевин, В.Сорокин, П.Крусанов, М.Шишкин, победоносно и неоспоримо (только мелкие завистники-дилетанты могут это опровергать). Ох, не люблю я цитировать критиков-братков-сестричек жестокосердия. Однако не удержусь. М.Кучерская совершенно справедливо констатирует: « "Венерин волос" – великий роман о речи и языке, который в руках мастера мягок и послушен, как глина, творит любую реальность, всегда более оглушительную и достоверную, чем то, что происходило на самом деле». Dixi!

Василий Пригодич.

8 сентября 2005 г. Петергоф.

Послесловие к роману

С неким трепетом приступаю к этой работе: предисловия писал не раз и не два, а послесловие – впервые. Очерчу свое частное мнение по частной проблеме: **роман Надежды Муравьевой «Майя»**.

Я не играю с читателем в вербальные «кошки-мышки», не напускаю «критического» тумана-дурмана, посему скажу прямо и честно: пленительная, тонкая, изысканная, изящная книга. Вот она: правда-матушка. Все остальное – арабески-завитушки на полях романа.

Несколько слов об авторе. Это первая книга Надежды Муравьевой – писательницы, известной публике пока по опубликованным в периодике рассказам и стихотворениям. Надежда – филолог, переводчик с английского и испанского языков, член Союза журналистов, очень молода. И слава Богу. Это, увы, проходит. Она «ведет» полосу в приложении «Exlibris» («Независимая газета»).

О чем роман? Главная героиня, начинающая поэтесса, получает от покровителя-поэта псевдоним «Майя Неми». Майя – в ведийской философии олицетворяет великую иллюзию, оптический обман, морок, сон наяву, ложный внешний покров вещей и событий, в которых погружены ослепленные призрачностью мира и мира человек и человечество. Через столетия в индийской мифологии Майя станет пер-

сонификацией божественной женщины, «Прекрасной Дамы» (Блок). По словам писательницы, «Майя – божественный танец и творческая свобода, Майя – обман и великая мистификация мироздания». Отменно сказано.

Герои романа вполне могли бы возопить:

Я – полутруп живой и тленный.

Рассейся, Майи пелена.

Потустороннюю вселенной

Моя душа полонена.

Надежда хорошо знает «фишки» – «мульки» (как теперь принято изъясняться) узорчато умных восточных плутов (в тексте упоминается великий гуру Свами Вивекананда, проповедовавший новое синкретическое вероучение, некий конгломерат-синтез мировых религий). Вот замечательный фрагмент, в котором концентрированно выражена философская проблематика (так скажем) произведения: «Перед нами занавес, а за ним какая-то прекрасная сцена. В занавесе небольшое отверстие, через которое мы можем лишь мельком увидеть то, что находится за ним. Предположим, что это отверстие начинает увеличиваться, и по мере того, как оно растет, все большая часть сцены становится доступной взору, когда же занавес исчезает, мы видим ее всю. Сцена за занавесом – это душа, а занавес между нами и сценой – это майя: пространство – время – причинность. Существует небольшое отверстие, через которое я могу мельком увидеть душу. Когда оно становится больше, моему взору открыва-

ется нечто большее, а когда занавес исчезает полностью, я убеждаюсь, что я и есть душа...». Есть в этом пассаже некая потаенная (осознанная или нет) ирония. Писательница частенько поглядывает на своих героев-марионеток снисходительно (и правильно делает).

Термин "Серебряный век", введенный в оборот (по аналогии с пушкинским – "Золотым веком") на рубеже 1910-1920-х годов философом, историком литературы и общественной мысли, другом Блока, Белого, Есенина, позднее – узником сталинских тюрем и лагерей, критиком и публицистом Р.В.Ивановым-Разумником (1878-1946; умер в вынужденной эмиграции), навечно вошел в историю русской и мировой культуры. Русские символисты ("старшие" и "младшие") явили миру непревзойденные образцы словесного творчества (проза, поэзия, критика, публицистика, литературно-философские трактаты, переводы, писательские письма и т.д.). О том, что такое символизм и кто такие символисты, мне писать до ломоты в висках не хочется. Устал я от них «по жизни» (новый просторечный оборот). Буду краток: эти люди дышали странным воздухом (разреженным и удушливым одномоментно) интеллектуальных и сердечных страстей, эстетических предпочтений, поведенческих театральных кулис, а сценой был весь мир. Сказанное целиком относится и к героям романа «Майя».

Книга Надежды Муравьевой – ранга и стиля рассказов и

повестей Брюсова (это чрезвычайно высокий ранг и стиль).¹⁰ Писательница упоминает «новую прозу» лидера московских символистов. Брюсов же (его имя щедро рассыпано по страницам) является предтечей-прообразом главного героя – Сигизмунда Ардальоновича. Галахов в романе (помимо прочего) является, скажем на простецком языке, инкарнацией–реинкарнацией – ипостасью древнего «первобога» Януса (римляне всегда первым в молитвах упоминали его имя). Янус – бог времени, всех начал (и начала жизни человека), дверей и путей – часто изображался с двумя лицами, которые смотрят в противоположные стороны. Так вот Брюсов (поэт и «черномаг», по словам Андрея Белого) и Галахов (поэт и революционер-конспиратор-provokator) – двуликие Янусы.

У Брюсова, харизматика, «сотрясателя основ», поэта, прозаика, переводчика, оккультиста – «мага» (он был натуральным практикующим магом в отличие от современных шарлатанов) были две трагические любовные истории: романы с Ниной Петровской (1879-1928; отравилась газом в эмигрантском Париже)¹¹ и Надеждой Львовой (1891-1913;

¹⁰ *Брюсов Валерий. Повести и рассказы. . Валерий Брюсов. Повести и рассказы. Составление, вступительная статья и примечания С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова. М., 1983; М., 1988; Гречишкин С.С. Ранняя проза В.Я.Брюсова // Русская литература, 1980, № 2; Гречишкин С.С. Новеллистика В.Я.Брюсова 1900-х годов (сборник рассказов и драматических сцен "Земная ось") // Русская литература, 1981, № 4;*

¹¹ *Брюсов Валерий. Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004. 776 С. Эта любовная драма запечатлена в сборнике рассказов Н.Петровской «Sanktus Amor» (М., 1908), в романе «Последний спутник» С.Ауслендера (М., 1913) и в*

застрелилась в Москве). Вот в образе Анастасии Лазаревской и контаминированы (на мой взгляд) существенные черты личностей этих незаурядных женщин. Конечно, это всего лишь предположение.

В образе Аси Лазаревской улавливаются неразличение жизни и мифа о жизни, реальности и литературы, роковая страсть, истовая экзальтированность, как у Нины Петровской. С Надеждой Львовой ее роднят возраст и несомненный поэтический дар.

Стихи Аси (Майи Неми) заслуживают особого внимания. Естественно, это рифмованные тексты автора романа. Стихотворения талантливо и безупречно стилизованы Надеждой Муравьевой (в книге упоминаются такие женщины-поэты начала прошлого века, как М.Лохвицкая, З.Гиппиус, Л.Вилькина, Л.Столица, А.Герцык и др.).

В основе интриги романа (я не говорю о его любовной и детективной составляющих) лежит самая известная в истории русской литературы мистификация: вспыхнувшее метеором на небосклоне символистской поэзии (какие-то дамские словечки, простите) загадочное имя загадочной Черубины де Габриак. Это звучное имя – маска-личина-псевдоним Е.И.Дмитриевой (в замужестве – Васильевой; 1887-1928). Создателем этого феномена (авторство стихов Васильевой приписывалось некоей «полуфранцузенке-по-

книге В.Ходасевича «Некрополь. Воспоминания» (Брюссель, 1939; упоминается в романе).

дуиспанке») был Максимилиан Волошин.¹² Именно он всячески модифицировал-пропагандировал стихи таинственной незнакомки. Эта невинная на первый взгляд игра привела к дуэли между Волошиным и Гумилевым (Волошин выстрелил в воздух, Гумилев промахнулся), а главное – переломила жизнь молодой поэтессы, впоследствии так и не оправившейся от скандала-разоблачения... Читатель, вот где сокрыта тайна прелестного образа Аси-Майи... Брюсов не выдавал чужие стихи за свои (в отличие от Галахова), но издал анонимно якобы «дамский» сборник «Стихи Нелли».

Самой драгоценной в романе для меня как специалиста по русской литературе конца XIX–начала XX вв. явилась реставрация-реконструкция московского символистского интеллектуального быта. Все сделано с большим знанием предмета, его пониманием и, я бы сказал, сочувствованием-эмпатией (дивные словечки той поры: «теург», «визионерка», «телефонировал», «кейфовать», «румынский оркестр»; существовавшие в реальности «Литературно-художественный кружок» и «Общество свободной эстетики», топография Москвы начала века, житейские реалии и т.д.). Все точно и правдоподобно. Читатель, роман всенепременно понравился бы протагонистам той эпохи – Брюсову, Белому, Волошину. Такое «воскрешение» баснословной эпохи требует не

¹² См.: *Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Максимилиан Волошин. Рассказ о Черубине де Габриак // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 41-61.

только специфических познаний, но и усердных скрупулезных штудий. Жена Ю.М.Лотмана, блистательный знаток Серебряного века, З.Г.Минц незадолго до смерти сказала, мол, предыдущие поколения ученых (литераторов – добавим от себя) «выбросили» из науки (и литературы) совесть, а нынешнее – «выбросило» труд. Так вот, в романе Надежды Муравьевой много исследовательского писательского труда.

Наша эпоха весьма напоминает Серебряный век: слом сознания, политических, литературных, поведенческих стереотипов, системы ценностей, языка, мировидения, миропонимания. В романе «юноши со взорами горящими» самозабвенно ведут разговоры о России, о народе, о Марксе, о Фрейде, о путях насильственного изменения «режима» (анархисты-коммунисты). Читатель, это ничего Тебе не напоминает, а?

Вот, те «мальчики» «проболтали» небывалую в человеческой истории Российскую Империю. Ее жаль до слез. Помнишь, читатель, хрестоматийную фразу Сони из чеховского «Дяди Вани»: «Мы увидим небо в алмазах». Героиня пьесы, если бы она выжила в трех русских революциях, осталась бы жива в Великой (первой мировой) войне, пережила красный террор, то увидела бы «небо в алмазах» на восьмом десятке жизни сквозь решетку «столыпинского вагона» для заключенных. Мои дедушки-бабушки принадлежали к этой поросли русских людей.

Мое поколение «проболтало» Красную Империю, ушед-

шую на дно, как взорвавшаяся атомная субмарина. Ее не жаль. И сейчас русские мальчики ведут полубредовые, озаренные кровавыми сполохами, разговоры, уповая на мистико-большевистскую утопию. По словам замечательного, безвременно ушедшего питерского поэта Виктора Кривулина: «Это – продолжение горячечного спора, затеянного еще Вл. Соловьевым и подхваченного лагерными дискуссиями на Соловках и Колыме, в русском Берлине, Праге и Париже».¹³

Однако, если «новые» мальчики «проболтают» молодую, больную, но выздоравливающую, наливающуюся соком свободную Россию-Барышню, то случится вселенская (на сей раз) катастрофа, которая утащит в свою «черную дыру» не только мальчиков и дедушек, но все человечество, весь мир. Ох, зря детям достойные дяденьки рассказывают жестокие сказки о «левом повороте», ох, зря...

В чудесном романе Надежды Муравьевой есть чудесные неточности. К примеру, убийство Столыпина произошло за год до описываемых в книге событий, а смерть Эмиля Верхарна, гениального бельгийского поэта, учителя Брюсова – спустя четыре года; журналы «Весы» и «Золотое руно» уже не выходили; молодой поэт никак на журнальные гонорары не мог купить квартиру в Москве (просто-напросто мало платили; по-настоящему большие деньги (1000 рублей за печатный лист) получали прозаики Горький, Леонид Андре-

¹³ Кривулин В. Келья, книга и вселенная // Арион. Журнал поэзии. № 3. 1994. С. 53.

ев и Сологуб). Смею думать, плутовка-писательница сделала эти «ошибочки» специально, чтобы дурачить литературных дедушек.

Отмечу еще интереснейшую игру с фамилиями персонажей. Лазаревский, Муромцев, Поляков и др. – подлинные фамилии активных персон той незабвенной эпохи.

И последнее. Вопреки коммунистическим безумствам, тюрьмам, расстрелам, чудовищному прессингу гуманитарии сумели сохранить культуру. Когда-то я писал: «Древняя Русь, история античности, всего древнего мира, история западных философии и искусства, изучение Серебряного века (в первую очередь) – это были добротные «убежища» от советской власти со всеми ее неопикуемыми и очень опасными прибабасами». Не стало советской власти, не стало, как мне казалось (и не только мне), и гуманитаристики. Вместе с Красной Империей, как я думал, ушла под воду великая русская гуманитарная культура. (Вообще-то произносить смазливые слова (Набоков) «культура», «духовность» следует с чрезвычайной осторожностью, чтобы не «рассыропиться», как говаривал Базаров). Еще недавно представлялось, что «катакомбные светы» (Брюсов) передать НЕКОМУ. Неправда, мы передали культуру в хорошие, добрые руки. Это я о книге Надежды Муравьевой «Майя». Ее первый роман – не первый «блин», который, как известно... Душевно желаю молодой писательнице милостей Аполлона и козы Амалфеи... Прекрасная книга, обворожительная, с тон-

чайшей стилистикой, проникновенным психологизмом, веренным вкусом. Это не «дамский или барышнинский» роман, а... РОМАН... Dixi.

14 сентября 2005 г.

Старый Мститель, или Новый граф Монтекристо

Фредерик Форсайт.

Мститель.

Роман. Перевод с английского

В.Вебера. М., Издательство «Эксмо».

2007. 384 С. Доп. тираж 5100 экз.

Читатель, любишь детективы и политические триллеры? Да? Замечательно! Нет? Не верю. Не слушай тех, друг мой высокий, кто говорит: читать ТАКОЕ – низко. Неправда это. Такие советчики или высоколобые дураки (таких пруд пруди), или самоутверждающиеся лгуны (таких еще больше).

Поговорим о последнем (2003 г.) романе англичанина Фредерика Форсайта, только что вышедшем в русском переводе. Как всегда, несколько фраз об авторе. Писатель родился 25 августа 1938 г. в г. Эшфорд (графство Кент). Высшее образование получил в университете Гранады (Испания). Несколько лет был пилотом Королевских военно-воздушных сил. В молодые годы Форсайт работал корреспондентом различных информационных агентств и периодических изданий. В 1967 г. имя Форсайта становится известным публике в разных странах: он освещает войну между Нигерией и Биафрой, находясь в самой гуще событий.

В 1971 г. он выпускает свой первый роман «День шакала», получивший воистину мировую славу, признанный лучшим политическим триллером «всех эпох и народов». Трудно поверить, но роман стал учебником в Академии КГБ: нелегальные методы работы, тайное пересечение границ, приобретение фальшивых документов и т.д. Писатель по сей день гордится этим. В середине 1970-х первые главы романа были опубликованы в таджикском «русскоязычном» журнале «Памир». Публикацию последующих частей жестко запретила московская цензура (пресловутый Главлит). Люди читали роман в оригинале и пересказывали тем, кто не владел английским. Я тогда служил в Пушкинском Доме и отлично все помню. Кстати, такая же история приключилась с «Улиткой на склоне» братьев Стругацких (журнальная публикация была резко остановлена).

Позднее вышли такие мировые бестселлеры Форсайта, как «Псы войны», «Кулак Аллаха», «Икона» и другие. Все книги «английского затворника» захватывающе интересны. Оторваться от любой из них, по-моему, выше читательских сил. В конце 1990-х годов в России вышло четырехтомное собрание сочинений писателя.

Приоткрою занавеску исповедальни: кое-что о сюжете. Герой Вьетнамской войны (в романе приводятся поразительные сведения, о рукопашных боевых действиях, специально обученных американских «тоннельных крыс» с вьетконговцами в подземных пещерах) Келвин Декстер в результате...

теряет дочь и жену. Он – великий воин, получивший великолепную подготовку. Канадский магнат Стив Эдмонт, боевой летчик в годы Второй мировой войны, теряет садически убитого ... внука. Он стар, потому нанимает Декстера (тот сам рвется в бой), чтобы отомстить, захватить убийцу и... Сюжет сжат, как пружина, и на последней странице... Действие происходит в разных странах и на разных континентах: США, Канада, Вьетнам, Камбоджа, Босния, Хорватия, Панама и др. Главная схватка Декстера и боснийского террориста... происходит в придуманной автором стране: Республика Сан-Мартин (от имени генерала, освободителя Аргентины, Чили и Перу от испанского владычества Хосе де Сан-Мартина (1778-1850)).

В числе персонажей романа – реальные политики: президент Буш, Колин Пауэлл, Кондолиза Райс, бандитствующие сербские боевики и их лидеры, руководители американских спецслужб, продажные латиноамериканские чиновники.

В романе «Мститель» есть «вставной роман». ЦРУ готовит «проект “Сапсан”», направленный на физическое уничтожение в Афганистане главарей... Один сюжет плавно перетекает в другой, и, сливаясь, они прокладывают, к радости читателя, новое русло. В конце концов в результате захвата... хитроумная операция ЦРУ оказывается...

Откуда в заголовке граф Монтекристо? Келвин Декстер (как Эдмон Дантес) яростно мстит врагам, причем не только своим, как герой романа Дюма, но и чужим, совершая част-

ное правосудие-возмездие.

Роман «Мститель» издан в новом тысячелетии и посвящен новым, небывалым по масштабности и жестокости атакам международных террористов на устои и принципы человеческой цивилизации.

В книге также широко освещается и глубоко исследуется политика как предмет и феномен. Особое внимание писатель уделяет чрезвычайно возросшей роли спецслужб в современном мире. Несколько ярких страниц посвящено невероятному усилению могущества американских спецслужб после террористического нападения на Нью-Йорк 11 сентября 2001 г. Клинтон всячески пытался ограничить их полномочия, Буш, наоборот, разрешил им всё, вплоть до тайных убийств людей, причастных к террору. Автор прямо обвиняет экс-президента США в...

Высокопоставленный сотрудник ЦРУ Пол Деверо готовит акцию на территории другой страны. Декстер, который хочет передать в руки правосудия агента.., ему мешает. Их поединок держит читателя в напряжении до финала романа. Как в отменном триллере, все проясняется лишь на последней странице.

Во многих интервью писатель пояснял, что он придумывает сюжеты книг, но все остальные «аксессуары» подлинны. Форсайт встречается с киллерами, изготовителями фальшивых документов, террористами, торговцами оружием, сотрудниками спецслужб и т.д. Кстати, в романе «Мсти-

тель» подробно излагается несложная и совершенно безупречная методика, позволяющая избежать пеленгации мобильного телефона. Помнишь ли Ты, читатель, что президент Ичкерии Джохар Дудаев был убит точно направленной ракетой во время разговора по мобильному телефону, его преемник Аслан Масхадов был обнаружен и убит в селе Толстой-Юрт только потому, что бездумно отправлял SMS-сообщения.

Центральной темой романа я назвал бы террор и терроризм. Читатель, может быть, Ты помнишь нашумевшую на весь мир в последние годы прошлого столетия работу американского политолога Ф.Фукуямы «Конец истории»? Автор утверждал, мол, коммунизм повержен, посему истории в обыденном понимании не будет, западный мир «цивилизует» (мирным путем или насильственным) «отсталые» страны и т.д. Увы, в последние годы старый мир подвергся таким террористическим ударам, что, кажется, «новая» история только начинается, кровавая, жестокая, непредсказуемая. Автор с горечью размышляет о грядущих террористических нападениях.

Форсайт кратко и ясно излагает историю всемирного террора от анархистов в царской России и Ирландской республиканской армии и вплоть до «Аль-Каиды». Его интересует психология террора. Автор приводит мудрые суждения старого разведчика-англичанина о желании многих и многих уничтожить Америку: «Трудящиеся Третьего мира не испы-

тывают к вам ненависти; вас ненавидят псевдоинтеллектуалы»; «Твоя страна для них постоянный упрек. Она богата, а они бедны, сильна, а они слабы, энергична, а они ленивы, стремится к новому, а они цепляются за старое» (С. 287, 288). ЦРУшник хорошо усвоил урок англичанина: «Ненависть всегда шла первой, следом появлялась идея, цель, потом методы ее достижения и, наконец, самооправдание. А ленинские “полезные дурачки” всегда это проглатывают» (С. 286-287). Идеологи терроризма сами не направляют самолеты на цель, не закладывают бомбы, не взрывают себя и ни в чем неповинных обывателей; все эти ужасы они с радостью видят по телевизору. Их абсолютно не интересуют проблемы палестинцев, да и вообще чьи-либо, помимо собственных. Их цель: тотальное устрашение всех и вся. Писатель прямо говорит о том, что будущих международных террористов, потратив огромные средства, выкормили США и ЦРУ. Люди, которые кормились из их рук, после поражения СССР в афганской войне и падения коммунизма, повернули оружие против своих бывших «патронов», нацелившись на западную цивилизацию и христианство (С. 244-246).

Террористы, по мнению Форсайта, подразделяются на пять категорий: «К высшей относятся теоретики, которые обосновывают, планируют, вдохновляют террористический акт. Следующими идут уполномоченные, практики, без которых не сработают никакие планы. Они занимаются поиском исполнителей, их подготовкой, аккумулируют финансо-

вые средства, закупают все необходимое. Третья категория – исполнители... Четвертая – активные сообщники, которые выводят киллеров на цель... А в самом низу – народная толпа, тупая, глупая, салютующая тирану, восхваляющая убийц» (С. 254-255).

Вот такая книга, заставляющая читателя не только следить за сюжетными перипетиями, но и думать, думать, думать и о себе, и о мире, в котором мы все обретаемся. Враг незрим, но он везде.

21 сентября 2005 г. Петергоф.

Скальд Скалдин, или Воскрешение Лазаря

А.Д. Скалдин.

Стихи. Проза. Статьи.

Материалы к биографии.

Составление, подготовка

текста, вступительная статья

и комментарии Т.С.Царьковой.

СПб. Издательство Ивана Лимбаха.

2004. 528 С. Тираж 2000 экз.

Читатель, потолкуем по-свойски о совершенно изумительной книге. Вышла она год назад, но последние экземпляры тиража еще можно купить в специализированных книжных лавках. Друг мой, Ты, естественно, спросишь: а кто такой Алексей Дмитриевич Скалдин. Вопрос резонный. До выхода этого увесистого тома даже историки литературы конца XIX-начала XX веков имели о Скалдине весьма поверхностное и туманное представление. Отвечаю несколькими фразами: Скалдин – «последний петербургский символист». Его удостаивали своей дружбой Вяч.Иванов, Андрей Белый, Блок, Михаил Кузмин, Гумилев, Есенин и др. С полным основанием его можно назвать «научителем» Андрея Платонова, обэриутов (прежде всего Даниила Хармса). Вот так. Ка-

кие люди жили в Петербурге...

Кратко о жизни Скалдина. Будущий писатель родился 15 октября 1889 г. в семье деревенского плотника. Окончив всего лишь церковно-приходскую школу, путем многолетних упорных штудий он сумел преодолеть «тоску по мировой культуре» (Осип Мандельштам). До революции он жил в Петербурге, упорно «строил» карьеру по страховому делу, достиг важных чинов.

При жизни Скалдин издал две книги: сборник «Стихотворения» (СПБ., 1912) и роман «Странствия и приключения Никодима Старшего» (Пг., 1917). Стихи очень густые, вязкие. Роман, по словам Т.С.Царьковой, «остается неразгаданным и неизученным» (С. 12). Пятнадцать слов о книге. Бежав от красного террора в Саратов, писатель читал там курс лекций «Философия человеческого действия». Уточним: духовного действия и недействия.

Сотни печатных листов сочинений Скалдина исчезли в печах НКВД. Его перу принадлежат стихотворения «Голгофа» и «Крест». Все это сбылось... Три безвинных ареста (1923, 1933; по сфабрикованному делу – участие в «контрреволюционной народнической организации»; последний арест 28 июля 1941 г. – уже война шла – по обвинению в «клевете на граждан» (!!!!!; срок 8 лет). Исследовательница совершенно справедливо предполагает, что свидетельство о смерти писателя в «Карлаге» в июле 1943 г. поддельное, он был расстрелян, как и многие «контрреволюционеры», в первые

месяцы войны...

Книга, о которой мы беседуем, практически полное собрание сочинений Скалдина, перу которого принадлежат очень глубокие рассказы и статьи. В книгу включены дневниковые записи Скалдина и материалы об арестах. Вступительная статья и комментарии – выше похвал. Конечно, такую книгу трудно читать в метро, она требует вдумчивого аналитического чтения и стоит того. Читатель, воспари из низин в горние сферы, не пожалеешь. Не все же время Донцову-Бушкова-Доценко читать.

Татьяна Сергеевна Царькова, доктор филологических наук, зав. Рукописным отделом легендарного Пушкинского Дома, потратила 15 лет жизни на «воскрешение» убитого и забытого Писателя (не одну юбку в архивах до дыр протерла). Это, без преувеличения, научный труд труднический и подвиг подвижнический.

29 сентября 2005 г. Петергоф.

Улица безъязыкая (Маяковский), или Улица говорливая

В 1991 г. произошла, может быть, чуть ли не самая масштабная катастрофа в мировой истории: рухнула Красная Империя, ушла на дно Красная Атлантида. Эти тектонические сдвиги, естественно, повлияли и на обыденный, бытовой, разговорный язык.

Такое уже было после 1917 г. Язык изменился мгновенно. Помнишь ли Ты, читатель, что слово «спекуляция» до революционных событий было философским термином (спекулятивная философия). В обиход прочно вошли слова «бывшие люди», «лишениец», «старорежимный», «контра» и множество других.

В результате «перестройки» люди потеряли идеологические ориентиры. То, что было ужасным, стало прекрасным. К примеру, на родину возвращается прах белого генерала А.И.Деникина (1872-1947), именем которого пугали октябрят-пионеров, да и взрослых. Люди утратили душевный и мыслительный «покой», жестко-принудительно насаждавшийся советской властью: Бога нет, социалистическая демократия – лучшая в мире, КПСС – наш рулевой, мы живем лучше всех на свете и т.д.

И вдруг это все было взорвано. Ушла в прошлое уверен-

ность в себе, в завтрашнем дне. При советах, если ты не писал и не читал «антисоветскую литературу», не зарабатывал много денег, не якшался с иностранцами, жизнь была predetermined навечно: работа, семья, дети, квартира, пенсия, похороны и всё...

Все это миновало, и возникло великое «КАК БЫ». К примеру, повсюду слышится: «Я как бы поступил в университет» (благо, университетов развелось, как блох на моей собаке). Ежели поступил, то причем тут «как бы». Представьте, что в былые годы кто-то вдруг сказал: «Я как бы вступил в КПСС». Улица совсем не «безъязыкая», она говорит-журчит так, что заслушаешься. Вселенское «КАК БЫ» – символ нашего неустойчивого, пузырящегося, наливающегося новым соком нового времени. И я, Читатель, как бы ничего не имею как бы против «КАК БЫ». Мы не управляем языком, язык управляет нами.

Теперь о пресловутом «БЛИН». Это сакральное слово можно услышать буквально на каждом шагу. Я, блин, написал статью о... К чему этот странный эвфемизм – ума не приложу. Куда энергичнее и сочнее звучит дивное слово на букву «б», возлюбленное протопопом Аввакумом, Пушкиным, Есениным, восходящее к протославянскому языку, однокоренное с «блудом».

Что еще бросается в «ухо». Все перестали склонять числительные, включая теле и радио – журналистов. К ДВЕСТИ рублей я прибавил сто и купил... (нужно: к двумстам руб-

лям...). Это слышно на каждом шагу. Читатель, я совсем не ворчу, не воздеваю очи к небесам, не жалуясь на утрату культуры речи. Отнюдь, это скоро станет нормой, как, к примеру, банкнот (было «банкнота»), жАлюзи, договорА и т.д.

Я застал в живых людей, которые говорили на питерском изводе русского литературного языка (есть и московский вариант). Друг «насельников» Серебряного века, академик В.М.Жирмунский говаривал: Английский (ударение на первом слогe), библиОтека. Сейчас это просто смешно.

В Москве и Питере теперь говорят ПРАКТИЧЕСКИ одинаково, а раньше петербуржца и москвича можно было легко дифференцировать по устной речи. В Питере слова «дождь» произносили как «дошь», а в Москве – «дощ». В Питере говорили «булоЧная», а в Москве – «булоШная». У нас говорили «далекИй», «поцЕлуй», в Москве – «далеКай», «поцАлуй». Были фирменные питерские слова, не употреблявшиеся больше нигде в России, к примеру, «булка», «вставочка» (ручка, куда вставлялось стальное перышко). Все эти милые особенности давно раздавлены радио – телевидением. А жаль, очень жаль.

Продолжим разговор о процессах, происходящих в сегодняшней устной речи. В «перестройку» в русский язык хлынул небывалый поток иностранных слов: консенсус, пиарить, лизинг, франчайзинг, промоутер, маркетинг и т.д. К примеру, было дивное советское словечко «кадровичка», теперь сия почтенная должность высокопарно именуется «ме-

неджер по работе с персоналом».

В русском языке нечто подобное произошло при Петре Великом, когда в обиход ворвалось колоссальное количество иностранных заимствований («варваризмов»): технические, научные, морские, бытовые и т.д. термины. Например, слово «галстук» – заимствование из немецкого языка, пришедшее к нам через польский.

Русский язык чрезвычайно пластичен и гибок. В нашем языке чуть ли не четверть слов заимствованы. Это очень хорошо. И все эти новомодные словечки наш язык или выплюнет, или переварит. Знаешь ли Ты, читатель, что в русском языке нет ни одного природного слова со звуком «ф»; все такие слова – заимствованы: фонарь, фокус, фон, фикус, фиоритура и т.д. Я еще встречал людей, которые в соответствии с древними произносительными нормами говаривали: каХВе, конХВета и т.д.

Обращаешь ли Ты внимание, Читатель, на то, что люди сегодня постоянно употребляют слово «короче». Это отнюдь не императивный призыв к сокращению длительности устного повествования: «Я пришел в библиотеку, короче, заказал нужную мне литературу, короче» и т.д. Словечко служит просто-напросто неким разделителем устного высказывания на фрагменты и... после каждого «короче» человек делает вздох. Вот и вся тайна сакральная.

Выше шла речь о великом «КАК БЫ». Но есть еще великое «ТИПА». Это словечко, в свою очередь, фиксирует

некую неуверенность говорящего в оценке своего действия и высказывания: «Я, типа, подошел к тёлке (понятно?) и сказал, типа: “Мадемуазель, типа, осмелюсь пригласить Вас на полонез, типа”».

Давно уже абсолютной нормой, принятой радио – телевидением, стало словосочетание «по жизни». Впервые я услышал его несколько лет назад от одной прелестной молодой дамы: «По жизни Теодор Феофилактович любил собирать грибы» (примерно так). Чайковский по жизни был... Зачем это? Ума не приложу. Разумеется, можно сказать «в жизни» или вообще пропустить это словосочетание. Что поделаться: магия языка, который развивается вне нашего веления-хотения.

Теперь о «матерщине», которую лингвисты стыдливо именуют «обсценной» («табуированной», «ненормативной») лексикой. Недавно найдены в Великом Новгороде берестяные грамоты, свидетельствующие о том, что наши предки «матюкались» будь здоров, не болей, не кашляй. Еще лет десять назад табуированные словечки употреблялись только как прямые и незатейливые ругательства. Высоколобые, пыльным мешком трахнутые интеллектуалы-словесники употребляли эти «маркированные слова», разумеется, не в прямом, оскорбительном значении, а для придания некоей пряности-остроты-эпатажности своим устным эскападам. В наше время обсценная лексика победоносно вошла в обычный, обыденный, бытовой язык. Ныне нежные барышни в

нежных разговорах закручивают такие «трехэтажные» конструкции, что и прапорщик-сверхсрочник зарделся бы, как мак, услышав такое. Грустно, но табуированная лексика в скором будущем станет нормой, как это произошло тридцать лет назад в английском языке. В любом голливудском боевике герои матерятся, как одесские биндюжники, в «дубляже» все это стыдливо маскируется. Вот так!

Несколько лет назад в русский язык пришел великий концептуальный термин «**КОНКРЕТНО, КОНКРЕТНЫЙ**» и т.д. Внятно изъяснить его лексическое значение чрезвычайно трудно, оттенки смысла эфемерны и еле уловимы. Проиллюстрируем. «Конкретный мужик» – чувак, оппозиционер, композитор и т.д. Собеседник понимает, что дяденька, о котором идет речь, не женственный, успешный, самодостаточный, профессионал в своей сфере, уважаемый коллегами (дизайнер или бандит – без разницы). Или еще чудесный пример. Вчера выпили «конкретно», т.е. слушатель понимает, что уж никак не меньше, чем по 800 граммов на душу. И еще. «Конкретная телка», понятно, что имеется в виду барышня «приятная во всех отношениях».

Дорогой читатель, Ты, разумеется, знаешь, что нужно говорить: прецедент, инцидент, констатация. Однако сейчас повсюду (и из телевизора и радиоприемника) слышится: прецеНдент, инциНдент, констаНтация. Все понятно: такое произнесение удобнее для речевого аппарата. С середины 1960 до начала 1970-х я довольно-таки много «баловался»

на Ленинградском телевидении. Так вот, тогда существовали специальные справочники для работников телевидения, где были учтены правильные ударения, сложные случаи спряжения, редкие падежные формы и т.д. Книги эти в продажу не поступали (гриф: «Для служебного пользования»). Кстати, дикторы-ведущие тогда в обязательном порядке имели театральное образование, владели четкой и ясной сценической речью, у них была отменная дикция. За редкие речевые ошибки их наказывали: лишали премии. Они были высочайшими профессионалами. Это было, это прошло, это никогда не вернется. Воспользуюсь случаем и передам привет несравненной (легендарной) телеведущей Раисе Васильевне Байбузенко, которая много раз выводила меня в эфир.

Сейчас стало модным (впрочем, так и всегда было) употреблять всякие «высокие» словечки для придания себе более высокого статуса, веса, самоуважения, что на современном языке именуется «понты кидать». Каждый день слышу: мистичный, романтичный. Правильно говорить так: мистиЧЕСкий, романТИЧЕСкий. Неверное произнесение этих слов опять же объясняется чрезвычайно просто: так легче говорить, редуцируются кажущиеся лишними слоги (и всё).

А теперь про «надеть—одеть, надевать—одевать». Еще совсем недавно (ну, лет 10-15 тому назад) эти глаголы четко дифференцировались. Надеть шляпу, надеть кашне, надеть пальто, надеть бюстгальтер, юбку, шубку, презерватив и т.д., и т.п. Речь идет о том, что этот глагол обращен на «произ-

водителя действия». Он надел свои боевые ордена. Надевать сбрую на коня.

Но! Одеть ребенка, одеть любовницу, как куклу, одевать коня попоной. Максим Горький, имитируя просторечие (позднее это стали называть «сказом»), специально смешивал «надеть—одеть». Эта жесткая норма литературной устной речи давно стала размытой и, если честно, умерла. Ну, и Царствие ей Небесное.

Друг-читатель, надо говорить: чулок (единственное число), нет фильдеперсовых чулок, без чулок, пара чулок (родительный падеж множественного числа). И в то же время: носок (единственное число), нет носков, без носков, пара носков (родительный падеж множественного числа). Впрочем, в переносном значении (и только) можно было сказать: В зале было много синих чулок (т.е. умученных наукой и непомерными познаниями ученых барышень-тетенок). Устная речь неуклонно развивается в направлении упрощения и демократизации. Значит, так надо.

Существуют стили произношения: высокий, нейтральный, разговорный. Такое деление восходит к учению о «трех штилях», обоснованному М.В.Ломоносовым в его «Риторике». Можно сказать иначе: есть высокая, нейтральная и разговорная лексика. Нас интересует, в первую очередь, разговорная манера и лексика. О них ниже.

Подумал я, подумал и вернулся вновь к существенному различию произносительных норм в Питере и Москве. Чи-

татель, как ты произносишь такие обыденные слова, как булоЧная, собаЧник (заводчик псов), яиЧница? Я произношу так, а Ты? Природный москвич непременно произнесет эти слова иначе: булоШная, собаШник, яиШница. Вот это остается пока. И еще. Москвичи «Икают» (ударение на первом слоге), т.е. в разговоре никогда не различают звуки «и» и «е»; в неударной позиции. Примеры: рИБИна, пИТАк, ЙИ-пОнец, мИСнИк». В Питере в данной позиции все-таки чаще произносят звук, близкий к «е»: рЕбина, пЕтак и т.д. Приведу такой пример. Москвич произнесет: девушка мИла (краткое прилагательное) и девушка мИла (т.е. подметала пол, глагол прошедшего времени) совершенно одинаково (звук «и» и все). А питерец произнесет так: девушка мЕла пол. Звуки четко различаются. Вот еще пример: в Москве «нИинтереснА», в Питере «нЕинтереснА». Мы «акаем», т.е. не различаем в неударной позиции звуки «о» и «а» (произносим: кАрова, гАлава, хАрАшо (в отличие от носителей северо-русских говоров, где эти звуки четко различаются).

Есть в современной уличной устной речи презабавные феномены. К примеру, люди говорят: он звОнит (по телефону, в дверь; не звонИт). Почему так? Объяснению не подлежит. Видимо, так удобнее артикулировать. Об ударениях.

В русском языке ударение – динамическое, подвижное, разноместное, т.е. может приходиться на любой слог в слове (в отличие от французского, где ударение всегда приходится на последний слог, и от польского – ударение всегда

на предпоследнем слоге). Русский язык благодаря этому особенно певуч и благозвучен (а уж тем паче русская поэзия). Я хочу сказать о том, что неверное ударение не всегда признак вульгарного просторечия. Есть такое понятие «профессиональное арго» (профессиональный язык, жаргон). К примеру, моряк скажет «рапОрт» (не рАпорт), «компАс» (не кОмпас); физик-химик: формУла (не фОрмула); сотрудник правоохранительных органов непременно скажет: «осУжденный» (не осуждЁнный). Ваш покорный слуга знает, что нужно говорить каталОг, однако, будучи архивной крысой, произносит катАлог (профессиональная привычка).

Русский язык в нашу баснословную эпоху кипит, бурлит, как тесто, прет из квашни. Происходят удивительные процессы. Читатель, обрати внимание: в газетах, по радио и телевидению постоянно, изо дня в день, слышно «позитив» (нечто хорошее) и «негатив» (нечто плохое). Еще совсем недавно это были фотографические термины (фотопроявка). В обиходе употреблялись прилагательные «позитивный» и «негативный».

Кое-что о дивных словечках: «колбасить» («колбаситься») и «плющить». Замечательные словечки из молодежного «сленга», понятные и исключительно экспрессивные и, главное, лексически богатые оттенками значений. Скажу о себе: я «прусь» от Виктора Пелевина, меня от него «колбасит» и «плющит». Думаю, что через годик я буду мастрячить свои заметки в таком языковом «формате». До новых встреч.

Октябрь-ноябрь 2005 г. Петергоф.

Чак Паланик, или Кнут и Пряник .

Чак Паланик. Уцелевший.

Роман. Перевод с английского

Т.Ю.Покидаевой. М., Издательство «Аст».

Серия «Альтернатива». 2005. 315 С. Тираж 5000 экз.

Читатель, поговорим о романе «культового» (как теперь принято изъясняться) американского писателя, «короля контркультурной прозы», как пишут о нем, крупнейшего представителя «альтернативной прозы».

Несколько слов об этих терминах, которые многие считают ответвлениями пресловутого постмодернизма. Мол, в произведениях Чака Паланика читатель подвергается писательской агрессии, в них нет некоего тоталитарного «послания», что характерно для классической литературы. Чушь это все собачья. На постмодернизме во всех его изводах лихие люди «срубили» лихие «зеленые» деньги. Нехорошо дурить доверчивых читателей.

В «Уцелевшем» – обратная нумерация глав и страниц (т.е. книга начинается с 47 главы и 315 страницы). Ну, ясное дело, «критики толстопузые» (Пушкин) сразу усмотрели в этой изящной литературной игре признаки «контркультурности» и «альтернативности». На самом деле бывает хорошая и очень хорошая литература, а все остальное – макулатура.

Как всегда, несколько фраз об авторе. Чак Паланик родился 21 февраля 1962 г. в городе Портленде (штат Орегон), где проживает и по сей день. В его жилах течет французская и украинская кровь. Правильнее было бы транскрибировать его фамилию по-русски: ПАЛАНЮК. Во всех анкетах писатель почему-то указывает, что его рост равен 180 см, а вес 86 кг. Не худенький! Будущий писатель окончил факультет журналистики Орегонского университета. Писать стал поздно, после тридцати годочков. В 1994 г., работая механиком-дизелистом, написал первый роман «Невидимки», который был отвергнут всеми издателями. Паланик разгневался и написал роман «Бойцовский клуб», ставший мировым бестселлером. Одноименный фильм Дэвида Фингера, поставленный по этому роману, справедливо считается одной из лучших кинокартин последнего десятилетия минувшего века. Журналисты выдумали (а, может быть, и не выдумали) легенду, что дед писателя застрелил несколько членов своей семьи.

«Уцелевший» – третий роман Паланика (яростный и великолепный, трагический и сатирический). О чем книга? Не просто рассказать, но попробую. Прежде всего, о рае и аде! Пожалуй, так! Серьезные мистики-визионеры серьезно полагают (точнее, знают), что рай – это не санаторий для партхозактива, а ад – не советский истребительно-трудовой лагерь (как пугают друг-дружку-подружку бывшие комсомолки, а ныне – церковные ревнительницы-охранительницы).

Рай – полное молока и меда, веселое, вечное ощущение-понимание Богоприсутствия всегда и во всем. Ад – трагическое, зудящее и саднящее переживание Богооставленности. Так скажем.

Герои Паланика пакостничают, лгут, убивают, губят себя и других в смутной надежде обрести веру в спасение и искупление, пусть для этого придется отправиться в «Поход в Небеса». В крошечном отчаянии они горестно жаждут, что Господь протянет им пронзенную гвоздем руку, погладит по головке и простит... Ад – внутри них, внутри нас. В этом и коренится горячечный и пульсирующий трагизм книги.

В основе сюжета романа лежит история секты «Церковь Истинной Веры», якобы благостной, а на самом деле... . В общине оставались только сыновья-первенцы, которым специально находили жен. Всех остальных по достижении семнадцати лет принудительно отправляли в мир. Всех «Тендеров» (в переводе: «слуга») и «Бридди» (мужчины и женщины носили одинаковые имена) в общине долго обучали домоводству и этикету. В «людях» они становились домоправителями в семьях богатых людей, однако жалование отсылали домой, т.е. работали десятилетия лишь за еду и постель. Вот он, кнут. А пряник? Увы, пряника нет и не будет в юдоли нашей скорбной. Только на небесах. Финал Церкви Истинной Веры (нет, не скажу)..., оставшиеся вне общины менеджеры-домоправители в течение десяти лет один за другим...

Внимание! Обращаюсь к замужним дамам и холостым дяденькам: книга изобилует чрезвычайно толковыми и абсолютно реальными советами по домоводству: как сделать, чтобы свечи не оплывали, как готовить омаров, чем собирать осколки стекла, как эффективно чистить щели между кафельной плиткой, как уничтожить отеки под глазами и т.д. и т.п. Это новое качество новой литературы: сообщать читателю новые ПРАКТИЧЕСКИЕ сведения из разных сфер. К примеру, Паланик даже рассказывает о том, как безнаказанно, используя кассовые чеки, жульничать в магазинах.

Над людьми, изгнанными из секты, витает какая-то мрачная эротическая тайна. Читатель начинает думать, что их кастрировали. Нет, на самом деле их заставляли...

Главные герои романа: Тендер Бренсон, брат-близнец Адам, который на три минуты его старше, но получивший совсем иную долю по этой причине, и Фертилити (в переводе с английского: «плодородие», «изобилие») Холлис, пророчица, ясновидящая, знающая будущее, суррогатная мать, которая не может... Адам сыграет демоническую, провокационную роль в трагическом финале... Все мужчины-старейшины носили имя Адам, все их жены были Сарами. Тайна секты коренится в том, что они ... своих детей.

Трагические и невероятные, преступные и благородные приключения этой троицы и наполняют «тело» романа. Сюжет изящен, примитивен, прост и сложен одновременно. Сюжет раскрывать я ни в коем случае не намерен, читай и об-

рящешь.

В этой очень не смешной книге чрезвычайно силен сатирический элемент. Паланик просто с ювеналовой, щедринской мощью и злостью обрушивается на религиозную жизнь современной Америки, где конфессия становится торговой корпорацией, приносящей баснословные доходы в результате гнусных манипуляций над душами наивных и доверчивых обывателей. Акт исповедания веры – на стадионах в перерыве спортивного матча, в телевизоре, в коммерческих квазицерковных побрякушках.

Писатель яростно обрушивается (как новый Ницше) на либеральное общество с его обветшалой верой в разум и прогресс, на массовую мещанскую культуру. Многие страницы в этом скорбном романе уморительно ироничны.

Паланик и его герои экзистенциально переживают грядущую смерть и грядущее бессмертие. Они не думают о воздаянии в смутной надежде на недостижимое и непостижимое спасение... «Над кем витал самоубийства обворожительный дымок»... Горячий ветер чаемого и отвергаемого последнего (губительного, смертного) акта человеческой воли, как хамсин, дышит писателю и читателю в лицо, сжигая повествовательную ткань романа.

Книга лупит по голове, как деревянный молоток. Читатель переживает некий эстетический шок (употребим это дамское словечко). По словам Паланика, «весь мир – это несчастье, которое только и ждет, чтобы грянуть» (С. 50).

Вот как он формулирует основную проблему современного общества: «Главный вопрос, который теперь задают себе люди, это не “В чем смысл существования?”... Главный вопрос – это “Откуда эта цитата?”» (С. 118).

Закругляюсь. В Америке сегодня чрезвычайно популярна теория «Разумного Дизайна», которая сводится к тому, что человек и социум настолько сложны, прихотливы, рациональны и иррациональны, что они не могли возникнуть случайно, по невероятной прихоти Природы. Следовательно, есть некий Дизайнер (пусть не Бог, но неведомый Кто – то, источник «креатива»), слепивший-создавший наш прекрасный и ужасный, нежный и грубый, возвышенный и похабный мир. К чему это я? А к тому, что Паланик исповедует и проповедует концепцию «Неразумного Дизайна»: мир невнятен и алогичен, как бред шизофреника.

Но писатель все же лукаво дарит призрачную надежду на... Тендер Бренсон вольно или невольно захватывает самолет и летит в... Кажется, ... его неизбежна, но все же, все же, все же... «Не чувствуй зло. Не смотри на зло. Не слушай зла. Не бойся зла» – таков «мессидж» писателя к читателю (С. 73). Вот такая книга, своеобразная и незабываемая.

12 октября 2005 г. Петергоф.

Романтический шпионаж, или Антиштирлиц. Борис Акунин. Шпионский роман.

М., Издательство «Аст».

Серия «Жанры». 2005. 399 С. Тираж 150000 (сто пятьдесят тысяч) экз.

«Великий и ужасный» Борис Акунин (в такой тональности простодушные критики про него и пишут) предпринял небывалый в русской словесности проект: «Жанры». Автор вознамерился создать некий образцовый «тезаурус» прозаических жанров. Писатель уже издал «Детскую книгу», «Фантастику», вот-вот появятся «Семейная сага», «Производственный роман», «Триллер», «Исторический роман» и т.д. Грандиозные свершения, ей-Богу.

У нас пойдет разговор о «Шпионском романе». Название книги корреспондирует заглавию великого детектива Артура Хейли «Детектив».

Как всегда, несколько слов об авторе (к книгам Акунина мы не раз еще будем обращаться). Григорий Шалвович Чхартишвили, известный читателю как Борис Акунин (в переводе с японского – «плохой человек»), родился 20 мая 1956 г. в Тбилиси, ребенком был увезен в Москву. Окончил

историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки, дипломированный «японист». Много лет проработал заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература». Легендарный («культовый») переводчик с японского. Его переводы замечательных романов Юкио Мисимы признаны образцовыми. Под его редакцией вышла двадцатитомная «Антология японской литературы». Автор глубокого исследования «Писатель и самоубийство» (М., 1999), цикла романов о сыщике Эрасте Фандорине, монахине Пелагии и многих других. Один из самых читаемых и почитаемых авторов в новой России.

Это моя шестая заметка об Акунине. Первые две вызвали отвержение-отторжение у моих коллег, мол, низко, бульварное чтиво и т.д. Теперь они сами захлеб читают его книги. Первый роман Акунина «Азазель» – такого же качества, как и его последние книги. В чем же дело, братики-сестрички? Вы же профессионалы. Это высокая и, главное, поразительно интересная (до головокружения) новая русская литература. Почему занимательность-увлекательность книги – порок, ума не приложу. Много есть великих книг (к примеру, «Петербург» Андрея Белого, «Улисс» Джеймса Джойса, «Волшебная гора» Томаса Манна), которые современный человек прочитать не может (скучно, длинно, да и времени нет). Долгое раздумчивое чтение осталось в далеком прошлом. В этом нет мнимой заслуги радио – телевидения – интернета, но нет и метафизической вины.

Действие романа происходит в Москве, за несколько недель до начала Великой Отечественной войны. Читатель в первых же главах узнает о кровавой схватке, невидимом сражении между немецкой и советской разведкой («Абвер» Канариса и группа «Затея», непосредственно подчиненная Железному Наркому Л.П.Берии). Главные герои романа – старый чекист Октябрьский (такую фамилию он получил за революционные заслуги; его имя и отчество в книге не приводятся, руководитель группы), молодой «наркомвнуделец» Егор Дорин и немецкий агент Вассер.

Читатель, обрати внимание – Дорин. Ну, как не вспомнить Фандорина. Правильно! Егор рассказывает Октябрьскому: «Фамилия у меня по месту рождения, деревня Дорино. Бабушка рассказывала, помещики такие были – Фон Дорены (так!)... Те деревенские, у кого фамилия Дорин, пошли от Сладкого Барина – жил сто лет назад такой помещик, большой охотник до баб» (С. 116). Намек прозрачен. Великий Фандорин обретает бессмертие в своем потомке.

Роман начинается со встречи Гитлера с руководителями Абвера и последующей доверительной беседы Канариса со своим заместителем, сын которого... Для возглавителей немецкой разведки Гитлер «свинья», пусть «гениальная», но презренная «свинья». Для советских контрразведчиков Сталин – богоданный Вождь, окутанный мистическим ореолом, вызывающий одновременно самый искренний религиозный экстаз и животный страх. Почувствуйте разницу, как гово-

рится в пошлой рекламе.

Автор тщательно и умело воссоздает удушливую атмосферу предвоенной Москвы: страхи, фобии, предчувствие грядущих апокалипсических ужасов, мелкую суету, доносы, ненависть к «интеллигентам».

Почему в заголовке «Романтический шпионаж»? Образ главного героя Егора Дорина дан в развитии (как писали в советских учебниках литературы): переживая тяжелейшие испытания, он мужает, страдает и думает, отковывает дух и постепенно превращается в Мужчину (с большой буквы). Дорин романтически влюбляется в прелестную барышню-дворянку Надежду, со страхом и подсознательным восхищением узнав, что она не «комсомолка» и «ходит в церковь». Такие были времена, хорошо, чтобы не вернулись. Узнав, что Дорин – из «органов», Надежда дважды... (не скажу, сами читайте). Надежда, честная, искренняя, доверчивая, представляется Дорину посланцем иного мира, где нет лжи, фальши, подлости, измены. Вот его, сына крестьянина и немки-колонистки, первое впечатление от встречи с Наденькой: «"Интеллигенция", определил про себя Егор, потому что нормальные девушки таким тоном не говорят и выражений типа "благодарю вас" не употребляют. Ему сразу захотелось уйти в отрыв – охота была тратить время на цирлихи-манирлихи» (С. 40). Однако он остался и влюбился до гробовой доски.

Увы, и немецкие, и русские разведчики исповедуют при-

митивную головорезную идеологию, которая сводится к «сухому остатку»: «Нравственно все, что на пользу дела. Безнравственно все, что делу во вред» (С. 60); «Доброта – не всеобщий эквивалент. Она, как и все на свете, понятие классовое, политическое. Что плохо для врага, то хорошо для нас» (С. 123); «Либерализм и демократия – сладкая сказочка для жирных и беззубых» (С. 133-134). У смертельных врагов – русских и немцев – одно и то же «кредо». Изза этих нехитрых постулатов реки крови пролились на Руси-Матушке. Кстати, эти фразы произносит старший майор госбезопасности Октябрьский, репрессированный, подвергнутый страшным пыткам, возвращенный в органы всесильным Берией, умный, честный, все понимающий, но ослепленный примитивным «марксизмом» и палаческим энтузиазмом. Люди жили тогда в каком-то добровольном помрачении, с одной стороны, понимали все (казни, тотальная государственная ложь, звериная жестокость), а с другой – не понимали НИЧЕГО.

О Железном Наркоме. Берия, перед которым испытывают давящий страх как простые люди, так и его сослуживцы (в большей степени) пресмыкается перед Сталиным, скрывая из подлого, холопского страха сверхважную информацию о нападении Германии.

Интрига романа состоит вот в чем. Почему Сталин, многократно предупрежденный (в том числе и Черчиллем) о ДАТЕ начала войны с нацистским Рейхом, поверил Гитле-

ру, не принял соответствующих мер, помешал военачальникам развернуть войска против Германии. Акунин предлагает пусть и фантазмагорическую, но чрезвычайно элегантную и хитроумную версию.

Немецкий агент Вассер, занимающий важный пост в аппарате (не скажу) проникает к Сталину и в результате дерзкой провокации убеждает его в том, что война начнется (опять не скажу). Вот почему в заголовке «Антиштирлиц»! Немецкий агент успешно совершает самую грандиозную операцию-провокацию в истории разведки. Масштаб успеха Вассера «в разы» (как теперь принято говорить) превосходит подвиги Штирлица.

Вот этого-то Вассера и ловят Октябрьский и Дорин и, в конце концов, захватывают с поличным. В чекистской «Спецлаборатории» Вассеру вводят «сыворотку правды» и он «раскалывается», назвав подлинную дату (молчок). Колоссальный успех по захвату самого важного агента немецкой разведки заканчивается полным провалом. Вассера освобождают и с извинениями доставляют в Германию потому, что Нарком испугался за свою шкуру, скрыв от Сталина правду, изложенную в донесении Октябрьского. Старый чекист, опасаясь нового ареста и новых пыток, добровольно уходит из жизни. Дорин отправляется в отпуск до 23 июня. Ну, а что началось 22 июня, читатель знает... Занавес опускается. Дорин остается на распутье в преддверии исторической катастрофы. Автор не ставит финальную точку в

его судьбе. Линия «Фандориных», возможно еще протянется...

Вот такая книга. Открой – не оторвешься. Все хоронят недобросовестные доброхоты русскую словесность. Неужели не надоели байки про «самую читающую страну в мире» в советские годочки. Люди тогда читали только то, что было дозволено-разрешено. Сейчас и книг-то выходит несравненно больше, чем тогда, и люди читают то, что хотят. Не надо их учить и им мешать... Vale!

19 октября 2005 г. Петергоф.

Тайный орден, или Орденская тайна. Дэн Браун. Ангелы и демоны. Роман.

Перевод Г.Б.Косова.

М., Издательство «Аст». 2005. 606 С.

Дополнительный тираж 20 000 экз.

Произведения Дэна Брауна переводятся и издаются в разных странах совсем не в той последовательности, в какой они были написаны. Это объясняется мировым успехом романа «Код да Винчи», после которого стали переводить предыдущие романы Брауна. Книга «Ангелы и демоны» (2000 г.) предшествует «Точке обмана» (2001 г.) и «Коду да Винчи» (2003 г.).

Беру быка за тестикулы: «Ангелы и демоны» ни в чем не уступают «Коду да Винчи». И что чрезвычайно интересно: главным героем этих книг является сорокапятилетний Роберт Лэнгдон, профессор Гарвардского университета, специалист по религиозной символике. Я писал, что опусы Дэна Брауна являются интеллектуально-развлекательными триллерами. Все так, все именно так.

Сюжет «Ангелов и демонов» не просто головоломен, но головоПРОломен, ей-богу. Убийства, казни, погони, перестрелки, взрывы, невероятные приключения, обманы, лож-

ные ходы, обличения-разоблачения. Автор следует нормативной классицистской поэтике (как Расин, Сумароков, Грибоедов). В книге соблюдены «единство времени» (действие романа занимает одни сутки), «единство места» (практически все события происходят в Риме) и «единство действия» (все подчинено одной, ошеломительной интриге). Рим – древний, но вечный – один из главных героев романа. Упоительный Рим: прекрасный и смертельно опасный, небесный и земной. Помимо прочего, роман Дэна Брауна – превосходный бедкер-путеводитель по Вечному Городу.

Приведу краткое уведомление «От автора»: «В книге упоминаются реальные гробницы, склепы, подземные ходы, произведения искусства и архитектурные памятники Рима... Их и сегодня можно видеть в этом древнем городе. Братство “Иллюминати” (так!) также существует по сию пору» (С. 9). Древний орден иллюминатов (от латинского «*illuminatio*» – свет, освещение, просвещение; иллюминаты – просвещенные) имеет богатую родословную. Например, одним из самых известных иллюминатов в истории был Галилео Галилей. Информированные люди полагают, что иллюминаты и по сей день тайно возглавляют всемирную масонскую сеть, причем рядовые масоны об этом и понятия не имеют.

О масонстве, о тайных орденах пишут только в «желтых» газетах, да и то дурацкие байки и пустые сплетни. Между тем есть страны, правители которых из века в век имеют высшие

степени в масонских ложах (Франция, США; все президенты, начиная с Джорджа Вашингтона, – масоны, кроме Д.Кеннеди, который был католиком). Есть, есть могущественные организации, правящие миром из-за кулис и ни в коем случае не афиширующие свою деятельность. Кстати, М.С. Горбачев и Б.Н.Ельцин имеют высокие степени посвящения в тайных орденах. Недавно в Лондоне безвременно скончался глава единственного в православной ойкумене Ордена православных госпиталеров (не путать с госпитальерами-католиками) барон Сергей Сергеевич фон Беннигсен.

Римский престол ведет из века в век тайную войну с иллюминатами и масонами, терпит поражения, но и победы бывают нередко. Этой жестокой, вероломной, непримиримой, скрытой войне и посвящен роман «Ангелы и демоны». Вообще тотальному обмирщению, шаткому положению религии (в данном случае католицизма), истончению ее влияния, утрате христианской морали в современном обезбоженном, самодовольном и кичливом мире писатель уделяет десятки блистательных страниц. Например, в тексте Конституции Европейского союза нет ни словечка о христианском фундаменте европейской цивилизации. Великая вера в великого Бога постепенно становится уделом маргиналов-неудачников. Что поделать! Мы не управляем тектоническими процессами, спровоцированными мрачными Молохом–Джаггернаутом Истории. Это вне нас. Напомню, что все это совершается с Божьего попущения.

Действие романа начинается в знаменитом «Европейском центре ядерных исследований» («ЦЕРН», Швейцария), где ученые из разных стран мира занимаются исследованиями тайн материи, созданием великой «Всеобщей унифицированной теории. Теории всего» (С. 34). Это почтенное учреждение существует на самом деле. Физик-священник («теофизик») Леонардо Ветра пытается примирить науку с религией, объяснить акт творения естественно-научными методами. Уподобляясь Творцу, он из ничего создает... некую субстанцию, обладающую взрывной мощью, превосходящей водородную и нейтронную бомбы. Таинственный араб-ассасин (убийца) по приказу таинственного Януса зверски убивает ученого, приложив к его груди раскаленное клеймо – «амбиграмму», а затем вырезает у него глаз, чтобы... Этого безжалостного киллера писатель характеризует так: «Его призвало служить себе одно из самых тайных и самых страшных сообществ среди тех, которые когда-либо существовали на этой земле... Его умение хранить секреты уступало только его умению убивать» (С. 23).

Директор ЦЕРНА Максимилиан Колер вызывает из Америки профессора Лэнгдона, который вместе с дочерью убитого Леонардо, Витторией Ветра начинает хитроумное расследование. Виттория, помогавшая отцу в исследованиях, изобрела сосуд, в котором может храниться... Максимилиан Колер погибает в результате...

Орден «Иллюминати» вступает в смертельную схватку с

Ватиканом, вознамерившись вообще физически уничтожить католицизм. В этом и заключается орденская тайна. Араб-ассасин похитил из лаборатории Леонардо Ветра сосуд – прибор с... для того, чтобы взорвать Ватиканский холм: папский дворец, архивы и сокровищницы, собор Святого Петра во время конклава кардиналов, собравшегося для выбора преемника умершего Папы. Позже выясняется, что он умер не своей смертью, а был убит ... Дэн Браун не одни штаны протер в ватиканских архивах, встречался с видными деятелями курии, да и с самим Папой, поэтому в романе много удивительных подробностей функционирования папской «кухни».

Есть древнее узаконение: в период между смертью преемника апостола Петра и выбором нового Папы католической церковью правит камерарий, ближайший помощник Папы, не кардинал, а рядовой священник, который ни на что (а уж тем паче на папскую тиару) претендовать не может. Дэн Браун создает скульптурный, многогранный, мощный образ камерария Карло Вентреска, верного слуги католической церкви, но...

Кардиналы собираются на конклав, и вдруг выясняется, что четверо главных претендентов на Святой трон исчезли. Их похитил ассасин, который изощренно, сверхжесток убивает престарелых кардиналов и выжигает на их груди клейма-амбиграммы «земля», «воздух», «огонь», «вода» – древние символы природных стихий. Роберт, Виттория и командир швейцарских гвардейцев командер Оливетти идут

по горячим следам убийцы. Используя свои познания, блестящий интеллект, Лэнгдон разгадывает маршрут убийцы, места совершения преступлений, но все время опаздывает. Янус и ассасин неуловимы.

Конклав возглавляет 79-летний кардинал Мортати (председатель собрания кардиналов не может быть избран Папой). Постепенно читателю становится ясно, что камерарий Вентреска является... В конце романа читателя ожидает много флуоресцирующих событий, в частности, раскрывается тайна происхождения камерария. Мнимое поражение религии в борьбе с наукой Вентреска использует для того...

В конце концов Роберту и Виттории удается победить ассасина и Януса, разрушить их чудовищные планы. Именно «чудовищные», иначе и сказать нельзя. Они спасают мир и Рим, Ватикан и трон Первосвященника. Вопреки древним узаконениям папой становится кардинал Мортати, сумевший...

Существенную роль в книге играет телевидение, которое держит зрителя под постоянным тоталитарным контролем. Образы «телевизионщиков» Гюнтера Глика и Чиниты Макри объемны и стереоскопичны. Современное телевидение само конструирует события вместо того, чтобы просто-напросто давать «картинку». Сюжет романа прихотлив, пугающий, элегантен и остроумен. Понятно, что такая книга читается на одном дыхании. Пишут же люди романы, а.

Успешные книги современных успешных авторов почти

всегда содержат массу увлекательных сведений, которые не добудешь из газеты или телевизора. Автор элегантно истолковывает, к примеру, иллюминатскую и масонскую символику на столь любимых у «них» и у «нас» долларовых купюрах (С. 130-131).

Роман есть роман. Читатель уже догадался о том, что после невероятных, совместно пережитых испытаний Роберт и Виттория полюбили друг друга. Удивительная книга, переливающаяся, как чешуя тропических рыб и перья тропических попугаев. Вопреки сложности сюжета и интеллектуальной насыщенности текста «Ангелы и демоны» – «роман для всех». Рекомендую всем.

Василий Пригодич. 2 ноября 2005 г.

**Пелевинские реликты,
или Реликтовый Пелевин.
Виктор Пелевин. Relics.
Раннее и неизданное.
Избранные произведения.**

М., Издательство «Эксмо».

2005. 352 С. Тираж 50 100 экз.

Виктор Пелевин за последний год выпустил два тома: «Священная книга оборотня» и «Relics». Удивительно, ибо обычно писатель публикует свои произведения раз в несколько лет. Это моя пятая заметка о творчестве прославленного автора. Пелевин, несомненно, – живой классик, мистик, духовидец, лукавый плут-мистификатор, охранитель и продолжатель великих традиций великой русской литературы, вломившийся тараном в XXI век. Творения Пелевина переведены на многие языки. Роман «Чапаев и Пустота» – лучший метафизический роман в русской метафизической литературе. Виктор Олегович – любимый автор продвинутых барышень-юношей и задвинутых бабушек-дедушек. Питерский поэт Владимир Баренбаум составил изящный палиндром («перевертыш»); строка читается одинаково слева на-

право и справа налево): «Ниве леп Пелевин». Вот это – настоящая слава. Из всех моих заметок самый высокий рейтинг получают именно статьи о Пелевине. Многие критики, обличающие и разоблачающие Виктора Олеговича (за деньги, разумеется), бесстыдно греются в лучах его славы. Ругательски ругать Пелевина (как и любого признанного читателями писателя) модно и доходно.

Книга провокативно названа «Relics» (в переводе с английского – «реликвии»). Читатель спросит: а в чем дело? А вот в чем: слово «relics» чрезвычайно богато оттенками лексического значения. Оно переводится и как «реликты», «останки», «следы», «мощи», «остатки» и т.д. Какое из этих значений имел в виду писатель, – разгадывать читателю.

О чем книга? О Тебе, читатель, о жизни и смерти, о кажущейся «материальной» реальности и оптическом обмане-мае, о кормЕ великого кормчего Мао и о кАрме. Пелевин истово верит в тотальную иллюзорность реальности, в которой мы живем, а, вернее, предполагаем, что живем. Он то и дело моделирует другие миры и рассказывает альтернативные версии жутковатой российской истории.

Чудесные рассказы. Несколько из них публиковались раньше, к примеру, «Бубен нижнего мира». Но это ничего не меняет. Пелевин замечательно сказал о недавно скончавшемся английском писателе Джоне Фаулзе, которого исправно переводили при советской власти: «Это обман читателя: под видом щей из капусты ему пытались подсунуть черепа-

ховый суп» (С. 334). У Пелевина был «лицейский период»: он начинал как фантаст. В этой книге он предстает как зрелый мыслитель, мастер, мистификатор.

Пелевин зачастую использует прием «остранения». Этот термин придумал Виктор Шкловский, когда писал о Толстом. С глаз писателя-читателя спадает покрывало Изи-ды-культуры, и он смотрит на мир, как ребенок или дикарь. Толстой ТАК пишет об оперном спектакле в «Войне и мире» и литургии в «Воскресении». Вильну хвостом налево: Толстого отлучили от церкви отнюдь не за его учение, а за кощунственное изображение главной церковной службы. В новелле, к примеру, «СССР Тайшоу Чжуань. Китайская народная сказка» сегодняшняя Москва показана в восприятии загадочного Чжана седьмого.

Вот и Пелевин, в свою очередь, глядит исподлобья, смотрит на всемирный танец даосов, суфиев, магов, Будд, Бодхисатв, австралийских аборигенов, индейцев Кастанеды, демонов и духов. Послушайте, к чему он императивно понуждает читателя: «Надо слушать стрекот цикад весенней ночью. Смотреть на косые струи дождя в горах. В уединенной беседе писать стихи об осеннем ветре. Лить вино из чаши в дар дракону из желтых вод Янцзы. Благородный муж подобен потоку – он не может ждать, когда впереди появится русло» (С. 190-191).

Эту пляску мы с Тобой, доверчивый читатель, принимаем за обыденную и необыденную ЖИЗНЬ. Позво-

лю себе гаерскую шутку: господин Пелевин в гениальном кульбите-сальто сломал шею на восточной мистике: буддизм-даосизм-суфизм-марксизм-ленинизм-еврокоммунизм-маоизм-ваххабизм-чучхеизм и прочий тлетворный «ревизионизм». Из такого «Путешествия на Восток» (повесть Германа Гессе) возврата нет.

Продолжим разговор о последней книге писателя. Тексты Пелевина настолько незатейливы (как кажется), прозрачны, невесомы, просты и сложны одновременно, что не только у читателей, но и у критиков возникает иллюзия, мол, и я так СМОГУ, нужно лишь подобрать цитатки из Кастанеды, Бхагаватгиты, Дхаммапады, Лао-цзы и т.д. Увы, ничего подобного. Чтобы ТАК писать, нужно долгие годы вострить ум и отковывать дух. На писателя накатила волна всемирного признания, но он устоял: не дает интервью, не ходит на московские великосветские «тусовки», продолжает вести затворнический образ жизни.

Не удержусь, приведу пленительное космогоническое суждение Виктора Олеговича: «Как известно, наша Вселенная находится в чайнике некоего Люй Дунбиня, продающего всякую мелочь на базаре в Чаньани. Но вот что интересно: Чаньани уже несколько столетий как нет, Люй Дунбинь и его чайник давным-давно переплавлен или сплюснулся в лепешку под землей. Этому странному несоответствию – тому, что Вселенная еще существует, а ее вместилище уже погибло – можно, на мой взгляд, предложить только одно разум-

ное объяснение: еще когда Люй Дунбинь дремал за своим прилавком на базаре, в его чайнике шли раскопки развалин бывшей Чаньани, зарастала травой его собственная могила, люди запускали в космос ракеты, выигрывали и проигрывали войны, строили телескопы и танкостроительные...» <конец цитаты> (С. 11).

«Relics», как и любую книгу Пелевина, можно назвать теологическим трактатом и путеводителем по нынешней (и вчерашней) Руси-Матушке. Меня просто пленил жутковатый рассказ «Музыка со столба», где провинциальные мужики плавно «перетекают» в тела и души бонз гитлеровского рейха, а потом столь же плавно возвращаются в свое обывательское обличье. Это, по определению самого автора, не что иное, как «магический экзистенциализм» (С. 285). Окультурным проделкам нацистов посвящен рассказ «Откровения Крегера (комплект документации)».

Авторское кредо сформулировано в нескольких словах: «Лета – это не те воды, в которые мы вступаем после смерти, а река, через которую мы переправляемся при жизни. Мост у нас под ногами. Но есть ли берега?» (С. 351).

Будучи составителем рифмованных текстов, приведу горькое рассуждение писателя: «Не надо быть специалистом по так называемой культуре, чтобы заметить общий практически для всех стран упадок интереса к поэзии. Возможно, это связано с политическими переменами, случившимися в мире за последние несколько десятилетий. Поэзия, да-

лекий потомок древней заклинательной магии, хорошо приживается при деспотиях и тоталитарных режимах... Но перед лицом (вернее, лицами) трезвомыслящей гидры рынка поэзия оказывается бессильной и как бы ненужной. Но это, к счастью, не означает ее гибели. Просто из фокуса общественного интереса она смещается на его периферию – в пространство университетских, районных многотиражек, стенгазет, капустников и вечеров отдыха... Поэзия живет в названиях автомобилей, гостиниц и шоколадок, в именах, даваемых космическим кораблям, гигиеническим прокладкам и компьютерным вирусам» (С. 217-218). Все так, все именно так. Грустно и горько: есть, есть превосходные поэты, но их никто (кроме профессионалов) не знает. Уточню мысль писателя. Поэзия, действительно, «приживалась» при тоталитарных режимах, а вот поэты зачастую не «приживались»: за стихи убивали. Мартиролог русской поэзии убийственно пространен...

Четверть книги занимают пелевинские эссе: умные, острые, едкие, печальные, трагические и просветленные. Особого внимания заслуживают статьи «Истклан-Петушки» (блистательное сопоставление Кастанеды и Веночки Ерофеева) и «Зомбификация» (очерк «теории и практики» вудуизма; не удержусь, процитирую: «Католик идет в церковь, чтобы разговаривать о Боге, вудуист танцует во дворе храма, чтобы стать богом» (С. 302), и главное, расшифровка магической подоплеки советских эмблематических «ко-

дов»: «октябрята-комсомольцы-члены партии»). В главах «Ното советский» и «Лексическая шизофрения» автор акцентирует внимание на бессовестных методах манипулирования с человеческими душами носителей марксистско-ленинской идеологии.

Писатель показывает, как на первый взгляд невинные советские аббревиатуры, насаждавшиеся властями предрержащими, жрецами безбожной светской «магии», зомбировали людей, разрушая их психику: «Рай-со-бес», «Рай-и-сполком», «Рай-ком», заседание «Плен-ума» ЦК, «Парторг» (паром что ли торгует?)» (С. 322). Миром правят язык и речь. Сходные «мыслеобразы» содержит и эссе «ГКЧП как тетраграмматон».

Пора закругляться. Приведу два модифицированных суждения из своей давней заметки о Пелевине... Отличный сборник, пахнущий левкоями и дерьмом, ладаном и серой, кровью и потом, завораживающий, плутовской, сверхсложный и сверхпростой. Виктор Олегович – редкостное, драгоценное, узорчатое украшение современной отечественной словесности.

Книга, как менструальная вата, насквозь пропитана «тяжелозвонким» трагизмом, абсолютный нуль, ей-Богу, однако переливы разноцветных крылышек пелевинских бабочек-мыслей, их грациозно-хаотический вечный танец уверяют нас «все же, все же, все же» в том, что и в «черном вакууме» существует сложная жизнь (хорошо, пусть некое подо-

бие простой жизни). Всё!

17 ноября 2005 г. Петергоф.

Сенсационная литература, или Литературная сенсация. Виталий Безруков. Есенин. Роман. История одного убийства.

СПб. Издательство «Амфора».

2005. 644 С. Тираж 30 000 экз.

Недавно по Первому каналу с сенсационным успехом «прошел» многосерийный фильм «Есенин». Публика, включая потомков поэта, разделилась на два лагеря: истовые поклонники картины и истовые «отрицатели». В основе фильма – роман Виталия Безрукова «Есенин», отца исполнителя роли поэта – Сергея Безрукова. Однако сценарий сериала написал не романист, а другой автор – Владимир Валущкий. Почему? Бог весть. Роман и сценарий резко отличаются друг от друга. Книга «разлетается» в продаже, как холодный лимонад в знойный денек. Ничего удивительного.

Есенин – в течение долгих десятилетий – излюбленный поэт россиян. К примеру, мой отец, военный врач, терпеть не мог поэзию как культурное явление, однако, знал наизусть много стихов Есенина. Еще! Старшина отделения милиции в поселке Токсово (под Петербургом; середина 1970-х годов) знал на память ВСЕ стихи Есенина и сам «пописывал»

в его духе:

«Много нас таких Иванов

На Святой Руси,

Выпьем хоть по сто стаканов,

Только поднеси». Совершенно гениальное четверостишие.

Литература Серебряного века явила миру МНОГО, сверхъестественно много гениальных поэтов: Блок, Андрей Белый, Федор Сологуб, Михаил Кузмин, Клюев, Волошин, Гумилев, Ходасевич, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Заболоцкий (список можно сделать более пространным). Однако только Есенин во всей благодатной полноте сумел восхитительно передать в стихах то «русское», что напрочь отличает нас от чужеземцев. Есть поэты, превосходящие Есенина умом, познаниями многообразными, вкусом, стихотворной техникой, но ни у кого нет той лирической волны, цунами, которая и погубила «Божью дудку» (как он сам о себе говорил). Есенин – поэт для всех: и для блатных, и для гуманитарной элиты, для слесарей и для «кесарей».

Читатель, только не надо думать, что вышеперечисленные поэты – «сложные», а Есенин – «простой». Перечитай «Пугачева» или трактат «Ключи Марии» и поймешь, что Есенин по заслугам причислен к сонму высоких интеллектуалов на Парнасе Серебряного века. Небывало сложные тексты. Есенин – химически чистый гений. Я никогда ничего не публиковал о Есенине, но недурственно знаю в силу профессио-

нальных занятий ТУ эпоху.

Знаешь ли Ты, читатель, что Есенина четверть века не издавали. В сталинские годы за стихи Есенина могли посадить и даже расстрелять. В 1956 г. был издан после долгого перерыва его увесистый однотомник. Помню, с каким упоением я читал есенинские стихи ночи напролет.

В основе романа лежит версия: Есенин был убит. Кто убийцы, читатель, вероятно, знает из фильма. А не знает – не скажу.

Могли ли Есенина убить. Господи, да сколько угодно. К примеру, поэта ненавидел влиятельнейший в те годы большевик Николай Бухарин, травивший Есенина в печати, автор зловещего, набухшего кровью словечка «есенинщина». Мои родители, современники Есенина, всю жизнь были уверены в том, что его убили. Принято думать, что двадцатые годы были относительно спокойными, мол, культура расцвела и т.д. На самом деле эта эпоха была ужасной и страшной (просто масштабы убийства были меньше, чем в следующее десятилетие).

Книгу Виталия Безрукова с полным основанием можно причислить к почтенному жанру «бульварного романа»: пьянки-гулянки, страсти невероятные, любовь земная и небесная, драки, погони, «высшие» сферы, кабацкое дно, преданность, предательство, бескорыстие и алчность и сАнтименты, сАнтименты, сАнтименты (как говаривали в старину). Весьма добротный жанр, все любят такие книги, но

не все в этом признаются.

Книга начинается с обращения племянницы поэта и романиста к Президенту с просьбой создать новую авторитетную комиссию, чтобы расследовать окончательно тайну смерти «певца Руси» и даже произвести эксгумацию. А не пора ли, действительно? Кстати, и самоубийство Маяковского – более, чем сомнительно.

Я назвал роман «бульварным». В этом нет никакого уничижительного оттенка. Роман Дюма «Три мушкетера», публиковавшийся в газетах, был в свое время «бульварным».

Книгу писал непрофессиональный литератор: язык зачастую суконно невнятный, постельные сцены – уморительно безвкусны (так могли бы написать барышни из института благородных девиц). Ответственный редактор, Лидия Лаврова, не сооблаговолила помочь начинающему романисту. Автор, разумеется, вложил в книгу очень много источниковедческого труда, специально изучал эпоху, архивные документы, газеты и т.д. Произведение Безрукова чем-то напоминает книгу Владимира Орлова «Гамаюн» (о Блоке; середина 1970-х гг.).

Все так, однако, Есенин в этой весьма неискusstной книге – как живой: солярный (солнечный) гений моцартианско-пушкинского типа. Чуть-чуть изменим строку Цветаевой из стихотворения о Пушкине:

«Бог студентов. Бич чекистов» (в оригинале – «жандармов»).

Есенин – вечно молодой (как Моцарт и Пушкин), лучезарный повеса, всегда хмельной (не только от алкоголя, но и от воздуха Горнего Мира), земное божество, любимец женщин, – всегда с нами и навсегда пребудет. И, это навечно, – Поэт, пленительный, баснословный, народный, вселенский, безмерный, бессмертный... Читатель, еще раз напомню, что я пишу о романе, а не о фильме. Есенин у Безрукова такой, каким он был. В этом главное достоинство романа.

В книге есть много акцентов, вызывающих недоумение. Анатолий Мариенгоф (1897-1962) представлен как редкостный мерзавец, выжига и вор. Все не так, он, талантливый, высококультурный литератор, поэт, драматург, мемуарист, автор блистательного романа «Циники», был «авторитетным» наставником Есенина (как Рейн при Бродском), хотя и был моложе Сергея Александровича... Кроме меня, некому вступить за Мариенгофа: его знал мой тесть, с его женой, артисткой Некритиной дружила моя мать, будучи ребенком, я навсегда запомнил Мариенгофа: широкополая шляпа, светлый «пыльник», высокий рост, трость в руке, и все это на фоне руин Екатерининского дворца в Царском Селе. Как он пережил «ежовский террор», знает только Бог. Какие-то радиопьесы сочинял...

Читатель моих заметок привык к тому, что у меня часто бывают занятные отступления. Не изменю себе и на этот раз. Кто сейчас помнит о том, что семья Мариенгофов пережила перед войной леденящую душу трагедию. Анатолий Бо-

рисович, поссорившись с сыном, десятиклассником, дал ему пощечину. Мальчик повесился, оставив записку: «Я не подлец...». Вот как Судьба шутить изволит: петля на горле ближайшего друга и петля на горле единственного сына.

Замечательный мастер «плетения словес» Алексей Ремизов в книге почему-то назван «черносотенцем» (за революционную деятельность писатель был на пять лет сослан в Устьсысольск и Вологду). Черносотенцы не боролись с самодержавием. Еще. В книге многократно в диалогах цитируется знаменитое стихотворение Маяковского «На смерть Есенина», написанное, понятно, после смерти поэта (этот текст цитируют сам Маяковский и Сталин). Авторство строк «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови, Господи, благослови...» из «Двенадцати» Блока по странной небрежности приписано Есенину.

Проницательного читателя может шокировать, как говорят дамы постбальзаковского возраста, эпизод драки Есенина с Пастернаком, причем наш герой хватает своего оппонента за «яйца» (!!!). Полная чушь: поэты не завидовали друг другу, ибо это были настоящие поэты. Каждый поэт от Бога знает свое место в литературной иерархии и не завидует другим сочинителям рифмованных текстов. Достаточно неприязненно в романе изображен и Осип Мандельштам. Ну, и так далее.

А что по-настоящему огорчает в романе Виталия Безрукова, так это то, что книга подкопчена вполне уловимым анти-

семитским дымком. Ни Мейерхольд, ни Мариенгоф, ни Тухачевский евреями не были. В наше сложное, неустойчивое время обвинять какой-либо народ в преступлениях против другого народа, по крайней мере, неразумно, бестактно, безвкусно и, главное, очень опасно. Нет правды в ЭТОМ и не будет. Есенин ни в коем случае не был антисемитом. А кто его убил? Читатель, это всего лишь ВЕРСИЯ Виталия Безрукова. Некоторые страницы романа просто позорны.

Однако Есенин, как живой... Вот и всё!

23 ноября 2005 г. Петергоф.

Что у людей на уме, то у Веллера на языке, или Надежда на надежду

Прославленный писатель Михаил Веллер выпустил книгу, вызвавшую «с колес» зубодробительную полемику (одни – ругают, другие – превозносят до небес): **Веллер М. Великий последний шанс. СПб., 2005. Издательство АСТ. 464 С. Тираж 30 000 (!) экземпляров.** Разумеется, преобладают поношения и заушения. Напомню, если тебя не поносят матерно, если у тебя нет врагов, ты не литератор, профессионально занимающийся сочинительством. Несколько лет тому назад писатель издал два философско-этических трактата – «Все о жизни» и «Кассандра», на сей раз он выпустил политологический, публицистический труд.

Несколько фраз об авторе. Михаил Веллер родился 58 лет тому назад на Украине в семье офицера. Свой род писатель возводит к bravому прусскому юнкеру фон Веллеру, воевавшему под знаменами Фридриха Великого. В детстве как офицерский сын, в юности-молодости как искатель экстремальных ощущений будущий писатель объездил весь необъятный СССР, после крушения Красной Империи – весь мир. В 1966-1971 гг. мы вместе учились на отделении русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского университета. 23 года мы не виделись «вживую»,

а тут Господь сподобил «посвидаться»: биографические статьи о нем и обо мне опубликованы в книге: Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь в 3 томах. Том 1. А – Ж. М., 2005. Издательство «Олма-Пресс Инвест». 2005. С. 357-360; 562-564. Элегантно Господь шутить изволит. При советской власти наше место было в тюрьме, а не в энциклопедическом издании. О многочисленных книгах Веллера говорить не буду: их можно найти в Питере на любом книжном лотке-развале. А вот что отмечу специально: в 1997 г. у писателя вышло Собрание сочинений в четырех томах.

Читатель спросит: а о чем последняя книга Веллера. Отвечаю: о тебе, о твоей семье, о твоей стране, причем без разницы, живешь ли ты в России или за ее пределами-рубежами. Попробуем определить жанр книги: АНТИУТОПИЯ-УТОПИЯ одномоментно. Антиутопия потому, что Веллер с содрогательной, логизированной правдивостью, обстоятельной аргументированностью, афористической меткостью рисует грядущую ВОЗМОЖНУЮ катастрофу, уход под воду европейско-американской цивилизационной Атлантиды. Помимо всего этого «Великий последний шанс» – путеводитель-бедекер по современной России. В начале книги и в послесловии писатель создает УТОПИЧЕСКУЮ перспективу преодоления катастрофического отмирания белой цивилизации... при помощи России, ее судьбоносной роли в грядущей истории мира: вот она – надежда на надежду...

Книга – парадоксальна, нередко логически упречна, автора часто заносит на интеллектуальных поворотах, но... но... но... Веллер будит и будирует мысль, позволяет четко позиционировать себя в реальности, в мире и міре. Читатель, ежели соблаговолишь прочесть сей «интеллектуальный роман», думай, думай, думай, спорь, соглашайся, опровергай и отвергай СИСТЕМНЫЕ постулаты.

Трактат полон обличительного пафоса, писатель бичует современную Россию, ее «власти предержажие», коррумпированное до печенок чиновничество, воровской бизнес, косное и равнодушное ко всему «население», потерю достоинства, чести, верности идеалам. Не подумай, читатель, что Веллер сладострастно каталогизирует беды Родины нашей скорбной. Книга написана с «печалованием великим» и «воздыханием горьким», со слезой и обидой. Многие страницы трактата вполне можно сопоставить с «Философическими письмами» П.Я. Чаадаева (в пользу Веллера, разумеется).

Что же касается Европы и вообще западного мира, то его хоронили не только большевики и «мистический анархист» Веллер. Европу «отпевали» великие «властители дум» Ф. Ницше и О. Шпенглер. Трактат Веллера овеян густым ницшевским дымом, а на легендарную работу Шпенглера «Закат Европы» (более точный перевод: «Закат западного мира». Т 1-2. 1918-1922) писатель многократно проецирует свои суждения-положения-выводы. Писатель всегда «держит» шпен-

глеровскую историософию в уме и «на уме».

Смею думать, «похороны» Европы могут не состояться, если западные страны объединятся в жестокой борьбе с жестокими террористами, убивающими невинных людей, с экспансией-агрессией сами знаете чьей... Старушка Европа, если подправит здоровьишко, накрастит губы, тяпнет виски-коньяка-винца, еще станцует «знойный танец “Терриконтон”» (был такой в стародавние советские годочки; кто помнит – не забудет).

Любопытное наблюдение. В книгах Л.Н.Гумилева и М.И.Веллера о судьбах миропорядка есть ВСЁ (пассионарность, энергоэволюционизм и т.п.), кроме Провидения. При чем Лев Николаевич был истовым православным, а Веллер – атеист. Старинные люди помнят: Россия – удел Богородицы...

Я редко так поступаю, но на сей раз приведу название основных глав книги: «Государство и воровство», «Русский олигарх: трупоед или целитель?», «Русский дипломат как вредитель», «Так почему рухнул СССР», «Россия как страна третьего мира», «Евреи», «Гибель Европы», «Билет на «Титаник», «О терроризме».

Последняя глава, увы, не политкорректна по отношению к афро-азиатским насельникам европейских стран и к «русским» чеченцам, но содержит ряд положений-предложений, с которыми стоит ознакомиться лидерам США – Объединенной Европы. Книгу следует перевести и дать в руки всем, ко-

му дорога христианская цивилизация, кто принимает ответственные и взвешенные решения. Я совершенно серьезно. Методы борьбы с терроризмом и террористами, предлагаемые Веллером, жестоки и жестки, они неприменимы в Европе сегодня, но кто знает, что нас ждет впереди. Кровавый вал террора не идет «в откат», да и пойдет ли – Бог весть. Мужчины, к Вам обращен печальный афоризм: «Когда все хотят сладко жить и никто не хочет умирать – стране скоро конец» (С. 76).

Писатель восклицает: «Вся политико-экономическая система сегодняшней... России запрограммирована не на создание нового, а на расхищение старого. Поэтому государство не может быть реформировано – оно может быть уничтожено, разобрано, демонтировано, ликвидировано – и на его месте создано другое» (С. 46). Салют, дедушка Ленин. Пионерский привет от Миши Веллера. Не надо ПРИНУДИТЕЛЬНО реформировать Россию, пусть Матушка поживет хоть пару десятилетий СПОКОЙНО. В этом я категорически не согласен с автором: государство развалится, всех придавит, некому будет осуществлять «реконструкцию».

Какой же рецепт исцеления Родине «прописывает» доктор Веллер. Увы, увы, увы, просвещенная диктатура. Диктатура, которая устанавливается путем референдума и одобрения парламентом сроком на два года. Нет, все-таки недурственно нас учили в университете марксизму-ленинизму (диктатура пролетариата)... И здесь следует прямо, без оби-

няков ответить автору: диктатура (любая, пусть наипросвещеннейшая) мгновенно превратится в кровавую, палаческую и бессмысленно жестокую войну с людьми (правыми и виноватыми), в народоистребительную бойню. Хотят, хотят люди русские (десятки миллионов) режима «твердой руки», дабы бесстыдно, трусливо, подло и жадно лизать «оную». Читатель, помнишь ли ты гениальную мысль Марка Твена: «Мечты опасны тем, что часто они сбываются»?

В книге много боли, но есть и ирония злая, и юмор добрый. Много в ней и всяких интересных наблюдений-сведений (древняя, новая, новейшая история). Есть и уморительные наблюдения. К примеру, Веллер раскрывает великую сакральную тайну: почему зимой в русских домах холодно, а перед завершением отопительного сезона – непереносимо жарко (С. 88). Не трону покрывало Изиды-Исиды, друг мой высокий, читай сам.

Вот такая книга: злая, добрая, задиристая, спорная, наглая, умная, безумная, завлекательная, НЕВЫНОСИМАЯ, странная, пространная, блестящая, темная... Умеют же люди писать...

4 мая 2006 г. Петергоф.

Александр Рашковский, Василий Пригодич. Архивная мозаика, или «Господи, помоги убежать»

Предлагаем вниманию читателя сенсационный материал, добытый в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО, фонд 98, опись 1, дело 166): сводки вятского губернского ОГПУ за 1925-1927 гг. Долгие десятилетия материалы такого рода хранились в глубочайшей тайне

Русские «лондонцы-британцы» (прежде всего молодые) не очень-то и помнят трансформацию карательных органов СССР. Справка. 20 декабря 1917 г. большевистским Советом народных комиссаров была образована «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем» террористическая организация, осуществлявшая «красный террор», применявшая массовые расстрелы без следствия и суда. Помните волошинский «ужас чрезвычайцак»... Вот отсюда и пошло содрогательное словечко «чекист». В феврале 1922 г. ВЧК была упразднена и создано ГПУ (Государственное политическое управление). Старые крестьяне, с которыми я жил в деревне Коровкино, с ужасом расшифровывали эту аббревиатуру так: «Господи, помоги убежать». Примерно через год ГПУ бы-

ло преобразовано в монструозную структуру: ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление). Тайной политической разведывательной и контрразведывательной службе была поручена также охрана границ государства. В 1934 г. ОГПУ было упразднено, внутри НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) создали Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Дальнейшие модификации: Наркомат государственной безопасности (НКГБ), Министерство государственной безопасности (МГБ), Комитет государственной безопасности (КГБ), ФСК, ФСБ.

Итак, о сводках ОГПУ. Вторая половина 1920-х годов. Страна не воюет, НЭП догорает фосфоресцирующим пламенем. Аресты (редкие) продолжаются, но людям кажется, что все как-то наладится. Казней и вовсе мало по сравнению с ТРИДЦАТЫМИ годочками. Напомню, к примеру, что 30 марта 1925 г. в числе 7 человек был расстрелян друг Есенина, поэт Алексей Ганин по грязно сфабрикованному ОГПУ делу «Ордена русских фашистов». Ганина помнят не только профессионалы, но и все, кто видел сериал «Есенин». А несчастных его сотоварищей не помнит никто. Царствие вам Небесное, новомученики.

Не верь, читатель, шестидесятникам-педерастам, мол, 1920-е годы дали расцвет культуры-литературы, мол, была свобода творчества, духовность (только мерзавцы могут серьезно употреблять это, увы, облеванное слово) и т.д. А что было? Были ужас, бесовщина, пакостность, ложь, страх

и мрак. Впрочем, люди есть люди, многие надеялись, что как-то все наладится, устаканится, перемелется. Ан – нет... Выходила кровавая заря кровавых ТРИДЦАТЫХ...

Сводки вятского губернского ОГПУ – изумительный исторический источник. По ним надо писать историю Вятского края (да и всей страны). Не по газете же «Вятская правда» и «трудам» борзописцев, лизавших задницу местному начальству. Пусть эти сводки – болотце, но в нем отражается багровое солнце истории России.

Читатель, не торопись все усвоить сразу. Тут требуется вдумчивое (не нахрапистое) чтение. Вроде бы все не так уж и страшно (ну, батюшку арестовали, ну, ссыльный не снял головной убор при пении «Интернационала», ну, воруют и пьянствуют). Все эти нехитрые малограмотные оперативные документы пропитаны какой-то тревожной и опасной затхлостью. Они настолько зачастую абсурдны, что Беккеты-Ионески почивают глубоким сладким сном. Был такой роман у Федора Сологуба (Тетерникова, а на самом деле: Тютюнникова) «Мелкий бес». Эту книгу, кстати, читал Ленин и употреблял словечко «передоновщина»: от фамилии главного героя – гимназического учителя, безумца и мерзавца. Сологуб передал какой-то хтонический (как говорят механосборщики и коноплеводы) ужас МИРНОЙ губернской жизни. А сводки ОГПУ передают ужас НЕМИРНОЙ губернской жизни. Комичное, на первый взгляд, а на самом деле УЖАСНОЕ чтение. Ну, вспомним к месту «Историю одно-

го города» Н. Щедрина, которого «товарищи» переименовали в М.Е.Салтыкова-Щедрина. Был чиновник М.Салтыков и писатель Н.Щедрин (отнюдь не «в одном флаконе»).

Обращаем внимание на методическую, мелочную, звериную ненависть чекистов к религии. Для ОГПУ разница между «тихоновцами» и «обновленцами» была не слишком велика. Вначале сажали «тихоновцев», а потом «обновленцев». Вот такое чтение.

«На пищебумажной (так!) фабрике «Красный курсант» бытовая сторона рабочих представляет собой не очень хорошую картину, благодаря малому коммунистическому влиянию. Рабочие до сих пор находятся под влиянием старых традиций: крестят и хоронят с попом, ходят в церковь и даже выполняют обязанности псаломщиков. Содержат попа, давая ему ежемесячно от 1,5 до 2-х пудов муки, и из своих скудных средств выплачивают за попа подоходный налог».

«Заведующий общим подотделом ГУБОНО Яков Николаевич Сушенцов заключил в январе 1925 года договор на поставку для детдомов мяса в количестве 655 пудов по цене 4=40 руб. за пуд, тогда как на базаре можно было купить мясо по цене 3=50 руб. за пуд».

«Духовенство по уездам делится на два противоположных лагеря: обновленцев и тихоновцев. Активностью больше обладают тихоновцы. Обновленцы в своей деятельности слабы».

«Священник села Арбаж Котельничского уезда Алек-

сандр Курочкин ведет агитацию против советской власти, говоря, что скоро революционное настроение пройдет и дело кончится ожесточенной войной. Он основывает последнее на писаниях Святых. Кроме того, Курочкин говорит, что религия крепнет с каждым днем, несмотря на гонения большевиков, а в Москве и Ленинграде все верят в православную религию, даже ответственные работники-коммунисты. Ранее Курочкин служил в Красной Армии на должности начальника снабжения Опродкомарма (так!) 3, откуда он был уволен по болезни и поступил в попы, как имеющий духовное образование. За упомянутым ведется наблюдение».

«Кулаки и зажиточные слои деревни раньше недолюбливали Троцкого как еврея, а теперь вопрос о троцкизме хотят использовать в свою пользу. Они говорят, что Троцкий стоит за крестьянство и защиту мужика, за частную собственность и за развитие частной торговли. За это, мол, его и преследуют большевики».

«Макарьевская больница Троицкой волости Котельничского уезда принимает лечить больных за взятки. В больнице беспорядок. Заразные больные лежат вместе с общими».

«В деревне Журавлево Яранского уезда крестьянин-бедняк сказал, что он признает советскую власть и коммунистов и они как бы заботятся о народе, а на деле получается обратное. Крестьянина гнут, дают и душат налогами хуже царской власти и, если будет война, крестьянство власть не поддержит».

«На одной вечеринке крестьянской молодежи в Слободском уезде бывший портной Московского жандармского управления М.П. Дувакин самым циничным образом, публично переругал всех вождей пролетарской революции».

«В татарском селе Карино Слободского уезда до сих пор религиозный обычай «обрезания» и «выстойки». На теле невесты бреют все волосы, кроме головы, а затем она должна простоять голая вместе с подругами в закрытом амбаре два часа, независимо от температуры воздуха».

«В Яранске ставленник Тихона епископ Нектарий Трезвинский явился определенным организующим монархическим центром. Нектарий арестован. Его сподвижник бывший ссыльный священник Сергей Знаменский скрылся».

«По губернии духовенство продолжает разделяться на обновленцев и реакционеров («тихоновцев»), но преобладающий процент стоит на платформе тихоновщины. Обновленцы в массах авторитетом не пользуются. Тихоновское духовенство пользуется среди крестьянства большим авторитетом».

«В Юкшумской волости наиболее зажиточным крестьянством поддерживается слух и толки, что на освобождении кустарей от налогов настоял тов. Троцкий».

«Прибывшая из Ленинграда гражданка распространяет в Слободском уезде слух о наводнении безработными городов Ленинграда и Москвы, и что среди них много самоубийств».

«По установившемуся издавна обычаю, ежегодно 3 июня

из Вятского кафедрального собора бывает крестный ход в село Великорецкое Халтуринского уезда с почитаемой верующими иконой Николая Чудотворца. На этот крестный ход в Вятку стекаются, за сотни верст, крестьяне других губерний. Так было и в нынешнем году.

По прибытии крестного хода в село Великорецкое 6 июня 1925 года во главе с соборным и обновленческим духовенством, между последним и местным тихоновским духовенством возник спор, кому служить молебен по церквам и часовням села. Группа богомольцев-тихоновцев, руководимая Церковным Советом, не допустила обновленцев к службе.

Обновленцы начали совершать службу на месте «явления иконы», на свежем воздухе. Дослужить обряда им, однако, не пришлось, так как соборные иконы были отняты и унесены в церковь, а одного попа – обновленца группа ярых тихоновцев потащила в реку, грозя утопить. Поп вырвался и скрылся».

«В Гороховской волости Халтуринского уезда ветеринара и врача, как говорят крестьяне, испокон века не видали. Но есть знахари и ворожеи. Ларион Стариков и Никита Багин занимаются знахарством, ворожбой и кастрацией домашних животных. Они между собой конкурируют так, что дело доходит до драки».

«Священник села Шурма Сатаев и священник села Лопьял Юферов для борьбы с обновленцами распространяют слухи, что советской власти скоро конец и, кто идет за обновленцами, будет расстрелян. Достоверность этой агитации

проверяется».

«Бесхозяйственность, растраты, халатность, пьянство, волюкита, выдача фиктивных документов в госаппарате не изжиты».

«Заведующий строительно-техническим управлением Вяткожтреста Иван Аполлонович Чарушин скрывает в себе глухую ненависть к советской власти. В разговорах допускает неуместные остроты по адресу власти и ее мероприятий. По службе не проявляет инициативы. Постоянно отказывается давать необходимые справки и отчеты, мотивируя это малым штатом».

«Учитель из Уржума Деренков говорил, что нельзя оправдывать всех коммунистов. У нас, в СССР, к порядочным коммунистам можно отнести разве только Крупскую, Зиновьева, Троцкого, Каменева, да Сталина, а другие только воры или карьеристы. Сведения агентурные».

«Разъезжая с товаром по деревням, торговка, жена бывшего орловского купца Исупова, говорит, что советская власть никуда не годна, а кооперация только дерет кожу с мужика. В руководстве кооперации только одни коммунисты, которые производят растраты, кладя деньги себе в карман. Некоторые крестьяне с ней соглашаются (сведения агентурные)».

«Недавно в Вятском педагогическом институте был назначен диспут на тему «Расовая теория». Докладчиком был профессор Быковский, а оппонентом доктор Трейтер. Никто

из членов секции научных работников не явился, предполагая, что диспут – это ловушка для выявления неблагонадежных».

«Во время митинга у здания редакции газеты «Вятская правда», ссыльный доктор Быстров во время пения Интернационала снял фуражку, а ссыльный Цетлин стоял, не снимая фуражки, с вызывающим видом, заложив руки в карманы».

«В разговоре с нашим информатором по поводу убийства Войкова, взрыва Ленинградского делового клуба и замышляемого взрыва в Кремле, финансовый агент 4-го участка г. Вятки Александр Михайлович Введенский сожалел, что все контрреволюционные намерения удалось раскрыть. Он сказал, что хорошо было бы взорвать Кремль, и предсказывал расстрел большевиками сотни другой умных людей в связи с этими событиями».

«В Вятке ходят слухи, что смерть Дзержинского последовала от отравления, а Фрунзе зарезали на операционном столе».

«Бывший начальник Кичминской волостной милиции, член партии, во время службы произвел растраты, но, вместо наказания, переведен на должность заведующего винным заводом».

«Один интеллигент в Вятке сказал, что книгам и газетам в СССР не верит, т.к. они пишут одну ложь. Он, дескать, сам работал в редакции в Великом Устюге и хорошо знает про эту ложь».

«Студенты рабфака города Вятки говорят, что теперешняя власть ничем не отличается от царской. Только, дескать, вместо Николая, поддерживающего консерваторов, управляет Сталин, посаженный партией. Куда ни кинь, везде партия насаждает своих ставленников».

15 июля 2006 г.

Набор слов, или ПРОпавшие листья

Все, кто лично знал Д.С.Лихачева, никогда не забудут его пленительную истинно питерскую барскую повадку (речевую, жестовую, поведенческую). Натуральный (истинный, от Бога) барин никого не пинает сапогом в лицо, не унижает подчиненных, не срывает душу на родных и близких, не лебезит перед начальством (в житии Д.С. Лихачева – от лагерного "кума" до заведующих отделами ЦК КПСС и членами всемогущего в те десятилетия Политбюро), он светел духом, пародийно вежлив, добр, великодушен, всепрощающ, предельно (до комических курьезов) деликатен и обязательно автоироничен. Д.С. Лихачев в своей неподражаемой манере и тональности одинаково разговаривал с комаровскими бомжами, дачными алкашами-ремонтниками, с учеными и сумасшедшими дилетантами-истолкователями "Слова о полку Игореве", с коронованными особами и президентами СССР и России.

Занятная у нас страна: если человек – урод и карлик, то он с ходу – истинный художник (приложимо ко всем искусствам). А вот ежели (редко бывает) артист (поэт, живописец и т.д.) – красавец огромного роста, гвардейской выправки, да еще (упаси, Боже) – потомственный дворянин, все, туши-

те свет, осужденный – с вещами на выход – это не творец, а мастеровой-кустарь, автор низкопробного духовного ширпотреба, ну и прочая белиберда в таком духе.

У Михаила Веллера в книге «Все о жизни» есть замечательная главка "Вера и религия", где автор умно и тонко дифференцирует два этих полярных на самом деле понятия. Именно в этом разделе Веллер, стою на том, совершает единственную роковую, непоправимую ошибку (во всей огромной книге), утверждая: *"Вера – это аспект внутренней, принципиальной непримиренности человека со всем положением вещей в этом мире"*. Михаил, ты не прав, все наоборот, аспект... **ПРИМИРЕННОСТИ**... (это я о тех, кто верует не умом, а сердцем).

О переписке Цветаевой с Рильке. Все эти тексты абсолютно **гениальны**. В них грозно звучит ужасный – в античном миропонимании – голос чистого Духа, осложненный, об этом еще никто не сказал, обертонами мистической **полуправды**, демонической маскарадности и литературной, увы, мистерии-игры.

Литературная жизнь Питера конца 1970-начала 1980-х была скорее трагедийной, чем мелкотравчатой. Серьезные дяди-полковники КГБ изымали под протокол на обысках стихи и самопальные статьи по русской религиозной философии, книги, изданные до революции и за границей (знаменитые "Самиздат" и "Тамиздат"). Комментарии к роману Достоевского "Бесы" читали в отделе науки ЦК КПСС. Чи-

татель, ты не поверишь, что мои, А.В.Лаврова и Л.К.Долгополова комментарии к роману Андрея Белого "Петербург" с синим карандашом в руке читал главный идеолог партии, секретарь ЦК КПСС по идеологии, сталинский выкормыш Михаил Андреевич Суслов и... кое-что повычеркивал.

О романе А.Н.Житинского «Потерянный дом или Разговоры с милордом». О чем книга? Да все та же старая и великая песнь: о жизни и смерти, о любви и предательстве, о прямом и косвенном сопротивлении абсурдной советской власти, о физическом разрешении величайшей метафизической теоремы "Пиво-водка", о мелкотравчатом, но **светоносном** по сути обывательском бытии и, главное, о **литературе** не только как о странном образе писательского житья-бытья, но и таинственном эфемерном стержне всего мироздания. Есть в романе элементы социальной фантастики, но я не об этом. Автор, пользующийся самыми современными, в те годы просто непостижимыми писательскими технологиями, сочинитель до мозга костей, создал роман **преимущественно о литературе: роман в романе и о романе**. жуткую, но завораживающе пленительную жизнь.

Процитирую Житинского, отвергающего ложно приписываемые литературе принципы-функции: "Литературные сочинения постоянно путают с инструментами, которые должны бить, вскрывать, поднимать, протягивать, указывать, сигнализировать, вдалбливать, пронзать и тому подобное. Или же считают их зеркалом и одновременно осветительным

прибором. Между тем, все перечисленные вами цели – суть частные следствия общей объединительной роли, которую призвана играть литература... Литература есть игра, она сродни актерскому ремеслу, между тем как ее обычно поверяют не законами игры, выдуманного автором, а законами самой жизни... Литература – игра, не более, но и не менее, и относиться к ней следует как к игре – не менее, но и не более. Великая это игра или мелочная, трагическая или пародийная – она всегда остается игрой, ибо дает читателю возможность проиграть в душе тысячи ситуаций, поступков, характеров, лежа при этом на диване и перелистывая страницы" (С. 515, 516-517). Как просто, и как... мудро. Прошу прощения за столь пространную цитату. Эх, ввести бы эти положения в марксистско-ленинскую теорию литературы. Поздно, ибо она приказала долго жить.

Магистральная тема практически всех интервью Бродского – Россия, ее тяжелое прошлое, непредсказуемое грядущее, фатальные болезни и сверхъестественная способность к исцелению-воскрешению, ее литература: одномоментно – кривое зеркало и путеводительный прожектор. Многочисленные недоброжелатели поэта упрекают его в пресловутой "русофобии". Не удержусь, напомним "зоилам" фразу Бродского из интервью польскому журналу "Przekroj": "Бояться, опасаться за Россию не нужно. Не нужно бояться ни за страну, ни за ее культуру. При таком языке, при таком наследии, при таком количестве людей неизбежно, что она породит и ве-

ликую культуру, и великую поэзию, и, я думаю, сносную политическую систему, в конце концов" (С.629; июль 1993 г.). Поверим гордым словам провидца.

О романе Т.Толстой «Кысь». Роман – тотально литературоцентричен, ибо все в жизни – разноразрядная беллетристика, а сама жизнь – многотомный роман, который пишет Господь Бог.

О романе Проханова «Гексоген». Писатель одержим смертью, с которой он сталкивался сотни раз на полях боев в разных странах, на разных континентах. «Мессианский проект», по-моему, в конечном счете заключается в том, чтобы сделать живых мертвыми. Люди прохановского типа ненавидят обывателя с его скромными радостями и глупостями вплоть до отрицания «мещанского» права на жизнь. Читатель, ты никогда не удивлялся лозунгам величаво-велеречивого аристократа Фиделя Кастро в стиле «Социализм или смерть!». Красиво! Но, может быть, кубинцы не прочь пожить немного в покое и на покое, нет, не выйдет, не надейтесь. Величайший арабский полководец VII века, сторонник пророка Мохаммеда, «Меч Аллаха», Халид ибн ал-Валид писал иранскому военачальнику, которому объявил войну: «Иду к тебе с людьми, которые так же любят смерть, как вы любите жизнь». Удивляюсь я своим коллегам членам жюри литературной премии «Национальный бестселлер», многих из которых знаю. С милой улыбкой и потаенным кукишем присудили премию «Национальный бестселлер» идей-

ному людоеду: мол, китч, карнавал, постмодернистский центон и прочая белиберда. Невинные литературные игры и, несомненно, виновная совесть. Да и на самом деле роман Проханова нельзя назвать плохим, он метафизически содрогателен и ужасен, как медитация об аде. Воля ваша, пацаны и дамы. Только помните вещице слова Петра I: «В России и небывалое бывает». Так вот, если «ИХНЯЯ ВОЗЬМЕТ», не причитайте и не верещите, когда вас за волосы повлекут на Лобное место. «Отсекать головы» так и только так навязчивая идея-мечта «коммунопатриотов».

О Владимире Сорокине. Господа-товарищи-братва! Больше всех на Сорокина наезжают «шестидесятники», которых писатель ненавидит по понятным причинам. Эти ушлые дедушки с поджатыми губами и с протянутой рукой продолжают торчать во всех интеллектуальных подворотнях, символизируя скорбь поминальную по великой советской культуре, когда они собирали стадионы и публиковали поэмы про Ленина с человеческим лицом и нечеловеческим концом миллионными тиражами. При случае дедушки ухитряются и рубли зеленые срубать, но берут их со слезой и тяжелым вздохом. Писатель однажды сказал о них предельно жестко: «В России шестидесятники помогли советской власти избавиться от коммунистической идеологии, тем самым обеспечив ей сейчас абсолютную полноту власти, то есть практически они развязали руки олигархической номенклатуре». Горько, быть может, резковато, но в «тему».

Вот, набрал этот абзац, выкурил сигаретку, аж сердце закололо: почто «наехал» на шестидесятников, ежели я сам женился в 1968 годочке. Все они, теперь уже дедульки белоголовые и крашенные, продолжают скулить о воспитательной роли литературы, о том, что она, болезная, должна куда-то звать, кого-то поднимать, зажигать «путеводительные светы» и, главное, отражать, отражать, отражать действительность. А тут им писатель засаживает прямо промеж рогов: «Искусство во все времена было не зеркалом, а мутным стеклом». Или: «Литература, по-моему, есть сражение психических состояний писателя; Я не переоцениваю литературу вообще. Это бумага, на ней какие-то типографские значки». Ясно, что писатель эпатирует публику, но все же, все же, все же. Писатель частенько сравнивает кайф от литературного труда с наркотическим. Зачем гусей дразнить, которые и так шипят и ущипнуть норовят.

Жрецы духоносные цекистского разлива проповедуют: натурально, мол, читать нужно Толстоевского, Юлиана Семенова и всё, спроворенное шестидесятниками. Сорок лет я слышу стоны о невозможности возвращения к «ленинским нормам» и о закате духовности российской. Братцы, вас (нас – мои стишки и штудии по Серебряному веку) никто никогда читать не будет, ибо, как верно заметил Михаил Веллер, серьезное чтение – серьезная «вторая» работа, на которую у тяжко вкалывающего читателя нет ни сил, ни времени. Конкуренция, блин.

Нас заставляют восторгаться подвигом народного ополчения. Эти безвинные безымянные герои (необученные и кое-как вооруженные) были перемолоты под Москвой и Ленинградом безотказной фашистской военной машиной. Те, кто бросил их в бой, получили ордена, никто не ответил за это чудовищное преступление перед своим народом. Это были мирные люди: пожилые рабочие, учителя, музыканты, художники, техническая интеллигенция и т.д. Вечная им память. Слава героям. Мой двоюродный брат вступил в первый бой с немцами 18-летним сосунком с трехлинейкой Мосина. Выжил. Повезло. Прошло более полувека. Мой ученик, мальчик Сережа из Пензы, необстрелянный, 18-летний, после курса «молодого бойца» и принятия присяги, был брошен в бой с натренированными и выученными чеченскими головорезами-профессионалами (1995 г.). Выжил. Повезло. Ребенок с восторгом мне рассказывал, что воевал честно, и что в их роте погибло всего 11(!!!!) парней. Вот этого не должно быть никогда. Во веки веков. Дети пусть целуются, едят мороженое, читают умные книжки, учатся, работают. А высокие военачальники, пославшие детей на смерть, должны, должны, должны ответить не только перед Богом, но и перед людьми. С профессионалами должны воевать профессионалы.

Читатель, баксы, карьера, виски-кока-кола, водка-пиво и пиво-водка, попса, чтиво легкое, курсы валют, барышни «с газельными глазами», путешествия, развлечения и удоволь-

ствия непомерные и прочая, и прочая, и прочая заполонили – заслонили мир и мір. Ничего не попишешь, и никакие камлания под гусли не спасут. Однако подобает мужам брадатым напоминать юношам о том, что помимо вышеперечисленного мир и мір полны демонов и духов, коих лучше не тревожить-беспокоить-вызывать (уж простите рептильный обскурантизм старому дураку). Никто не видел «в натуре» кварки-нейтрино-кванты и т.д., а все в них верят. А бесов видели миллионы людей (каждый час лицезреют, но не «идентифицируют»), и никто не «верит». Архискверно и архиважно, как пописывал несгибаемый пролетарский вожьд-разрушитель-фундатор предпоследней Империи.

Культура вот уже двадцать лет медленно, не как Атлантида, уходит на тот свет. А, может быть, уже и ушла, а мы все пульс «щупаем», ПРИНУДИТЕЛЬНО вентилируем легкие, градусники-горчичники ставим. Погубили ее не те былые, а нынешние свои, кровные братья мои, либералы-рыночники, доценты с кандидатами, завлабы, шоумены, журналюги-адвокаты-краснобаи. Не выдержала, страдалица, лихорадки коммерциализации. Накрылись медным тазом министерства литературы-живописи-кино, филармонии, кружки самодеятельности колхозной, хоры и ансамбли песен-плясок соловьев-разбойников и иные профильные достопочтенные учреждения. Старушку, обдолбав обезболивающим препаратом под названием «Хмель-шиш свободы», привели в чувство: глазки открыла, встрепенулась, встала с больничной

койки, хорошо – вольготно, не больно. Встала, дура, не видит ничего (слепая ведь) и запрыгала козленком с радостным бляением. Хрясь, шина-лубок на переломанной ноге сломалась. Упала на пол, в крике зашлась. Обморок и морок. Тут-то ее – сублильную и жантильную ражие-рыжие санитары взяли за руки, за ноги и выкинули к чертям собачьим на январский мороз. И она, и она... дуба дала. Наверное, не воскреснет, живая вода нужна и молодильные яблоки, а эти препараты на сотни миллионов долларов потянут. Денег никто никогда не даст, а жаль. Очень жаль. Говорю с любовью тихой и печалованием великим.

Нет, не о высокой культуре я калякаю, о самой простецкой, площадной, бытовой. Только не надо о том, что Пригодич почуял верхним звериным чутьем «приближающуюся волну народного гнева», заболел от страха медвежьей болезнью и шасть под патриотический кустик, позвольте, битте-дритте, опростаться. Я СВОИХ не сдаю, я констатирую. Романы серИозные, стихи, симфоническую музыку, непродаемые картины люди пишут и писать будут потому, в частности, что они ничего другого не умеют, да и переквалифицироваться в продавцов колготок и жвачки не пожелают. Так мир устроен, простой и жесткий, милый и яростный, гнусный и грустный. Я о культуре речи (числительные перестали склонять, ударения ставятся, как попало, советский канцелярит заменился новомосковским «волапюком»), о массовом чтиве (только не подумай, читатель, что я импе-

ративно требую перестать наслаждаться Марининой и мгновенно наброситься на Томаса Манна и Милорада Павича – каждый читает все, что захочет, что по сердцу и карману), о компьютерном наборе, в сто раз увеличившем количество свехнелепых опечаток, о поспе оборзелой и т.д. список бесконечен. Пришел корпулентный молчаливый вселенский Пошляк, харкнул, и мы все по шею утонули, открыл дверь на мороз, мы и замерзли-примерзли-вмерзли с потрохами.

А чего же Солженицын алчет-взыскует, а? А того же, чего все остальные «человеки» на свете: Царствия Небесного. Только одни люди жаждут Царствия Небесного на Земле (земле) сейчас, сегодня (на крайний случай завтра – послезавтра таких миллиарды), а иные хотят Царствия Небесного в Царствии Небесном (список исключительно краток раз – два и обчелся). Вот и всё.

Скажу своим корешам-либералам, что Сталин не был ни уголовником, ни параноиком. А был он человеком, как все (как Ты и я, читатель), но, в отличие от нас, робких обывателей (хорошее слово, это большевики внесли в его значение уничижительные смысловые обертона), увлеченным судьбой, роком, фатумом, Провидением, Богом на **ложный, безумный, кровавый** путь принудительного «осчастливливания» глупого человечества посредством изменения миропорядка, нагромождения насилия ради мрачных теорий и светлых идеалов, войн, мятежей и казней, казней, казней. Он навсегда останется в ужасном, пугающем и заворачиваю-

щем ряду таких персон, как Цинь Шихуанди, Александр Македонский, Цезарь, Чингисхан Тамерлан, Наполеон, Ленин, Троцкий, Гитлер. Но он превосходит их всех немислимым масштабом злодеяний: Шива-истребитель в магическом танце. Впрочем, по сравнению с Лениным, Троцким, Гитлером, Сталиным, все вышеперечисленные «злодеи» дошколята.

Хотят люди «твердой руки», жаждут лизать сапоги вождя, целовать руку в крови, мечтают о «равном распределении убожества» (Черчилль) для всех. И ничего с этим не поделать. Братья и сестры! Коммунизм-социализм, коллективизм, соборность, называйте, как хотите, всегда приводит на Руси к жесточайшей несвободе, к ГУЛАГу (в любой модифицированной форме) и к карточной системе (все потрясения мгновенно сопровождаются тем, что нечего становится «покушать» и задницу прикрыть нечем). Напомню едкую шутку Андрея Белого 1921 г., мол, в царстве социализма и материализма напрочь исчезла материя (здесь это не философский термин).

О романе Пелевина «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда». В Совдепии жизнь была уютней и проще. Окончил школу на тройки, поступил на тройки в технический ВУЗ, окончил на тройки – распределили в конструкторское бюро в «ящик» либо на завод (Господи, никогда я, убогий, на заводе не был). Никаких тебе «стран проживания», «видов на жительство», получения гражданства, банков-фирм, американских университетов и т.д. Оклад:

100-105-110 рублей, плевать на то, хороший ты инженер либо хреновый. Прошло лет пять: на работу не опаздываешь, антисоветскую литературу не распространяешь (включая «Дхаммападу» и «Бхагавадгиту; кто забыл – кришнаитов сажали, как репку), едешь на овощебазу, носишь на демонстрациях портреты членов незабвенного Политбюро – старший инженер. Жалованье повысили, в партию родную приняли, путевки дают – рай. Детишки подросли – и им путевки в пионерлагерь. Лет через пятнадцать квартира даром (не ты ее заработал кровью и потом). И никто никогда тебя с работы не уволит. Тут и пенсия скоренько подкатывает: 132 рублика; мало, но с голоду копыта не отбросишь. Правда, и евпатридом не станешь. Соблюдай дхарму развитого социализма: до коммунизма – рукой подать. Нонеча постсоветский человек выброшен на вологодский мороз или калифорнийскую жару и сладко грезит о былом.

Друг мой высокий, представь себе, что, повалявшись чашка три на пляжном песочке, выпив четыре бутылочки пенного пивка «Сансара», поглазев на пучеглазых девок со свиными лядвиями, ты сдуру, от нечего делать, покупаешь у вульгарного зазывалы билет в балаган под открытым небом (типа сочинского «Летнего театра»). Вошел, взял в буфете баночку джин-тоника «Тримурти» и пакет чипсов «Амитаба», сел. Начинается концерт-солянка. Ну, занафталиненные поп-дивы поют под «фанеру» и силиконовыми титьками трясут. Скукота. Хор пейсатых дядек зычно поет «Тум... бала-

лайку». Не сахар. Занавес. Перемена декораций. Сцена разъезжается. Пара сотен солистов Краснознаменного хора Советской Армии громоподобно, так, что колонны, устремленные в небо, сотрясаются, заводят любимую песню моего детства: «Сталин – наше знамя боевое». Занято. Тут высказывают юмористы-речетворцы в потертых пиджаках, густо осыпанных перхотью, и несут такую околесицу препрошлейшую, что мухидохнут и блевать до головокружения хочется. Айн-цвай-драй. Сцена вновь подвергается деконструкции: выезжает оркестр Мариинского театра и под водительством Валерия Гергиева «урезывает» «Полет Валькирий» из оперы Лао-цзы «Дао дэ цзин». Гаснет свет, зал трансформируется в сцену, сцена – в зал, зрители и музыканты, сбросив телесную хитиновую оболочку, в обнимку неспешно отправляются в «Паломничество на Восток» под ледяным ветром «нечеловеческой музыки» (В.И. Ленин), которая, оказывается, сама себя продуцирует. Концерт окончен. Дальше все, как у В.В. Розанова.

Казаки круговые! Пора сказать вот что. Многие из нас считают буддизм (про махаяну – хинаяну – молчок) – особенно в тибетском изводе – этической системой, религией без Бога, голливудской интеллектуальной забавой, сладким духовным утешением климактерических дам и пр. Экий Далай-Лама – какой нежный, милый, культурный, на двадцати языках шпрехает, Достоевского читал и руки, как Маяковский, все время моет, убоины не кушает и собачек любит.

Боязно, но скажу. Нежная улыбка Далай-Ламы, как покрывало Изида, по сей день скрывает кровавые языческие ритуалы (человекоубийственные и жесточайшие). Да-с, страдание и освобождение. Многие об этом знают, но немногие пописывают. И я заткнусь. Бесовидение и бесоодержание. Книгочей, я допускаю мысль, что ты в Бога не веруешь, но в бесов-то... выгляни в окно...

О книге Ирины Денежкиной «Дай мне». А о чем пишет-то Феклуша? Да о любви юношеской винной и невинной. Наше с маститым критиком поколение мучительно познавало Огненную Тайну Пола. Мы, как тетерева глупые, считали себя провозвестниками-протагонистами Сексуальной Революции. Почитал я мисс Денежкину и огорчился: у нас был просто-напросто местечковый сексуальный бунт (ну, баловались, баловались, конечно, но не так, не без страха и трепета). А эти дети, выросшие под рекламу кондомов-прокладок, балуются совсем иначе. Какая Тайна Пола сейчас – отстой и капец. Теория «стакана воды» бессмертной большевички мадам Коллонтай (соитие – драматическое ВСЕГДА – у нее – как стакан кока-колы выпить) живет и побеждает. Однако страдают дети, как все дети, мужая и болея, больше нас. Пошлейшая романтика была для нас сладким обманом-туманом-диваном. Вика, я все помню, но в отличие от Тебя ничего не расскажу. И еще впал я в изумление трансцендентное вот по какому поводу. Мы пили безмерно в студенческие годы, но работали: писали конспекты, курсовые,

которые потом были опубликованы в академических изданиях, Виктор Леонидович, в частности, переводил Рильке, П.Целана и т.д. А эти – новые – ни хрена не делают, «бухают», баклуши бьют и бессистемно случаются, как «кролы» М.Б.Ходорковского. Исполать дети, правда, расплата за эти легкие дионисийские игры бывает тяжелой, хароново-церберской («На выбор – кладбище, дурдом»).

В мягком пультмановском вагоне либеральной политкорректности мы «въехали» в XXI столетие. Рухнула Красная Империя, будущее представлялось безоблачным и тщательно спроектированным. Помните знаменитую статью Френсиса Фукуямы «Конец истории?», наделавшую в минувшем десятилетии много шума. Увы, раскаленная цепь мирового терроризма ударила всех – «одним концом по барину, другим – по мужику» (Н.Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»»). В том-то и ужас (в античном понимании), что сегодня в мире никому не **хорошо** жить. В давние времена цивилизационные конфликты и войны разрешались (не всегда, разумеется) более или менее **мирно**. Например, болгары-тюрки, покорив славянские племена на Балканах, слились с побежденными, усвоили их язык, приняли православие, так и появилась Болгария.

Нелюди, взрывающие ни в чем не повинных людей, не способны ни на какое слияние языков и культур, симбиоз народов. Они не просто отрицают наши устои, культуру, верования и обычаи, они отрицают **нас**, наше право на про-

стую обывательскую жизнь. Перед цивилизованными странами (является ли таковой Русь-Матушка – большой вопрос) возникает огненная, в багровых сполохах дилемма: «Кто – кого» (Ленин).

О романе Пелевина «Священная книга оборотня». Отличная книга, пахнущая гиацинтами и фекалиями, ладаном и серой, кровью и потом, завораживающая, плутовская, сверхсложная и сверхпростая, пузырящаяся, как расплавленное стекло, подернутая туманом, как плоское озерцо «седым утром». Виктор Олегович – редкостное, драгоценное, узорчатое украшение современной отечественной словесности. Всё...

О письмах отца к матери. Я отобрал для публикации немного писем (всего их около ста), ибо они монотонны, как кружение чичиковской брички по губернской распутице. В них нет описаний сражений, воинских подвигов, лишений, любви к Сталину и партии, клокочущей ненависти к врагу, призывов к мести и т.д. Любящий военный врач пишет любимой жене в блокадный Ленинград. Какова же тематика-проблематика писем? Люблю, люблю, люблю, береги себя, держись, выслал деньги, устал, много раненых, долг, стоицизм и т.д. Никакого пафоса, никакой героики, нервозности, истерии. Все четко, ясно, просветленно (читатель, ей-Богу, похоже на самурайские письма). Все согрето высокой любовью и высокой надеждой на грядущую встречу.

Новейшая русская литература давно оплакана и похоро-

нена критиками всех мастей-направлений: мол, советская литература была «доброй» и «человечной», а нынешняя – злая и бесчеловечная. Вранье это все: литература может быть или хорошей, или плохой. Третьего не дано. В литературном языке происходят тектонические сдвиги, подсознательные языковые, речевые вулканы производят мощные словесные выбросы в океан художественной прозы. Литературный язык медленно и неотвратно изменяется. Новаторство таких прозаиков-речетворцев, как Т.Толстая, В.Пелевин, В.Сорокин, П.Крусанов, М.Шишкин, победоносно и неоспоримо (только мелкие завистники-дилетанты могут это опровергать).

О романе Надежды Муравьевой «Майя». Наша эпоха весьма напоминает Серебряный век: слом сознания, политических, литературных, поведенческих стереотипов, системы ценностей, языка, мировидения, миропонимания. В романе «юноши со взорами горящими» самозабвенно ведут разговоры о России, о народе, о Марксе, о Фрейде, о путях насильственного изменения «режима» (анархисты-коммунисты). Читатель, это ничего Тебе не напоминает, а?

Вот, те «мальчики» «проболтали» небывалую в человеческой истории Российскую Империю. Ее жаль до слез. Помнишь, читатель, хрестоматийную фразу Сони из чеховского «Дяди Вани»: «Мы увидим небо в алмазах». Героиня пьесы, если бы она выжила в трех русских революциях, пережила красный террор, то увидела бы «небо в алмазах» на восьмом

десятке жизни сквозь решетку «столыпинского вагона» для заключенных. Мои дедушки-бабушки принадлежали к этой поросли русских людей.

Мое поколение «проболтало» Красную Империю, ушедшую на дно, как взорвавшаяся атомная субмарина. Ее не жаль. И сейчас русские мальчики ведут полубредовые, озаренные кровавыми сполохами, разговоры, уповая на мистико-большевистскую утопию. По словам замечательного, безвременно ушедшего питерского поэта Виктора Кривулина: «Это – продолжение горячего спора, затеянного еще Вл.Соловьевым и подхваченного лагерными дискуссиями на Соловках и Колыме, в русском Берлине, Праге и Париже».

Однако, если «новые» мальчики «проболтают» молодую, больную, но выздоравливающую, наливающуюся соком свободную Россию-Барышню, то случится вселенская (на сей раз) катастрофа, которая утащит в свою «черную дыру» не только мальчиков и дедушек, но все человечество, весь мир. Ох, зря детям достойные дяденьки рассказывают жестокие сказки о «левом повороте», ох, зря...

Вопреки коммунистическим безумствам, тюрьмам, расстрелам, чудовищному прессингу гуманитарии сумели сохранить культуру. Когда-то я писал: «Древняя Русь, история античности, всего древнего мира, история западных философии и искусства, изучение Серебряного века (в первую очередь) – это были добротные «убежища» от советской власти со всеми ее неописуемыми и очень опасными прибаббаса-

ми». Не стало советской власти, не стало, как мне казалось (и не только мне), и гуманитаристики. Вместе с Красной Империей, как я думал, ушла под воду великая русская гуманитарная культура. (Вообще-то произносить смазливые слова (Набоков) «культура», «духовность» следует с чрезвычайной осторожностью, чтобы не «рассыропиться», как говаривал Базаров). Еще недавно представлялось, что «катакомбные светы» (Брюсов) передать НЕКОМУ. Неправда, мы передали культуру в хорошие, добрые руки. Это я о книге Надежды Муравьевой «Майя». Ее первый роман – не первый «блин», который, как известно... Душевно желаю молодой писательнице милостей Аполлона и козы Амалфеи...

О романе Дена Брауна «Ангелы и демоны». Римский престол ведет из века в век тайную войну с иллюминатами и масонами, терпит поражения, но и победы бывают нередко. Этой жестокой, вероломной, непримиримой, скрытой войне и посвящен роман «Ангелы и демоны». Вообще тотальному обмирщению, шаткому положению религии (в данном случае католицизма), истончению ее влияния, утрате христианской морали в современном обезбоженном, самодовольном и кичливом мире писатель уделяет десятки блистательных страниц. Например, в тексте Конституции Европейского союза нет ни словечка о христианском фундаменте европейской цивилизации. Великая вера в великого Бога постепенно становится уделом маргиналов-неудачников. Что поделать! Мы не управляем тектоническими процессами, спровоциро-

ванными мрачными Молохом–Джаггернаутом Истории. Это вне нас. Напомню, что все это совершается с Божьего позволения.

Ноябрь 2006 г.

Александр Рашковский, Сергей Гречишкин. Сергей Миронович Киров

Любезный читатель!

Привет из Вятки и Петергофа. Горячо рекомендую замечательную публикацию известного вятского краеведа Александра Рашковского. Помните полемику, которую вызвали опубликованные им оперативные записи (доносы) вятского ОГПУ (вторая половина 1920-х годочков). Итак, новые материалы, извлеченные Александром Рашковским из архивных глубин («Из глубины»). Здесь идет речь о Сергее Мироновиче Кирове. Несколько строк в качестве «вступительной врезки» (профессиональное аргю).

Архивисты – особый тип людей, «человеци», вдыхавшие годами архивную пыль, ничем не отличаются от всех прочих, кроме специфической точности, скрупулезности и... честности. Архивист никогда не станет фальсифицировать ДОКУМЕНТ, в отличие, скажем от историка-интерпретатора с партбилетом (пущай – и «Единой России»). Не врут архивисты по определению. А другие – врут, да еще как.

Хозяин птичника заметил, что ПЕРЕПЕЧАТЫВАЛИСЬ отдельные неугодные страницы газет. Было такое («Правда», прежде всего). Я видел такие номера (они чуть-чуть отлича-

лись по цвету) в газетном зале Библиотеки академии наук, когда, к примеру, искал некрологическую заметку об Андрее Белом (январь 1934 г.), подписанную Б.Пильняком, Б.Пастернаком и Г.Санниковым... и... нашел. Пильняк был расстрелян, книги его изъяты... Но эту полосу оставили: чепуха, какой-то Андрей Белый. Газету «Правда» можно было заказать запросто, а вот ту же газету за 1939-1941 гг. только по специальному «отношению» – разрешению.

Костриков-Киров... Миф об этом человеке живуч неимоверно. Матушка моя покойная любила Государя, Ленина и Кирова (одновременно). Когда я ей рассказывал про реки крови, пролитые этим нечеловеком на Кавказе, в Астрахани и прочая, и прочая, и прочая, она всегда говорила, нет, это Свердлов и Троцкий. А Киров, мол, был честный, добрый, ходил по Каменноостровскому проспекту с собакой без охраны (!!!!!) и т.д. Людям помогал, всех любил, ну, чистый типа Франциск Ассизский. Да и сейчас аккуратные, бедствующие, с голубыми сединами старушки скажут вам то же самое. Все эти люди, включая моих родителей, были уверены в том, что плохой Сталин убил расчудесного Кирова. Один паук сожрал другого паука. Помните, охраной Сталина командовал чекист с «говорящей» фамилией Паукер (потом, разумеется, был расстрелян).

Автор публикации не упоминает о волне казней бессудных и высылков незаконных, последовавших после убийства ленинградского вождя. Были убиты тысячи и высланы десят-

ки тысяч (знаменитая «дворянская высылка»). Знал я двух легендарных дам великого ума: Юлию Павловну Фехнер (девушка, которая принесла ветвь зеленую поэту – гениальная поэма Андрея Белого «Первое свидание) и Ольгу Николаевну Арбенину (знаменитую петербургскую-петроградскую красавицу, которой Мандельштам посвятил (среди многих) стихотворение «За то, что я руки твои не сумел удержать»). Так вот эти Женщины (с большой буквы) бежали на следующий день после убийства Кирова (одна – на Урал, вторая – в Сибирь – и спаслись). Тамошнему НКВД было не до них, своих врагов народа было «навалом».

Еще Кирова любили пидарасы-шестидесятники, мечтавшие о возвращении к «ленинским нормам» (т.е. просто-напросто к кровавому «беспределу» – модное сейчас словечко), и строившие умозрительные конструкции, мол, если бы Киров сменил на посту Генерального секретаря Сталина, то был бы рай и «благорастворение воздуха». В грамматике истории нет сослагательного наклонения, однако, смею думать, что было бы еще хуже...

В сенсационной (кто разумеет) публикации Александра Рашковского Киров преподнесен в «развитии». Мальчик из простой, но почтенной семьи, певший в церковном хоре, старательно учившийся в Механико-техническом училище ПОСТЕПЕННО становится палачом и садистом.

Читатель, вспомни школьный курс истории литературы. Раскольников, убивший двух несчастных старушек (подлин-

ное уголовное дело августа 1865 г.; в Москве приказчик Герасим Чистов зарубил топором кухарку и прачку; Достоевский прочитал об этом в газетах; слава Богу, помню еще кое-что), отдается в руки правосудия, на каторге, раскаивается и (см. «Эпилог» романа). Однако Федору Михайловичу и в «ум прийти» не могло, что люди убьют миллионы людей и... даже гузно не почешут. Все это предсказано-предвидено в «Бесах».

Крестильная запись, детство, учеба... Меня, как начинающего литератора, чрезвычайно заинтересовала критическая «деятельность», которую вел Киров во владикавказской газете «Терек» (1909-1918). Статьйки пописывал театральные и критические. Панегирические статьи о Толстом. Читатель, знаешь ли ты, что к концу 1920-х годов все толстовцы (все до единого) были арестованы. Я застал еще в живых стариков-толстовцев, вернувшихся из лагерей. Истинное развитие творческое толстовского духовного наследия.

В мае 1911 г. Костриков-Киров публикует статью, посвященную столетию со дня рождения Виссариона Белинского (читатель, не гневайся, вот уж был мудака стоеросовый; Блок замечательно сказал о нем: «белый генерал русской интеллигенции», клеймивший...). В заметке даровитый автор приводит знаменитую резолюцию Государя Николая Павловича: «Должно повиноваться, а не рассуждать». Далее пишет: «Эта лаконичная запись царя с беспредельной циничностью выражает» и т.д. Прошло совсем не много лет и свободолоб-

цы-правдолюбцы начнут массивно убивать «повиновавшихся» – в первую очередь.

Привлекает внимание и статья (панегирическая) к десятой годовщине смерти Н.К.Михайловского (тоже был му-дак тяжелый, прямой наследник Чернышевского, однако, натуральный тогдашний «властитель дум»). Вот здесь Сергей Миронович дал Маху (философ, объект зубодробительной критики Ильича в гениальной работе... все конспектировали, все помнят, а кто не конспектировал, тому и знать не нужно), обнажил свою мелкобуржуазную сущность, оппортунизм и «хвостизм» (дивное ленинское словечко). Владимир Ильич (никому неизвестный) в своей первой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (надеюсь, память меня не подвела) называет мастодонта Михайловского (тот еще жив-живехонек), лидера революционного движения, влиятельнейшего идеолога – «дураком» – и не раз. Не знал, не знал Миронович работу Ильича...

Читатель, много еще любопытного ты почерпнешь из материалов Александра Рашковского. Читай, думай, спорь.

Можно с уверенностью сказать, пишет ученый Ростовского университета Всеволод Боянович, что интерес к литературе, искусству, театру с годами у Кирова возрастал, приобретая профессиональный характер. В детстве он много читал. Проявлял равнодушие к поэзии. В архиве Кирова хранится несколько листков со стихотворениями юноши Кострико-

ва, кстати, о происхождении фамилии Костриков. "Кострика" – отходы льна после трепания – А.Р.).

КТО БЫЛИ РОДИТЕЛИ СЕРГЕЯ КОСТРИКОВА?

Мать Сергея Кострикова – Екатерина Кузьминична родилась в селении Витлы Уржумского уезда Вятской губернии в 1859 г. Её отец – Кузьма Николаевич Казанцев, православный по вероисповеданию, был зажиточным крестьянином. Его жена и старший сын умерли и похоронены на кладбище селения Витлы во время эпидемии холеры.

После смерти жены и сына Кузьма Николаевич решил вместе с маленькой дочкой перебраться в уездный город Уржум. Здесь он построил большой дом – пятистенник (то есть со стеной посередине дома). Одна часть его была одноэтажная. Там жил Казанцев с дочкой. Другая – двухэтажная: второй этаж для постояльцев, первый – для ямщиков. Дом окружал высокий забор, за ним находились дворовые постройки: амбар, баня, сарай для лошадиной сбруи, два сарая для сена и две конюшни для лошадей и коров. Этот дом сохранился до настоящего времени.

Отец Сергея Кострикова – Мирон Иванович родился в селе Залазино Глазовского уезда Вятской губернии в 1852 г. В том же году его крестили в церкви Залазино. В метрической книге Залазинской церкви отмечено, что родители – православные.

Мать Мирона Ивановича Мелания Авдеевна родилась тоже в Залазино 1 января 1825 г. Её родители – православ-

ные. В этой же церкви 7 февраля 1843 г. состоялось венчание Мелании Авдеевны с Иваном Пантелеимоновичем Костриковым, крепостным крестьянином помещика, имевшего землю и поместье недалеко от Глазово. У него и работал конторщиком отец Мирона Ивановича. Но спустя пять лет после свадьбы помещик сдаёт Ивана Пантелеимоновича за какую-то провинность в солдаты, и отправляют его служить на Кавказ, где в 1854 г. он умирает от малярии. Жена его получает официальное извещение, три рубля пенсии как вдова солдата.

Было Меланье Авдеевне в то время 29 лет. И пошла она в люди – мыть полы, стирать бельё, работать прислугой. С ней вместе всегда находился её сын Мирон.

Однако ей скоро удалось устроиться вместе с сыном няней в дом богатого лесничего Антошевского, с семьёй которого она и сын переезжают жить в Уржум. Здесь с помощью своего покровителя, который становится мировым судьёй, Меланья Авдеевна записывает Мирона в мещанское сословие и устраивает на работу в лесничество писцом. Бракосочетание Екатерины Кузьминичны и Мирона Ивановича состоялась в Уржумской Воскресенской церкви 19 января 1875 г. Мирон Иванович переехал жить в дом тестя. В этом доме у них родилось 7 детей. В живых осталось только трое: Анна (1883 г.р.), Елизавета (1889 г.р.) и Сергей (1886 г.р.).

В Метрической книге Воскресенской церкви за 1886 год читаем: "Мужеска пола запись 13, рождения Мартъ 15 крещения 19, именем Сергей, родители: города Уржума Мещанин Миронъ Ивановъ Костриковъ и законная жена Екатерина Космина Казанцева, оба православные.

Священникъ Павелъ Свечниковъ, диаконъ Иоанн Бердниковъ, псаломщикъ Петръ Галицкий".

К моменту рождения Сергея в 1885 г. умирает Кузьма Николаевич Казанцев. Управление его имуществом переходит к его зятю – Мирону. Но это у него получалось плохо, к тому же он пристрастился к водке, картежным играм и стал иногда поколачивать свою жену, а в середине 90-х годов вообще уходит из дома на заработки за лёгкими деньгами. И Екатерина Кузьминична, выросшая в благополучном зажиточном доме, женщина религиозная, трудолюбивая и честная, осталась с тремя ребятами без средств к существованию. Тогда она сдаёт двухэтажную часть дома, а сама становится приходящей прислугой и прачкой.

Свою половину дома она содержит чисто, дети вымыты, накормлены, хотя зимой, кроме Анны, никто не выходит на улицу – не было ни валенок, ни тёплого пальто.

Умерла Екатерина Кузьминична 11 декабря 1894 г. А в начале XX века вернулся в Уржум Мирон. Но дети и его мать Меланья Авдеевна его в дом не приняли. Жил он у чужих людей. Занимался тем, что ходил по домам: пилил и колол

дрова. Умер он в 1915 г. После смерти Екатерины Кузьминичны в дом к осиротевшим детям пришла жить их родная бабушка по отцу – Мелания Авдеевна. Спокойная, мудрая, умная, прекрасная сказочница и певунья, она стала для детей добрым другом и воспитателем. Но троих детей ей было на старости лет содержать трудно. И тогда по совету семьи Антошевских она отдаёт мальчика Сергея в приют.

Отданный в приют Сергей Костриков начинает новую для себя жизнь – вдали от родных, ибо первые два года приютских детей не отпускали по воскресеньям домой. Единственными радостями для Серёжи стало чтение книг, посещение церкви, пение в церковном хоре и беседы с отцом Константином. А через два года жизни в приюте Сергея на праздники стали отпускать домой, в приюте его навещали сёстры.

В 1898 году Сергей поступил в городское училище Уржума. О том, как там хорошо учили русскому языку и литературе, говорит программа праздника в честь 100-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, проходившего в училище 26 мая 1899 года. Вот эта программа (ГАКО, ф.874, оп.1, д.74).

1. Русский народный гимн в исполнении хора училища.
2. Биография А.С. Пушкина в докладе учителя-инспектора училища.
3. Кантаты в честь А.С. Пушкина:
– на слова И. Глокке, музыка Г. Прибик в исполнении хора;

- «Памятник» в исполнении учащегося 5 отд. Андроникова;
- «Гонец» в исполнении учащегося 3 отд. Карташева.
- 4. Юбилейная песнь А.С. Пушкина. Музыка Г.А. Казаченко в исполнении хора.
- 5. «Убиение царевича Дмитрия» в исполнении учащегося 4 отд. Потапова.
- 6. «Монолог Пимена» в исполнении учащегося 6 отд. Горбунова.
- 7. Свадебный хор из оперы Даргомыжского «Русалка» в исполнении хора.
- 8. «Брожу ли я вдоль улиц шумных» в исполнении учащегося 4 отд. Келермана.
- 9. «Памяти Пушкина», музыка Лисицина в исполнении хора.
- 10. «Полтавский бой» в исполнении учащегося 3 отд. Кузнецова.
- 11. «Заздравный хор» из оперы «Русалка» в исполнении хора.
- 12. «Кочубей в темнице» в исполнении учащихся Андроникова, Попова и Ратова.
- 13. Гимн А. С. Пушкину в исполнении хора.

Все музыкальные пьесы исполнялись в сопровождении рояля. По окончании музыкального вечера учащимся был подан чай и розданы лакомства.

Фундаментальная библиотека училища выписывала мно-

го журналов, в том числе: «Вестник воспитания», «Исторический вестник», «Природа и люди», «Нива», «Свет», «Воспитание и обучение», «Педагогический листок», «Детское чтение», «Детский отдых», «Родник» и «Всходы». Библиотека выписывала много книг, а также получала немало книг в дар от жителей города (ГАКО, ф.874, оп.1, д.58).

1 июня 1900 года Сергей Костриков, вместе со всеми учащимися училища, присутствовал на освящении нового собора Уржума. По этому случаю в училище были даже перенесены экзамены. Учился Сергей хорошо и по окончании каждого учебного года награждался похвальным листом и книгами.

В 1901 году, по ходатайству воспитателей приюта и учителей городского училища, Сергея Кострикова направляют учиться в Казанское низшее механико-техническое училище за счёт земства и Попечительского фонда училища. Так он впервые оказался в Казани. Отвозил его туда лично председатель Попечительского фонда училища Пильнер. Жил Сергей в кухне за занавеской у сестры Пильнера, где спал на сундуке. Окончил механико-техническое училище Сергей Костриков в числе лучших пяти учеников.

Недавно в Интернете появилась статья некоего Метса из газеты «Новый Петербург», где он пытается доказать еврейское происхождение Сергея Кострикова, ссылаясь при этом на каких-то мифических уржумских персонажей. Это, ко-

нечно, полная чушь. В то время, когда Сергей Костриков проживал в Уржуме, как удалось выяснить местному краеведу Владимиру Ветлужских, в городе жила всего одна еврейская семья – семья городского нотариуса. В подтверждение этого приведем следующий статистический материал (ГАКО, ф.582, оп.26, д.1505, л.21-22). В рапорте Уржумского уездного исправника от 14 марта 1880 год указано, что в городе Уржуме евреи не проживают, а во всем уезде проживает три еврейских семьи мастеров уездных винокуренных заводов. Во всей Вятской губернии в 1880 году проживало 108 еврейских семей, из них 59 в городах губернии, а 49 в уездах (там же, л.36-38).

Из Казани в 1904 году Сергей уехал учиться в Томск на инженера-механика и больше никогда в Уржум не приезжал. В Вятке он вообще ни разу не был, т.к. в Казань из Уржума в то время все ездили на пароходе. Более того, Сергей, после отъезда в Томск, ни разу не встречался со своими родными сёстрами. Последнее письмо-открытку он им послал по дороге во Владикавказ в 1909 году, когда бежал из Сибири.

Впервые сестры узнали, что Киров это Сергей Костриков, как рассказывал его племянник, журналист Константин Верхотин, только после его смерти в декабре 1934 года. Встретились сёстры с братом уже на похоронах Кирова в Москве. В 1950-х годах обе сестры, приезжая в Ленинград, обязательно бывали в музее С.М. Кирова во дворце Кшесинской. Умерли сестры Кирова в 1966 году.

Киров выразил свое отношение к литературе и театральному искусству в годы журналистской работы во Владикавказе с 1909 по 1918 год. Газета "Терек" помещала рецензии Кирова на спектакли местного городского театра и гастролирующих трупп. Боянович собрал около 50 рецензий. Особый интерес представляют его литературно – критические статьи, посвященные В.Г.Белинскому, А.И.Герцену, Т.Г.Шевченко, Л.Н.Толстому, М.Е.Салтыкову-Щедрину, Ф.М.Достоевскому, А.П.Чехову, А.М.Горькому и др.

В письмах 1911-1912 годов, адресованных будущей жене Марии Маркус, Киров много и интересно писал о Достоевском, Андрееве, Чехове, Гл. Успенском, Горьком. Впоследствии, после его трагической смерти, сестра жены С.М. Кирова, Софья Маркус написала для музея в городе Орджоникидзе воспоминания. Есть там такие слова: «Многие письма ... – это интереснейшие, ярко написанные лекции о двух направлениях в литературе. Сергей Миронович, характеризуя формализм и реализм в литературе, обнаруживает колоссальную эрудицию в этой области. Он знал в мельчайших деталях произведения русских писателей: Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, М. Горького, Л. Андреева и других...».

Вскоре по приезде во Владикавказ (1909 г.) состоялось близкое знакомство С.М. Кирова с Евгением Вахтанговым. Встречались они на репетициях самодеятельного дра-

матического кружка, которым руководил молодой Вахтангов. Вели беседы о сценическом искусстве, о большом назначении его в обществе. Вахтангов положительно отзывался о театральных рецензиях Кирова. Видел в них оценку спектакля, данную человеком знающим, глубоко и сильно чувствующим искусство.

Киров был активным зрителем городского драматического театра. Как театральный обозреватель газеты «Терека», он имел постоянное место во втором ряду партера, хорошо знал артистов театра и со многими из них дружил.

Театральные рецензии «Терека» того времени в основном принадлежали перу С.М. Кирова. Рубрика «Театр и музыка» была привычной для читателей газеты. Помещаемые под ней материалы отличались друг от друга не только размерами. Здесь были небольшие информации с общим отзывом о прошедшем спектакле или концерте, развернутые рецензии с выделением отдельных проблем сценического искусства, статьи с анализом характера и манеры игры ведущего артиста или актера-бенефицианта, очерки о творчестве признанного деятеля культуры. Под другой рубрикой – «Библиография» – Киров помещал рецензии на книги, альманахи, журналы. Публичные лекции, проводившиеся в городе, также получали его оценку.

В начале ноября 1910 года вся Россия была потрясена смертью Льва Николаевича Толстого. Столичные и провин-

циальные газеты, журналы заполнялись статьями, в которых люди разных взглядов выражали свое отношение к покойному писателю, к его богатому творческому наследию. «Терек» оперативно откликнулся на смерть Л. Н. Толстого. Вся третья страница газеты от 9 ноября 1910 года была посвящена памяти великого писателя.

С. М. Киров, живо интересовавшийся русской литературой, не мог не написать о Толстом, которого любил самоабвенно. Статья-некролог «Он не умер» выражает горечь утраты всего передового человечества. С душевным трепетом пишет Киров о бессмертии Л. Н. Толстого и его большой любви к народу: «Кто держал путеводный факел, освещавший дорогу всему миру, чье сердце болело скорбью всего человечества, кто жил, страдал и радовался за всех, кроме себя, тот не может умереть, тот будет жить в сердцах человечества и умрет вместе с ним...».

Через полгода Киров пишет вторую статью о Толстом («Забытая память», «Терек», № 4018 от 12.05.1911 г.). В ней уже нет общих рассуждений. Она конкретна и политически остра. Главная мысль сводится к тому, что официальная Россия стремится к забвению великого имени Толстого, тогда как неофициальная Россия воскресит память о писателе земли русской.

Развернутые рецензии С. М. Кирова на спектакли

«Анна Каренина» и «Власть тьмы», шедшие на сцене Владикавказского городского театра в 1910 и 1912 гг., есть не что иное, как продолжение разговора о Толстом, о непреходящей силе его могучего таланта и влияния. («Терек» , № 3905 от 21. 11. 1910 г.).

На постановку «Власть тьмы» Киров откликнулся рецензией, не менее показательной и своеобразной. Построена она по – иному. Об игре актеров здесь тоже идет речь. Но сказано об этом в конце и по соотношению с общим объемом – немного. Подавляющая часть рецензии-статьи посвящена общей оценке драмы Л.Н.Толстого, ее общественной значимости и актуальности. («Терек» от 11 мая 1912 г., № 4312).

Рассмотренные рецензии дают полное право сказать, что Киров любил театр, любил творчество Л.Н.Толстого, умел смотреть и оценивать спектакли.

Киров отдавал предпочтение писателям-реалистам, потому что их герои «гораздо понятнее и ближе», а сила их воздействия неоспоримо богаче и многограннее. Л.Н.Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров, Чехов, Горький – вот писатели, чьи произведения оказывали огромное влияние на мировоззрение Кирова, на выработку у него литературно-эстетического вкуса, политических и философских взглядов.

К столетию со дня рождения В. Г. Белинского, отмечавшегося всей печатью России в мае 1911 года, С. М. Киров откликнулся на страницах «Терека» пространной

статьей «Великий искатель». В тексте статьи Киров очень кстати использует резолюцию Николая I: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя». Эта лаконичная запись царя с беспредельной циничностью выражала истинное состояние общественной жизни российского государства. «Бюрократическая система была возведена на такой пьедестал, подходить к которому считалось преступлением против самого неба...». И вот нашелся человек, который смело и самозабвенно бросился на поиски истины. Этим человеком был В.Г.Белинский. Киров называет Белинского «Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма».

В 1928 году состоялось личное знакомство Кирова с Горьким. На следующий год Алексей Максимович дважды приезжал в Ленинград. Киров и Горький присутствовали на собрании городского профсоюзного актива, были свидетелями спуска на воду двух лесовозов со стапелей Балтийского завода, подолгу беседовали в гостинице, где остановился писатель. Между ними установились самые дружеские и деловые отношения. Большую поддержку и помощь оказал Киров Горькому как редактору издания «Жизнь замечательных людей».

В литературно-критическом наследии С.М. Кирова немалый интерес представляет внушительная по разме-

рам статья о Н.К. Михайловском, опубликованная к 10-летию со дня смерти известного литературного критика и социолога народнического направления. Статья начинается с укоризненного замечания о том, что «русские люди никогда не торопятся познать и изучить своих отечественных источников науки, знания и социального реформаторства». Хотя на это есть «достаточные» для русского общества причины оправдания, скрывающиеся все в тех же «особых условиях» русской жизни и общественности, – с некоторой горечью и иронией замечает автор статьи.

Киров видел в Н.К. Михайловском человека последовательных действий. Киров пишет: «Он не упускал ни одного случая, чтобы не подчеркнуть своей социальной точки зрения. И если он делал это больше всего только в полемике с марксизмом, то только потому, что в этом идейном течении он видел много реальных оснований, хотя и не говорил об этом определенно».

С.М. Киров был одаренным литератором, многогранной творческой натурой. Занятие литературно-критической деятельностью носило у него профессиональный характер. Его очерки, статьи, зарисовки, рецензии выполнены на высоком художественно-публицистическом уровне.

В Центральном партийном архиве Института марк-

сизма-ленинизма хранятся многие неопубликованные стихи, рассказы и пьесы Сергея Мироновича. В одном из тюремных писем, адресованном будущей жене, Киров делился планами написания романа "Из мира отверженных".

Все это свидетельствует о серьезных возможностях Кирова-литератора, которые не раскрылись в полную силу, не стали преобладающими только потому, что верх в жизни Кирова взяла революционно-партийная и государственная деятельность. Тогда он и продал душу дьяволу. Именно дьявол, который выступил против Б-га, и был первым в мире революционером. Когда Киров стал атеистом, установить, пока, не удалось. Этого не удалось установить и в отношении В.И. Ленина, который, находясь в ссылке в селе Шущенское, ходил в церковь и даже был крестным отцом народной артистки Анны Алексеевны Орочко. Известный актер Юлий Панич, который был учеником Орочко по театральному училищу при театре им. Е. Б. Вахтангова, вспоминает, что в квартире Анны Алексеевны на самом видном месте висела икона, подаренная ей Владимиром Ильичем при крещении. А ее крестной матерью была Н.К. Крупская.

Киров долго был меньшевиком, в своих статьях поддерживал Временное правительство, но, после Октябрьского переворота, переметнулся к большевикам и стал, впоследствии, одним из самых жестоких лидеров этой партии.

Именно по его приказам устраивались массовые расстре-

лы инакомыслящих при обороне Астрахани. Он же приказывал топить их целыми баржами, одним из первых применив этот большевистский метод расправ. Вот что рассказывал известный экономист Георгий Дерлугьян. Не в том вопрос, что в 1917 году радикальная группировка интеллигенции – большевики взяли власть. Они при нормальных условиях никогда не должны были взять власть. Однако нормальных условий не было. Как вы знаете, знаменитая фраза: власть валялась на земле. Но вопрос в другом – почему еще в девятнадцатом году они все еще у власти? Их должна была постичь судьба Парижской коммуны или всех революционеров. Их должны были через два-три месяца перевешать белогвардейские войска. Почему этого не произошло? В общем, три вещи были достигнуты, три вещи, которые задали весь Советский Союз на весь остаток его существования. Номенклатурная система назначения, которая позволила банки, газеты, профсоюзы, армию, прежде всего армию старого режима, поставить на службу новому. Номенклатура. По своему гениальное было бюрократическое изобретение. Второе – это экономика военных изъятий. Сегодня работы Терри Мартина, Холхвиста очень хорошо показывают, что продрозверстка большевистская была полностью взята из столыпинской реформы. В 1916 году Российская империя начала проводить продрозверстку, надо было кормить многомиллионную армию на фронте. Мужики не пахали, создалась колоссальная нехватка продовольствия. Продовольствие на-

до было изъять и централизованно направить на фронт. Керенский пытался приспособить эту систему к своим нуждам, но у него не хватало для этого ни жестокости, ни оправдания, ни военизированных отрядов. Но это сумели сделать большевики, благодаря номенклатурной системе. Номенклатура плюс столыпинская продразверстка. И третье изобретение, конечно, это национальные республики. Очень простой такой пример. Сегодня, конечно, много говорится про Чечню и чеченцев, но, в общем-то, чеченцы и ингуши спасли советскую власть в 1919 году, когда деникинцам оставалось сто верст до Москвы. Товарищи Киров и Орджоникидзе, остатки «железного потока», разбитого деникинцами в 1918 году, которые спасались в горах Ингушетии, провели месяц в богословской дискуссии с ингушскими и чеченскими стариками, сравнивая учение Мухаммеда и товарища Карла Маркса.

В конце концов, было принято решение признать четвертый рабоче-крестьянский полк под командованием Гикало армией газавата. Этот документ хранился в Грозненском музее до того, как его сожгли. Чеченский и ингушский отряды нанесли удар в тыл белым, в тот самый момент, когда Деникину отчаянно не хватало хотя бы пары дивизий для последнего броска на Москву. В ответ на это большевики начали создавать автономные республики для тех, кто им помогал. Точно также, кстати, был разбит Колчак, когда удалось башкирские отряды перетянуть на сторону советской власти. Правда, во время Великой Отечественной войны, большеви-

ки «отблагодарили» чеченцев и ингушей, выслав их в Казахстан.

Не все знают, что с 1926 года весь Северо-Западный край находился в его подчинении, а не только Ленинградская область. Киров курировал Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) и именно при нем там начались массовые расстрелы, в которых чудом уцелел академик Д.С. Лихачев. Киров курировал строительство Беломоро-Балтийского канала, при строительстве которого погибли сотни тысяч заключенных. Именно Киров, в погоне за личной популярностью, насильственно выселил из Ленинграда тысячи семей ученых и интеллигентов, поселив в их квартиры рабочих, создав в центре Ленинграда коммунальные квартиры, от которых город до сих пор не избавился. Киров руководил строительством горнодобывающих комбинатов на Кольском полуострове, где добывался апатит, и где также погибло очень много заключенных, которые и работали на большинстве строек того времени. Он был одним из самых рьяных проводников сталинской политики в нашей стране.

Почему именно на Кирова перепуганное большевистское руководство делало ставку в противовес Сталину? Наверно надеялись, что членов партии он уничтожать не будет. Правы ли они были, – кто теперь это сможет доказать?

После убийства, вождю было выгодно сделать из Кирова кристально честного и чистого большевика, чтобы, создав образ, не имеющий ничего общего с реальностью, оправдать

будущие репрессии. Именно по этой причине была быстро, фактически без суда, ликвидирована близкая подруга Кирова Мильда Драуле и вся ее семья, как нежелательные свидетели реальных событий его личной жизни.

Выгодно это было Хрущеву и всем последующим руководителям КПСС, чтобы показать, что было ленинское ядро ЦК, которое якобы боролось против нарушений, как тогда писали «ленинских норм партийной жизни». Все сталинское окружение было повязано на кровавых репрессиях и не было никакого ленинского ядра сопротивления репрессивной политике. Был обычный для властных структур «клубок змей», где все близкие к Сталину руководители грызли друг друга в смертельной схватке в борьбе за влияние на вождя.

Теперь сами решайте: жить ли вам в городе имени одного из жесточайших псевдонимов-большевиков, или жить в старинном городе Вятке. *Декабрь 2006 г.*

Нежная книга, или Книжная нежность

Возлюбленный читатель, на сей раз поговорим о совершенно своеобразной (точный эпитет) книге израильского писателя: **Лери Олфи. И встретишь ты в Земле твоей сестру свою. Записки начинающего альпиниста. Тель-Авив, 2006. 305 С.**

О жанре. Это не роман в привычном понимании, не мемуары, не дневник. Автор на последней странице признается, что его книга – «пролегомены» к роману. Ну, что такое пролегомены – даже сантехники, путаны, доярки и депутаты Государственной Думы знают. Книга может быть истолкована и как киносценарий (с монтажом аттракционов), исповедь (в руссоистском изводе), постмодернистский «артефакт», трагедия, трагедокомедия (как писали в старину). Кто прочитает, тот поймет «по-любому» (новейшее словечко – сорняк жгучий). А вот то, что бьет читателя кувалдой по башке: Лери пишет ритмизованной (ритмической) прозой. На самом простецком языке – «белым стихом». В наше время это – невероятная редкость. Сразу вспоминаются Андрей Белый, Алексей Ремизов, Борис Пильняк. Прежде всего, разумеется, ветхозаветная «Песнь Песней»... Такая проза, конечно, требует внимательного, вдумчивого и медлен-

ного чтения (книга – не детектив и не фэнтэзи). Язык Олфи – вязкий, густой, как сургуч, затягивает читателя с головой в вербальный омут.

О чем книга? Как о чем: о любви. Все книги на свете о любви. Вся квинтэссенция-проблематика мировой литературы сводится к «сухому остатку»: дала – не дала, взял – не взял. Даже великая советская литература с производственными романами и поэмами о строительстве социализма-коммунизма переливается волнами любви, правда, к коммунистической партии. Но о любви. Прости, читатель, в этом нет ничего осудительного, уничижительного. Все так, все именно так. Впрочем, все не так, все именно не так. Но мы сейчас не об этом.

Камертоном к книге служат пронзительные строки Зинаиды Гиппиус:

Любви мы платим нашей кровью,

Но верная душа – верна,

И любим мы одной любовью...

Любовь одна, как смерть одна (С. 100).

В обывательской-обыденной трактовке это означает, что «предметов любви» (Ау! Роман «Обломов» И.А.Гончарова) может быть много, а любовь одна.

Начав читать книгу, я первое время думал, что автор очень молод. Через несколько страниц понимаешь: повествование идет «от лица» человека, умудренного временем, судьбой, жизнью житейской, страданием, отковавшего дух в

сомнениях, соблазнах, падениях и «воспарениях». Здесь будет уместно вспомнить пресловутого «лирического героя», ибо герой книги и автор практически неразделимы.

Олфи создал гимн-пеан любви. В основе книги – трагедийная любовь героя к пленительной, загадочной, нежной и грубой, умной и глупой Ализе. Образ героини неуволимо напоминает прелестную Аркадину из чеховского «Вишневого сада». На эту возвышенную любовь к «Прекрасной Даме» туманом наплывает любовь к простой, земной и самоотверженной Маре. Имена героинь – говорящие: Ализа на иврите означает «веселая», Мара – «горькая». Подумаешь, скажет читатель, читывали мы такое, да и в кино видели. Не торопись, друг, книга – заводная шкатулка с магическим дном. Мелодия у музыкальной шкатулки – «тонкий эротизм», «тонкая эротика» (С. 119-120, 288). Мы так «накушались» всяческой разнузданной «порнухи-чернухи», что такую книгу прочесть, как чистой ключевой водицы испить.

«Прекрасная Дамы» дарит герою неслыханное счастье и неслыханную печаль. Название первой книги стихов Александра Блока многократно упоминается в романе. Читатель, задумывался ли ты о кощунственности блоковского заголовка: «Стихи о Прекрасной Деве» – ради Бога. Поэт, опасавшийся преследования духовной цензуры, вынужден был получать разрешение на опубликование сборника в Нижнем Новгороде, где служил цензором друг Андрея Белого – Э.К.Метнер (кто сейчас помнит Эмилия Карловича, фило-

софа, гетеанца – никто).

Существует бесчисленное количество определений-истолкований любви. Самое умное принадлежит ВЕЛИКОМУ сочинителю дамских романов Пьеру Бенуа, который творил в первые десятилетия прошлого века. Почему великому? Да потому, что он писал великие дамские романы. Книги Бенуа появились на лотках в угаре перестройки, а потом их в Лету снесло, видимо, безвозвратно. По мнению француза, любовь – предпочтение (да, да, преферанс – на французский лад так именуется карточная игра). Предпочтение во всем: в постели, в чаепитии, в разговорах, пристрастиях, политических воззрениях, литературных вкусах, интимных запахах и прочая, и прочая, и прочая. Жаль, что барышни, идущие с женихами под венец, никогда не задумываются о том, что с этим человеком пятьдесят лет придется завтракать, слушать его стенания по поводу дурного начальства и, главное, ходить в одну уборную.

Герои романа ПРЕДПОЧИТАЮТ друг друга на долгих семь лет. Столько лет длится эта греховная связь, адюльтер, как говаривали еще совсем недавно «барыни на вате», поединок, дуэль на ложе страсти и поле чести. Героине, увы, не 18 лет: у Ализы взрослая дочь, возлюбленная автора-героя замужем. Мужа она называет Сомс (да, да, персонаж «Саги о Форсайтах» Голсуорси). Любовь. Любовь. Любовь, от которой у читателя кружится голова, а из книги вырываются некие огненные бабочки-искры, больно ранящие душу.

Кто учился в советской школе, тот никогда не забудет школьное «литературоведение». Как старая училка, констатирую: образы героев «даны в развитии». Магический «ключ» к пониманию книги о запретной любви – замечательная фраза Бродского: «...Поедание всякого запретного плода сопряжено с чувством вины. И это продолжающееся чувство вины – как и самое творчество... приводит, как это ни парадоксально, к невероятному нравственному развитию индивидуума... к более высокой степени душевной тонкости» (Иосиф Бродский в разговорах с Соломоном Волковым) (С. 222-223). Вздохну сквозь дым сигаретки: Соломон, помните меня? Я Вас помню и люблю.

Кстати, умных людей (и писателей) – пруд пруди. Сто пудов, как теперь принято изъясняться. А культурных – очень мало. Лери Олфи – культурный человек, как в высоком, так и в обыденном понимании. Его собеседниками в книге являются Конфуций, Сократ, Марциал, Тертуллиан, Гегель, Тургенев, Виктор Гюго, Тютчев, Владимир Соловьев, Евгений Трубецкой, Зинаида Гиппиус, Рильке, Волошин, Гумилев, Ходасевич, Набоков, Карен Хорни, Дмитрий Лихачев, Ремарк, Сент-Экзюпери и так далее. Список гостей у Лери Олфи весьма просторен. Серебряной поварешкой щедро черпает он из супницы мировой культуры (так скажем). Какой суп! Какой запах! Какие корни и свежая зелень. Умная книга, нежная книга.

Приведу фрагмент частного письма Лери Олфи ко мне:

«И встретишь ты в Земле твоей сестру свою» – «роман-соприкосновение нового репатрианта (из России) с израильской реальностью, дольней и горней – Эросом парящим...

Речь также о способности к связи как уязвимости, об эмиграции как переживании сокровенного, как переживании-борьбе против невозможности жить – в навязанной жертвенности, лишенной магии смысла, о космологии и археологии любящей души, о добре, что под маской атологии». Лучше автора не скажешь. Обратите внимание: все – таки «роман»...

В книге много проникновенных рассуждений об Израиле, о судьбах Святой Земли и народа Божия, об эмиграции, как о кресте неподъемном, о медоносной сладости (и горькости) жизни на новой родине. Много страниц, согретых высоким уважением – приятием, Лери Олфи посвящает благословенной Болгарии, где он жил и много раз бывал, вспоминает героев освободительной борьбы против Оттоманской империи, обильно цитирует болгарских поэтов. Автор удивительно пишет о Святой Земле, о блистательном Париже, об испанской Барселоне, изукрашенной архитектурными безумствами Гауди...

Пора закругляться, а еще не все сказал об этой замечательной книге. В формате компактной заметки это невозможно.

Пустьячное исправление! Смазливую, лживую, бессовестную фразу: «Человек создан для счастья, как птица для поле-

та», – составил не Горький, а Короленко. Много, ох, как много крови пролилось по прямой вине этого прекраснородушно-го... Убивали безмерно для такого «счастья». Человек создан для горя, для грядущей жизни вечной, как преданная и беззаветная собачка Господня. Именно беззаветная...

Вот какие измышления-размышления вызвала у меня книга Лери Олфи. Читатель спросит: а почему «записки начинающего альпиниста»? Автор призывает читателя отправиться в трудническое восхождение на «горние» – горные вершины... (молчок). Намекну на пресловутую триаду: дух-душа-тело.

Не нужно думать, что в книге все так благостно, шоколадно-мармеладно, полное «благорастворение воздухов», умиление и воздыхание. Книга – жесткая, провокативная: в хорошем смысле – автор провоцирует постоянно читателя к жаркому спору с ним, иногда к отторжению-ниспровержению писательских воззрений, идей, жизненных установок, житейской позиции, эстетических предпочтений и т.д. Ты не просто читаешь книгу (мол, писатель пописывает, а автор почитывает), а все время пребываешь в споре с Лери Олфи, соглашаешься с ним, оппонируешь ему. Вот такая книга...

Петергоф. 20 января 2007 г.

Король литературный, или Королевская литература

Друг-читатель, поговорим неспешно о последнем (2006г.) «большом» романе самого популярного (в этом слове нет ничего плохого: не надо слушать высоколобых дураков) американского писателя. Итак: **Стивен Кинг. История Лизи. Перевод с английского В.А.Вебера. М.: Издательство АСТ. 2007. 632 С. Тираж 45 000 экземпляров.**

Несколько фраз об авторе (21 сентября 2007 г. ему исполнилось 60 лет). Стивена Эдмунда Кинга знают все (я не говорю: читают все). Он – автор свыше 40 романов, изданных под разными псевдонимами, сотен рассказов. Многие его романы экранизированы в Голливуде (вот эти фильмы смотрели все). Кинг – коронованный король таких жанрах, как триллер, хоррор, мистика, фантастика.

«История Лизи» – первое произведение Кинга, прочитанное мною с величайшим вниманием, выписками и т.д. Его книги раньше мне в руки не попадали. На этот роман любезно обратил мое внимание один литературный гран-сеньор (так скажем).

Как передать мои ощущения в двух словах: Большая Литература. Коллеги-критики сейчас наморщат лбы, мол, развлекательное чтиво, массовая культура, американская экс-

пансия в сфере словесности и т.д. Еще раз: «История Лизи» – Большая Литература. Стивен Кинг идет большим, проторенным большими писателя путем: от коммерческих безделок-поделок – к литературе большого замысла, больших задач, большого стиля, больших проблем, большого таланта, большого исполнения. В этом нет ничего сверхобычного. Первый пришедший на ум пример: восхождение юмориста Антоши Чехонте к великому А.П.Чехову. В таком направлении двигаются лакированные кареты выдающихся литераторов современности: Виктора Пелевина, Владимира Сорокина и Бориса Акунина. Накатили новые времена, посему "критик", не прочитав рецензируемой книги, загодя знает, что он напишет. А я – пишу – и не знаю.

Про что роман? Про нас с Тобой, читатель. Всю мировую литературу можно условно разделить на два гигантских книжных Монблана по важнейшему критерию: душа бессмертна – души нет; вечная жизнь есть – вечной жизни нет. Первому книжному Эвересту – минимум пять тысяч лет, второму – лет двести пятьдесят (если серьезно, то до французских просветителей ТАКОЕ толком и в голову не приходило).

Кинг утверждает: душа бессмертна, вечная жизнь есть. Читатель, в этом есть прозрачное бестелесное утешение.

Так вот, Кинг не просто декларирует ЭТО, не просто знает ЭТО, он ЭТО пережил, он ЭТО видел-слышал-нюхал. Напомню: 19 июня 1999 г. во время прогулки с собакой пи-

сатель был сбит автомашиной, получил тяжелейшие травмы (многие из них несовместимые с жизнью), перенес несколько серьезных операций, приобрел долгий и грустный больничный опыт. И только ТОГДА его визионерские погружения приобрели несравненную ясность, четкость и стереоскопичность.

Читатель, биржевые сводки, курсы акций, баксы, карьера, виски-кока-кола, водка-пиво и пиво-водка, попса, чтиво легкое, курсы валют, барышни "с газельными глазами", путешествия, развлечения и удовольствия непомерные и прочая, и прочая, и прочая – заплонили-заслонили мир и мир. Ничего не попишешь, и никакие камлания под гусли не спасут. Однако подобает мужам брадытым напоминать, что помимо вышперечисленного мир и мир полны демонов и духов, коих лучше не тревожит и не вызывать. Никто не видел "в натуре" кварки-нейтрино-кванты и т.д., а все в них верят. А бесов видели миллионы людей (каждый час лицезреют, но не "идентифицируют"), и никто не "верит".

Вот я и определил проблематику романа «История Лизи». Ничего себе развлекательное чтиво. Приоткрою занавес исповедадьни: в романе показан ад – если угодно, Элизиум, Тартар, Шеол и т.д. (Скотта, его жены Лизи, ее сестры Аманды), тот свет, инфернальный карнавал (так скажем), причем граница между нашим и ТЕМ светом эфемерна и проницаема. С церковной точки зрения: чистое бесоодержание и бесовидение. Царство теней у Кинга не ужасает, не пугает, не

парализует, а утешает, просветляет и наделяет целебной силой: «Сон – также и репетиция смерти, место, где могут быть грезы, но нет любви, нет дома, нет руки, которая сжимает твою, когда стая птиц мчится по горящему оранжевому небу на закате дня» (С. 315). Печаль моя светла...

О сюжете чрезвычайно кратко. Ненавижу критиков, кои в своих статьях в одном абзаце раскрывают сюжет рецензируемой книги. Один такой писака лишил меня удовольствия от чтения двух первоклассных романов Дэна Брауна.

Герой романа Стивена Кинга – американский писатель Скотт Лэндон (образ, разумеется, автобиографичен), любимец университетской публики. Он и его жена Лизи попадают в баснословную ситуацию, когда... Конец фильма. Больше ни слова. Роман зиждется, как симфония, на лейтмотивах, на нескольких «магических» словах: бул, кровь-бул, бум, Совиса, Мальчишеская Луна, пурпур, Длинный мальчик и т.д. Это не просто слова, это пугающие знаки-признаки...

Читатель, немного позабавлю Тебя. Как истинный интеллект, писатель и профессор-словесник Скотт постоянно употребляет обсценную (табуированную) лексику, именуемую ныне продвинутыми профурсетками «матными словами». Переводчик уморительно и умилительно смешно и робко подбирает цензурные комические аналоги: грёбаный и долбанный. Особенно меня поразило словечко: долбец (!!!). Ох, и много же ревнителей цензурированной благопристойности на свете.

Помимо громоподобной мистической «составляющей», в романе мощно звучит тема «трагизма мелочной жизни» (Чехов): семейной, супружеской, служебной и т.д. Мы никогда не задумываемся об этом и над этим, и слава Богу. Писатель грустно констатирует: «У каждой семейной пары, за плечами которой многолетняя совместная жизнь, два сердца, светлое и темное» (С. 516). В романе много скрывааемых обычно подробностей-частностей супружеской жизни (нет, нет, не постельной, а обыденно бытовой). Семейные проблемы спроецированы на семью Скотта – ужасающую и семью Лизи – обычную.

О чем еще роман? Как о чем? О любви: плотской, небесной, потусторонней. Существует бесчисленное количество истолкований любви. Самое умное принадлежит ВЕЛИКОМУ сочинителю дамских романов Пьеру Бенуа, который творил в первые десятилетия прошлого века. Почему великому? Да потому, что он писал великие дамские романы. Книги Бенуа появились на лотках в угаре перестройки, а потом их в Лету снесло, видимо, безвозвратно. По мнению француза, любовь – предпочтение (да, да, преферанс – на французский лад так именуется карточная игра). Предпочтение во всем: в постели, в чаепитии, в разговорах, пристрастиях, политических воззрениях, литературных вкусах, интимных запахах и прочая, и прочая, и прочая. Жаль, что барышни, идущие с женихами под венец, никогда не задумываются о том, что с этим человеком пятьдесят лет придется

завтракать, слушать его стенания по поводу дурного начальства и, главное, ходить в одну уборную.

Про уборную. Грустная шутка Стивена Кинга: «Людям нельзя разрешать строить дома с более чем двумя туалетами. Если их больше, люди начинают мнить себя великими» (С. 100). Читатель, возри окрест...

Роман «История Лизи» можно определить, как поэму, симфонию, пеан, дифирамб жертвенной, самоотверженной любви Женщины (с «большой» буквы), сотворительнице всего сущего. Заурядная (якобы) официантка Лизи, став женой прославленного романиста, держит в своих нежных пальчиках и его жизнь, и его карьеру.

Пора закругляться. Долго я подступал к этой линии в романе и сейчас скажу с неким терзанием душевным. Книга, как лекарство великое, помогает читателю в сражениях с кошмарами-сновидениями. Почему? Потому, что непомерные кошмары Скотта Лэндона стали явью... Упаси нас, Боже, от такого. У НАС ТАК НЕ БУДЕТ. Каждый человек таит в сознании-надсознании мучительные страхи-переживания. Люди редко признаются в этом даже себе. Я прочитал роман Кинга, и мне стало легче. Я признаюсь в том, какие страхи меня преследовали, как Эриннии-Евмениды, в течение долгих десятилетий: 1) Я – убийца, спрятавший трупы там-то и там-то. Я в этом нисколько не раскаиваюсь, но я боюсь разоблачения (в коротком сне эти переживания «растягиваются» на годы; 2) В застенке ВЧК-ОГПУ-НКВД меня пригова-

ривают к повешению... И опять пребывание в «нутрянке» карающего меча революции растягивается на месяцы и годы...

Читатель, во фрейдизме научности столько же, сколько в дисциплине «История КПСС». Проходили. Плавали. Но сейчас, первый раз в жизни скажу: ВЫТЕСНЕНИЕ есть. Прочитав роман «История Лизи», я «вытеснил» свои ужасы. Летите, голуби, летите.

Вот такая занимательная книга. Развлекательный роман автора развлекательных романов, кстати, изданных во всем мире тиражами, давно превысившими 100 миллионов экземпляров. Пора идти в книжный магазин или заказывать роман по Интернету. Каков король, таково и его королевство. Удачи, дорогой читатель. До новых встреч. Дедушка Кот.

P.S. Для журнала «Территория бизнеса».

Читатель, все мы – люди Книги. Предпочитаешь ли Ты диван, пиво, телевизор (как я) или артхаус, уринотерапию и увертюру к опере Вагнера «Золото Рейна» (никакой разницы на самом деле), все равно мы книжные кроты в манящем саду Литературы. Любая (самая лучшая экранизация) все-таки сводится к принудительно навязанной «картинке», увы. А с книгой в руках – Ты сам творец, создатель, «воображатель» и постановщик.

Я всегда пишу о книгах экстра-класса (написал больше сотни статей). Плохие книги начинаю читать, если плохо, му-

торно, бездарно, через несколько десятков страниц выбрасываю в корзину. В скором времени напишу о романах Людмилы Улицкой «Даниил Штайн, переводчик (национальная литературная премия «Большая книга») и «Государь всея Сети» культового питерского писателя Александра Житинского (книга вызвала зубодробительную яростную полемику). До встречи.

3 февраля 2008 г.

Житие праведника, или Праведник жития

26 ноября минувшего года национальной премии «Большая книга» первой степени (кстати, денежное «содержание» премии – три миллиона рублей) был удостоен роман: **Людмила Улицкая. Даниэль Штайн, переводчик. М., «Эксмо». 2007. 528 С. Тираж 15 000 экземпляров.** Я прочитал книгу с карандашом в руках. Вердикт: такие премии за такие книги зря не дают.

Несколько слов об авторе. Писательница родилась в 19.. году (нельзя без дозволения дамы называть год ее рождения). Живет в Москве. По первой профессии – генетик. Пишет замечательные книги. В 2001 г. получила букеровскую премию за роман «Казус Кукоцкого» (по книге Улицкой был снят многосерийный фильм). Прозаик с большой буквы. Всё.

Людмила Улицкая была просто ошеломлена присуждением премии «Большая книга». В интервью она призналась: «Я скорее рассчитывала на провал, потому что мне казалось, что эта книга не привлечет внимание стольких людей. На мой взгляд, для атеистов она не столь интересна. Но ее прочитали и те, от кого я совершенно не ожидала этого. Что не может не радовать. У меня было заниженное представление

о том читательском сообществе, в котором мы живем. Ведь «Даниэль Штайн» – то, что называют “трудным чтением”. Ни убавить, ни прибавить. Да, трудное чтение, да читательское сообщество-содружество стремительно идет вверх.

Мир грустен, коллеги-критики окрысились на писательницу (ну, зависть непристойная). Слава Богу, я никогда не читаю рецензий на те книги, о которых пишу. Для критика-современника сейчас высшая доблесть и пламенное геройство: растоптать хорошую книгу, вытереть об нее ноги, и, главное, сладкое, славное – оскорбить автора. Я так не делаю никогда.

«Трудное чтение», да, читатель. Трудное. Думать придется и страдать. Однако не все же время «кушать» эклеры вербальные (Донцова-Маринина-Устинова-Бушков-Пирожков-Лопушков и т.д.). Иногда стоит и хлебца черного поесть.

Слава Богу, этот сложный, хитроумный роман ТЕХНИЧЕСКИ читать легко: текст поделен на дискретные фрагменты-кусочки (письма, магнитофонные записи, публикации, воспоминания, прямые доносы, газетные вырезки и пр.). Вряд ли Ты, читатель этого журнала, много едешь на метро, но в автомобильной «пробке» читать ТАКОЕ – милое дело. Удобно. Об архитектонике романа ничего не скажу, она настолько изощрена и хитроумна, что и сопоставить с какой-либо иной книгой не могу. Тявкнул бы про «Улисса» Джойса, но сейчас ни один вменяемый человек такую гениальную тягомотину читать не сможет.

О чем книга? Да все об одном и том же. Про нас, грешных. Бог пишет единый божественный текст (разными почерками, разными чернилами, на разной бумаге).

Жанр своего произведения Улицкая определяет так: Я не настоящий писатель, и книга эта не роман, а коллаж. Я вырезаю ножницами куски из моей собственной жизни, из жизни других людей и склеиваю...» (С. 469).

Первый раз в жизни сталкиваюсь с таким удивительным фактом: сама писательница блистательно обрисовывает проблематику своего произведения, очерчивает образ главного героя: «Начала писать роман, или как это там называется, о человеке *в тех обстоятельствах*, с теми проблемами – сегодня. Он всей своей жизнью втащил сюда целый ворох неразрешенных, умалчиваемых и крайне неудобных для всех вопросов. О ценности жизни, обращенной в слякоть под ногами, о свободе, которая мало кому нужна, о Боге, которого чем дальше, тем больше нет в нашей жизни, об усилиях по выковыриванию Бога из обветшавших слов» (С. 122-123).

Роман охватывает семьдесят лет. Действие происходит в разных странах: преимущественно Польша, Литва, Белоруссия, Израиль.

О «тех обстоятельствах». В книге затронута больная, воспаленная тема-проблема Холокоста. Читатель спросит: а в чем проблема. Отвечаю. Находятся люди, которые прямо пишут, мол, никакого истребления евреев не было, мол, фашистские лагеря и газовые камеры (вернее, их муляжи-симу-

лякры) построены после войны в пропагандистских целях. Увы, увы, был Холокост. И болит, и саднит эта язва Европы. И долго еще болеть будет. Улицкая сухогато констатирует: «Шесть миллионов убили – какая скорбь. Нет теперь того европейского еврейства, что говорило на языке идиш» (С. 424). Писательница отнюдь не призывает к мести, не обвиняет народы, причастные к истреблению евреев. Нет, ни в ком-ем случае. Вспомню замечательный афоризм прославленной исследовательницы тоталитаризма, немецкой еврейки, эмигрировавшей в США Ханны Арендт: «Люди долго не простят евреям Освенцим». Грустно жить на свете, господи.

Герой романа – герой Израиля, спасший от нацистского уничтожения 300 евреев. Даниэль, пережив духовные и биографические потрясения, становится католическим монахом Ордена босых кармелитов (редкое занятие на Обетованной земле). Прототипом героя романа явился праведник Даниэль (Освальд) Руфайзен (1922-1998 гг.), основатель израильской общины «Святого Иакова». Герой и его прототип – редчайшие люди, возлюбившие Бога больше самих себя. Я осмелился бы их сопоставить-соположить рядом с Франциском Ассизским и Серафимом Саровским. Праведники. Светочи. Пусть мы живем во тьме, но знаем, что свет есть.

Портрет Даниэля: «Внешность его самая скромная: маленького роста, глазки круглые, рот как у младенца, губами вперед. И ходит он не в сутане, а в мятых штанах и растянутом свитере, и похож больше на садовника или продавца

на рынке, чем на священника» (С. 325-326). Однако в его тщедушном теле живет истинный воин Бога, паладин и провозвестник. Праведник. Герой – не грозный (с палкой) пастырь, а светящийся весельем Человек (с большой буквы), который никого не пинает сапогом в лицо, он добр, великодушен, милосерден, и «всепрощающ», разумеется, и автоироничен. Повторю заглавие заметки: роман – Житие праведника, или Праведник жития. Даниэль всем помогает, всех любит-понимает-прощает, не учит-бабачит-тычет, а скорбит и смеется вместе с «униженными и оскорбленными». Кстати, читатель (а, может, некстати), все мы, как сказал Достоевский, в этой (нашей) юдоли скорби и печали – «униженные и оскорбленные», увь. Ленъ задуматься об этом и... содрогнуться.

А почему герой – переводчик? Не потому, что служил ... в гестапо и НКВД, он переводит-перекодирует архаические постулаты-максимы-догматы христианства и иудаизма на простецкий современный язык. Не больше, но и ни в коем случае не меньше. В книге поставлены и решены чрезвычайно сложные и спорные богословские проблемы (я совершенно серьезно, это не развлекательный роман). Ортодоксальные католики и православные найдут в книге пассажи, которые их возмутят. А «проницательный читатель» (Н.Г.Чернышевский) поймет, простит, усвоит, запомнит.

Роман многофигурен, как эпическая поэма. К примеру, одним из героев романа является Кароль Войтыла, то есть

покойный римский понтифик Иоанн-Павел II. Разумеется, я ни одного словечка не скажу о сюжете. Житейская подоплека у Улицкой настолько объемна, правдива, стереоскопична, сочна, что роман можно смело назвать учебником жизни (для молодых и старых). Книга полна трафаретных и уникальных житейских историй, в коих КАЖДЫЙ найдет ответы на интересующие его вопросы. В основу романа положены фундаментальные вопросы-истины: что есть Бог? Зачем жить? Как жить? Как смириться с мерзостями жизни? Кто я такой? Что такое зло и что такое добро? Как себя вести? Как реагировать на проказы фатума? Как любить? Кто виноват? Как прощать? Где можно пописать? Как пройти в библиотеку? Читатель, прости гаерские шуточки (из собственной шкуры не выскочишь).

Одна из интереснейших тем в романе – робкое нащупывание в слепящей тьме под ураганным ветром возможности диалога христианства и иудаизма. Улицкая мягко, толерантно, аккуратно подводит читателя к осознанию того, что христианство (в двух его главных изводах – католицизм и православие) давно закаменело, отстало от жизни, превратилось в тезаурус мертвых слов, ритуалов и действий.

Монах Даниэль Штайн – первая ласточка грядущего обновленного высокодуховного СВЕТЛОГО христианства, которое ПРИДЕТ, чтобы Господь нас понял и простил. Формально миссия Даниэля оканчивается..., но писательница дарит читателю надежду, надежду, надежду.

И в завершение о языке романа. Стиль Улицкой – вязкий, завораживающий, густой, как украинский борщ, в котором ложка стоит, это какое-то божественное пиршество языка, где в кухонных спорах-разговорах (здесь нет никакого уничижительного оттенка) решаются вечные вопросы и невечные судьбы. Каждую фразу Улицкой хочется надкусить, перевернуть-инверсировать, понюхать, лизнуть, рассмотреть сквозь цветные стеклышки.

Мощная книга: умная, глубокая, научительная, добрая и печальная. Если честно, роман Улицкой – долгожданное и небывалое событие в русской литературе XXI века. Рано похоронили Русь-Матушку и ее словесное искусство.

4 марта 2008 г. Петергоф.

P.S. Читатель, друг мой высокий, в следующий раз поговорим о романе «Государь всея Сети». Книга принадлежит перу культового питерского прозаика, издателя, мецената, покровителя молодых сочинителей и рокеров, возглавителя Центра современной литературы и книги (лучший литературный клуб в северной столице) Александра Николаевича Житинского (род. 1940 г.).

Предыдущую его «большую книгу» «Потерянный дом, или Разговоры с Милордом», завершённую двадцать лет тому назад, писатель Дмитрий Быков назвал «лучшим романом восьмидесятых». Книга «Государь всея Сети» вызвала яростную, зачастую, зубодробительную полемику (как и всякая ХОРОШАЯ книга). О чем роман? Да все про нас с То-

бой, читатель. Одна из главных тем романа может быть сформулирована так: как компьютер и Интернет модифицировали (просто взорвали) обыденную обывательскую жизнь. Герой романа физик donnickoff (сетевой псевдоним) встречает в сети свою... Всё, молчок.

Статья написана специально для альманаха "Лебедь" и журнала "Территория бизнеса".

Вся сеть – Государю, или Отменная книга

Читатель, друг мой высокий, погутаим (как говаривали донские казаки) об одной чрезвычайно нетривиальной (так скажем) книге: **Александр Житинский. Государь вся Сети. Роман. Эксмо. 2007. Тираж 10 000 экз.**

Как всегда – об авторе. А.Н.Житинский родился 19 января 1941 г. (как раз подоспел к Великой войне). По первому образованию (ленинградский Политех) – инженер-электрофизик. Публикуется с 1970 г. (и много). Писатель родом из той ярчайшей центурии питерских литераторов, к которой принадлежат: И.Бродский, Е.Рейн, С.Довлатов, В.Уфлянд, А.Кушнер, Д.Бобышев, А.Найман, Б.Улановская, К.Азадовский, В.Кривулин и др. Житинского часто именуют «культowym писателем». А почему? Да потому, что он и есть культowym писатель. Сетевики давно создали лелеемый культ Массы (основной интернет-псевдоним писателя). Александр Николаевич – самый известный в Питере меценат-покровитель начинающих писателей и начинающих рокеров – щедрый и бескорыстный. Сколько литературных дарований стартовали в его издательстве «Геликон Плюс».

«Его Превосходительство

Любил домашних птиц

И брал под покровительство
Рифмующих девиц».

Никакой иронии, высокое уважение. Житинский ввел «за ручку» в большую литературу, к примеру, блестящих молодых поэтов: Алю Кудряшеву, Веру Полозкову, Наилю Ямакову, Светлану Бодрунову. Барышни-прелестницы, ах. Целую ручки.

И самое главное: Житинский – патриарх русской литературной Сети РУЛИНЕТа). Громовержец и милостивец. «Массу» знают тысячи если не сотни тысяч сетевых насельников. Почему вся Сеть (литературная) Государю? – в заголовке статьи. Да потому, что он венчался на сетевое царство тогда, когда многие сетевые писатели еще в школу ходили. Акулы Сети благодарны своему Государю.

Житинский основал десять лет назад легендарное сетевое «Литературное объединение им. Лоренса Стерна» (английский писатель; 1713-1768; автор романов "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" и "Сентиментальное путешествие по Франции и Италии"; основоположник сентиментализма), из горнила которого вышли превосходные авторы Дмитрий Горчев, Линор Горалик, Дмитрий Коваленин, Вадим Смоленский. Перу Житинского принадлежат такие книги, вызвавшие огромное читательское внимание, как, например, «Желтые страницы Internet: Отдых и развлечения. Записки WEB-дилетанта» (вышла несколькими тиражами).

Писатель Дмитрий Быков назвал предыдущий фолиант

Житинского «Потерянный дом, или Разговоры с Милордом» «лучшим романом восьмидесятых». Проблематику новой книги Александра Николаевича он очертил так: «Сегодня Житинский во второй раз написал роман, в котором каждый прочтет главную правду о времени и о себе. «Государь всея Сети» – книга, в которой сказано о русском прошлом, настоящем и будущем нечто очень важное, понятное всем, но до сих пор не сформулированное вслух». Можно любить Дмитрия Львовича (можно не любить; да еще как), но в тонком уме и тонком вкусе ему не откажешь. Все так, все именно так.

Мне еще хочется поговорить об Александре Николаевиче. В «Разговорах с милордом» писатель дал великолепное определение художественной литературы как феноменального явления, определил эйдос (выражаясь простецким языком) этого великого вербального «построения»:

«Литературные сочинения постоянно путают с инструментами, которые должны бить, вскрывать, поднимать, протягивать, указывать, сигнализировать, вдальблывать, пронзать и тому подобное. Или же считают их зеркалом и одновременно осветительным прибором. Между тем, все перечисленные вами цели – суть частные следствия общей объединительной роли, которую призвана играть литература... Литература есть игра, она сродни актерскому ремеслу, между тем как ее обычно поверяют не законами игры, выдуман-ными автором, а законами самой жизни... Литература – иг-

ра, не более, но и не менее, и относиться к ней следует как к игре – не менее, но и не более. Великая это игра или мелочная, трагическая или пародийная – она всегда остается игрой, ибо дает читателю возможность проиграть в душе тысячи ситуаций, поступков, характеров, лежа при этом на диване и перелистывая страницы». Как просто, и как... мудро. Прошу прощения за столь пространную цитату. Эх, ввести бы эти положения в марксистско-ленинскую теорию литературы. Поздно, ибо она приказала долго жить. Впрочем, вдруг быть и воскреснет. Читатель спросит: а почему я так много пишу о писателе. Да потому, что я его люблю. Вот и вся тайна сакральная.

Роман Житинского принадлежит к весьма редкому в отечественной литературе жанру УТОПИИ (не путать с антиутопией). В числе предшественников писателя – князь В.О.Доевский, В.Брюсов, А.Богданов (Малиновский), А.Беляев, И.Ефремов. Утопия (от названия книги Томаса Мора) – идеальная страна, идеальное общество, которого нет и не будет, а жаль. Антиутопия – все наоборот: ужасающее государство, террористический режим, казни бессудные, подавление мысли. Естественно, антиутопии популярней утопий. Западные читатели любили пощекотать себе нервишки романами Е.Замятина, Д.Оруэлла и т.д. А мы, грешные, семьдесят один год прожили в натуральной (не литературной) антиутопии.

Я не буду (как всегда) «раскрывать» сюжет. В романе идет

речь о ...попытке восстановить на Руси-Матушке ... форму правления и создать «первое государство виртуального мира» (С. 306). В книге два основных героя: отставной физик Алексей Донников и таинственный юноша Кирилл Демидов, его ученик. Таинственный потому, что у него великая миссия стать ...Есть и еще великая героиня книги – Великая Сеть. Велик и грозен сетевой университет.

Никак не могу привыкнуть к новой критической манере. Самый злой критик в России Виктор Топоров написал разнузданную, несправедливую и лживую статью о романе Житинского. Заметка смастрячена в простой манере: подробнейший пересказ сюжета плюс хамские арабески. Так вот, критик неправильно излагает сюжетную линию романа, т.е. полистал книгу кое-как и облыжно «наехал» на писателя. Эх, грешно, право. Маршак когда-то хорошо сказал: Каков художник, таково и его искусство (это относится и к писателю, и к критику-Зоилу).

Читатель, помнишь ли Ты школьное литературоведение? Всем нам училки-словесницы задиктовывали презабавные, ей-Богу, цитаты Белинского: «Евгений Онегин» – «энциклопедия русской жизни»; «Герой нашего времени» – «грустная дума о нашем времени». Вот эти цитатки содержат квинтэссенцию последнего романа Житинского. Стопроцентное попадание. Роман Житинского – моментальный снимок и монументальный срез того, что именуется действительностью и реальностью. Есть ли ОНИ на самом деле – вопрос.

Герои романа принадлежат к разным классам-стратам, танцующим под волшебную дудочку романиста. В незапамятные годы критик А. Пикач определил «триаду» дарования Житинского: «комическое, фантастическое и лирическое». Писатель верен себе: все это щедро представлено в романе. Я бы еще добавил иронию и гротеск в отношении абсурдности жизни нашей грешной.

Автор делает важное признание: «Я не пишу чужих романов, то есть тех, которые не прожил сам. Потому что романы не выдумываются, а проживаются, о чем сейчас практически забыто» (С. 3). Открою детский секрет: в каждой большой книге есть наиглавнейший герой – сам Автор.

Помнишь, Читатель, четверостишие Бродского:

Только то и тревожит,
Что грядущий режим,
Не изведан, не прожит,
Но умом постижим.

Вот писатель и пытается предвосхитить и осмыслить грядущее.

Книгу Житинского можно назвать «компьютерным романом», жанр, который уже проклевывается. Речь идет не только о содержании книги, но и о новых писательских технологиях.

Читатель, знаешь ли Ты олбанский (олбанцкий) язык. Нет? Ну, Тебе пора на пенсию. Впрочем, «превед-медвед» Ты наверняка встречал в новом обиходе. Это сетевое повет-

рие распространяется, как пожар в степи, пожар в Сети. Олбанский язык, культивируемый сайтом «Удафф», суть отдых «интеллигента от интеллекта» (так четко выразился главный удаффовец – Д.В.Соколовский). Разумеется, в столь злободневном романе уделено внимание и «олбанскому» языку.

Поприветствуем писателя по-олбански: Аффттар – ащцкий сотона – жжот ни па-дещцки – пеши исчо. Читатель, не криви губу. Это совершенно новое течение в русском языке: олбанцы используют фонетический принцип написания (в отличие от морфологического – в нормативной грамматике, т.е. приближаются к белорусской системе письма) и отчасти транскрипцию.

В завершение приведу финальный абзац моей давней статьи о предыдущем романе Житинского: «Отменная книга, господа, созданная тонким и высокоталантливым автором, исписавшим тысячи страниц, много продумавшим и пережившим, перестрадавшим и перетерпевшим. Смело рекомендую роман читателям всех возрастов. Да, помимо всего вышесказанного новый роман Житинского – мастерская, тщательно спроектированная проза, отточенная, оперенная. Рекомендую». Ни убавить, ни прибавить. Все так и есть.

Читатель, обрати внимание на классическую классификацию «юзеров Живого Журнала» (Ты ведь наверняка один из НАС – С. 47-48). Завершу заметку «максимой» романиста: «У меня с первых моих дней в Сети есть принцип – писать о себе правду. Какой есть – такой есть». Читатель, как хорошо

сказано. Афористично.

5 апреля 2008 г.

P.S. В следующий раз потолкуем о знаменитом романе знаменитого московского адвоката Павла Астахова «Рейдер». Смею думать, что проблематика романа заинтересует людей, проживающих на цветущих лугах «Территории бизнеса». Автор идеи романа – покойный Б.Н.Ельцин.

Правовой «беспредел», или «Санитары бизнеса»

О рейдерстве, о рейдерах и их вдохновителях–покровителях читатель «Территории бизнеса», полагаю, знает не понаслышке. Это явление, разрушающее отечественный бизнес, кажется, пошло на убыль, однако 17 апреля в Питере Антон Иванов, Председатель Высшего Арбитражного суда, проводил совещание-конференцию по этой жутковатой проблематике.

Читатель, знаешь ли Ты дивную аббревиатуру ОБЖ (Основы безопасной (безопасности) жизни). Этот предмет давно введен в обязательную программу школ Российской Федерации. Написаны учебники, идет преподавание. Книга, о которой у нас пойдет речь, без преувеличения можно назвать учебником по дисциплине «Основы безопасности бизнеса» (большого, среднего, малого) – без разницы. Захватить можно и нефтяную компанию, и завод, и прачечную, и ларек. Кстати, давно продается настольная игра «Большой куш» для рейдеров-подростков. Ленин афористично отозвался о романе Горького «Мать»: «Очень своевременная книга» (учили все школьники выпускных классов). Назовем так и роман «Рейдер».

К сожалению, этот фолиант является и техническим ру-

ководством для рейдеров. Почему? В книге приводятся реальные пошаговые схемы рейдерских захватов (к примеру, захват реестра акционеров), и лишь потом – способы защиты от них.

Итак: Павел Астахов. Рейдер. Роман. М., Издательство «Эксмо». 2007. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ тираж 15 000 экземпляров. 416 С.

Книге предпослан емкий зловещий эпитаф: «Если ваш бизнес никто не захватывает, значит, он просто никому не нужен. Поговорка рейдеров».

Как всегда – кратко об авторе. Думаю, что читателям «Территории бизнеса» не нужно специально представлять автора – адвоката, романиста, телеведущего. Однако некоторые детали его биографии будут небезынтересны. Павел Алексеевич Астахов родился 8 сентября 1966 г. в потомственной чекистской семье. Служил в погранвойсках, в 1991 г. окончил Высшую школу КГБ СССР (нетривиальное высшее учебное заведение для практикующего адвоката). С 1994 г. – член Московской городской коллегии адвокатов. В качестве защитника принимал участие в таких громких делах, как защита американского шпиона Эдмонта Поупа, журналиста Сергея Доренко, группы «Медиа-мост» и т.д. В прошлом году Астахов возглавил движение «За Путина».

Термин «рейдер» рожден знаменитым английским мореплавателем Френсисом Дрейком (1540-1596). «Так называли мобильный военный корабль в английском флоте, в оди-

ночку нападавший на суда испанцев» (С. 36). Дрейк и был капитаном первого парусника-рейдера. Испанская корона объявила его пиратом, а королева Елизавета возвела в рыцарское достоинство.

Читатель, Ты, конечно, знаешь великий анекдот. Волк обращается к Красной Шапочке: «Дорогая деточка, тебя ждет или поглощение, или слияние». Все. Точка. Полностью обозначена проблематика романа Павла Астахова.

О сюжете. Читатель, если Ты соблаговолишь ознакомиться с романом «Рейдер» (это не литературный шедевр, можно и просто пролистать, делая выписки по юридическим вопросам), ни в коем случае не читай аннотацию на задней крышке переплета. Считай, что роман для Тебя погиб, ибо читать будет НЕИНТЕРЕСНО.

В романе подробно-дробно описывается совершенно РЕАЛЬНАЯ схема рейдерского захвата оборонного предприятия «Микроточмаш» в областном вымышленном городе Тригорске. И противодействие этому «захвату» со стороны адвоката Артема Павлова (совершенно автобиографический образ: погранвойска, Высшая школа КГБ и т.п.) и других (больше не скажу). Разгром, казалось бы, удачного рейдерского «наезда» воссоздан (документально) столь же методично и тщательно. Разумеется, все эпизоды и все персонажи романа имеют реальное основание и реальных прототипов. Разгадывание-угадывание прототипов доставит читателю удовольствие, хотя в романе много персон, выведенных

под подлинными именами.

Главным «злодеем», творцом схем рейдерских захватов, главой крупнейшей рейдерской компании в романе является Петр Петрович Спири́н, внебрачный сын самого..., который в духе шаблонов русской классики в конце концов раскаивается и уходит в... Я не буду говорить о психологизме и о развитии этого образа. Я лучше скажу о другом. Поучительно и забавно. Павел Астахов написал «конкретную» (как теперь принято изъясняться), актуальную и злободневную книгу.

Помнишь, конечно, Читатель, присловье: «На воре шапка горит». В книге есть такой пассаж. Размышляет главный рейдер-демон о «крышевателях» его черного бизнеса: «Обычно для подобной работы Петр Петрович нанимал ребят из главного следственного управления, прозванного в предпринимательской среде ГэСэУ. За вполне умеренную плату они могли завести уголовное дело, провести обыски и совершенно разрушить всю систему защиты компании-жертвы» (С. 14).

Внимание. Летом прошлого года Коптевская межрайонная прокуратура по заявлению начальника Главного следственного управления при ГУВД Москвы Ивана Глухова возбудила уголовное дело против Астахова по двум статьям Уголовного Кодекса РФ: 129 (клевета) и 298 (клевета в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание). Глухов 27 августа 2007 г. дело с треском проиграл и, думаю, обеспечил мгновенное исчезновение книги Астахо-

ва с книжных лотков. А «пиар» -то какой Астахову (и совершенно бесплатно). Долго живу на свете, а все удивляюсь глупости людской: господин Глухов обвинил в клевете автора РОМАНА, художественного произведения. К тому же, если рыло в пуху, надо вести себя скромнее. Несколько лет назад на стене здания, в котором гужется питерский ПЕН-центр, я прочитал и запомнил навсегда лаконичную надпись: «Нет предела человеческому чудачеству» (в оригинале в последнем слове другая буква).

Роман (роман ли это в обывательском понимании – вопрос) многофигурен. Да, сейчас придумал, книга относится к новому жанру: бизнесроман. Главное в нем – не страсти-эмоции-переживания героев, а конкретные юридические действия. Помимо первых лиц государства, в нем представлены все слои российского бизнессообщества, олигархи, губернаторы, судьи, милиционеры, сотрудники ФСБ и т.д. Есть в романе шпионская линия. Некий Йон, приемный сын нацистского преступника, хочет завладеть военными...

Есть в романе и любовная история. Артем Павлов влюбляется в Настю, дочь ... Вот здесь автору изменяет вкус к вербальной игре. Астахов живописует героиню: «Вот она стоит в ванной, наклонившись над водой. А вот она смеется, обнажая красивые зубки и отбрасывая назад пышные волосы, волнами спадающие на ее лицо. И от этого возникала порядком подзабытая дрожь и сладостное томление» (С. 151); «Она сидела в кресле у столика, покачивая красивой строй-

ной ножкой, смотрела по сторонам, и в каждом повороте головы чувствовалась царственность» (С. 154). «Друг, Аркадий, не говори красиво» (Базаров. «Отцы и дети» Тургенева). Суровый автор весьма суровой книги, и вдруг такое. Сейчас так не пишут даже ушлые авторши дамских романов. Астахов думает, что ТАК надо писать о ВЫСОКОМ. Не надо. Ахматова когда-то сказала, что только Пушкин «мог ногу ножкой называть». Почему? Да потому, что он Пушкин. Да, роман «Рейдер» писал стилист не калибра Бубеля и Банина (т.е. Бунина и Бабеля). Ну и что: любовных романов пруд пруди, а «Рейдер» уникален.

Белинский когда-то написал о романе «Герой нашего времени»: «грустная дума о нашем времени». Читатель, не смейся: именно так. Роман «Рейдер» и есть ТАКАЯ книга: полное беззаконие во всех сферах... Во всех. Читатель не сразу приходит к печальному выводу: главный рейдер в стране, увы, само...

Восемь лет назад я написал статью о романе «Большая пайка», принадлежащем перу Юлия Дубова, соратника Березовского, директора пресловутого «ЛогоВаза», ныне – лондонского сидельца-затворника. Герой романа, «великий комбинатор» – Платон Михайлович – «списан» с Березовского. По книге Павел Лунгин поставил нашумевший фильм «Олигарх».

В той рецензии я писал: «Роман потрясающе разоблачителен. Слава Богу, дуболомы из Генеральной прокуратуры чи-

тать не умеют, а то была бы просто беда... Натурально можно заводить дело на... И все это не забавные плутни, а гениальные, но, увы, преступные комбинации и опаснейшие (зачастую кровавые) махинации. Прокуратура теперь почти вегетарианская» (Василий Пригодич. Кошачий ящик. Статьи. 2004. Издательство «Геликон Плюс. С. 120). Сколько лет прошло, а мы все там же, в... Читатель скажет, что Березовский с подельниками наказаны. Не наказаны, не покараны, не покаялись, незаслуженно остались героями для некоторых.

К чему это я, а? К тому, что правоохранительные органы, взяв роман «Рейдер» в качестве «настойной книги» (если пожелают), могут начать НАСТОЯЩУЮ борьбу с рейдерством (наряду с баснословной коррупцией), как раковая опухоль, разъедающим функционирование страны изнутри. Это не жалоба, простая констатация.

Кредо автора: «Это только кажется, что юрист один против всех, – на деле он один ЗА всех» (С. 414). Астахов взывает: Закон. Закон. Закон. Эхо не откликается.

Простим автору и детское самолюбование (бывает), роман не про него, а про нас, читателей-почитателей «Территории бизнеса». Впрочем, и про невинных обывателей, как я, которых затрагивают косвенно тектонические сдвиги в бизнесе.

29 апреля 2008 г. Петергоф.

P.S. В грядущем выпуске «Территории бизнеса» поговорим о новой книге великого литературного плута Бориса

Акунина «Смерть на брудершафт. Роман-кино».

Изящная словесность, или Словесное изящество

Писатель – «трудоголик» Борис Акунин приступил к осуществлению небывалого проекта: роман-кино в десяти частях. Вот и поговорим о новой, пленительной и удивительной книге: **Борис Акунин. Смерть на брудершафт. Роман-кино. Младенец и чорт: фильма первая. Комедия. Мука разбитого сердца: фильма вторая. Мелодрама. М., Издательство «Аст: Аст Москва». 2008. 464 С. Тираж ТРИСТА тысяч экземпляров (первый завод).** Это – пилотная книга в серии.

Читатель, обрати внимание: «Младенец и чорт» (не чёрт) до орфографической реформы 1954 г. Такое написание было общепринятым.

Почему фильма (женск. род.), а не фильм? Потому что до конца 1920-х годов так и писали. Книга прелестно издана, прекрасно проиллюстрирована (чудесные стилизованные рисунки), снабжена старинными фотографиями. Автор отблагодарил талантливых иллюстраторов. На титульном листе «фильмы первой» лукаво указано: Оператор Игорь Сакуров. Тапёр г-н Акунин; фильмы второй – Оператор Денис Гордеев. Тапёр г-н Акунин. Лукавый автор объявляет себя всего лишь аккомпаниатором к созданиям книжных графиков.

Каждая иллюстрация снабжена с большим вкусом подобранной цитатой из старинных романсов. А почему роман-кино? Текст разбит не на главы, а на «киношные» эпизоды. Обе части представляют собой совершенно готовые киносценарии: нужно только продумать «планы», передвижения камеры и посекундную длительность эпизодов – и вперед!

Как всегда, несколько слов об авторе. Григорий Шалвович Чхартишвили, известный читателю как Борис Акунин (в переводе с японского – «плохой человек»), родился 20 мая 1956 г. в Тбилиси, ребенком был увезен в Москву. Окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки, дипломированный «японист». Много лет проработал заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература». Легендарный («культовый») переводчик с японского. Его переводы замечательных романов Юкио Мисимы признаны образцовыми. Под его редакцией вышла двадцатитомная «Антология японской литературы». Автор глубокого исследования «Писатель и самоубийство» (М., 1999), цикла романов о сыщике Эрасте Фандорине, монахине Пелагии и многих других. Один из самых читаемых и почитаемых авторов в новой России.

Акунин в одном из интервью исчерпывающе разъяснил свою художественную позицию: «Я одним из первых в этой стране попытался соединить два жанра – высокий и низкий. У нас всегда отсутствовало промежуточное звено – развлекательное чтение для взыскательного читателя. Так было и

в прошлые, и в советские времена, за редчайшими исключениями вроде Алданова, а между тем это род литературы, который необходим любому человеку. Даже если он жить не может без Хайдеггера, все равно ему надо дать отдых мозгам. В книжках, которые я сочиняю, нет ничего сложного. Там есть исторические и литературные игры, но вникать в них совершенно необязательно, потому что, я надеюсь, сюжета достаточно и самого по себе. Мой читатель – это человек, который может получить удовольствие не только от сюжета, но и от стиля". Умри, Денис, лучше не скажешь. Читай Акунина, коллега и обретишь удовольствие «от стиля». Изящная словесность воистину. Марк Алданов (Ландау; 1886-1957) – великий исторический романист-эмигрант, потрясающий писатель; это вам не Пикуль!).

Борис Акунин в современной литературе – уникал: писатель для ВСЕХ (и высоколобых, и узколобых, впрочем, на самом деле, разницы никакой). Много есть великих книг (к примеру, «Петербург» Андрея Белого, «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, «Волшебная гора» Томаса Манна), которые современный человек прочитать не может (скучно, длинно, да и времени нет). Долгое раздумчивое чтение осталось в далеком прошлом. В этом нет мнимой заслуги радио-телевидения-интернета, но нет и метафизической вины.

Читатель, мне нет нужды пересказывать сюжеты акунинских «фильм»: они настолько заняты, занимательны и

сложны, что даже пунктирное изложение любого из них превысило бы объем моей заметки. Поверь мне на слово, они стоят того, чтобы взять их в руки.

Основная интрига «киносценариев» Акунина сводится к жестокой кровавой схватке русской и германской контрразведок-разведок перед и после начала Великой (так тогда называли Первую мировую) войны. Волею судеб объединяются недалекий штаб-ротмистр, лейб-кирасир, по инвалидности – падение на скачках, переведенный «в контрразведочное отделение в штатном расписании Генерального штаба» (С. 10) князь Лавр Константинович Козловский и чудак-студент физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, баритон-дилетант Алексей Парисович (так!) Романов. В фильме первой им противостоит матерый, глубоко законспирированный шпион, капитан Йозеф фон Теофельс из Первого (российского) управления германского Генштаба. Немец любой ценой должен добыть и переправить на родину «Генеральный план развертывания...» (молчок). Погони, переодевания, схватки, перестрелки, игра воли и ума, сверхромантическая любовь присутствуют и в первой, и во второй «фильме». Эту схватку «наши» немцу... Увы, любовь студента к Симочке Чегодаевой оканчивается...

Во второй части «Смерти на брудершафт» Козловский и Романов (под прикрытием) пытаются добыть-выкрасть картотеку «шпионской биржи», располагающейся в городке Сан-Плачидо. Действие из Петербурга переносится в горо-

док Сан-Плачидо (итальянская часть Швейцарии). На сей раз наши герои сражаются с международным агентом Гербертом-Мария Зоммером. Козловский и Романов добиваются... Сюжет, как всегда у Акунина, прихотлив и изящен. В действие вступают и австро – венгерская разведка, и итальянская мафия, никому не известная тогда в России. Образ Романова дан в развитии (как писали в советских учебниках литературы): переживая тяжелейшие испытания, он страдает и думает, отковывает дух и постепенно превращается в Мужчину (с большой буквы).

«Предмет» романтической любви возмужавшего унтер-офицера Романова (воевал, был ранен в сентябре 1914 г., награжден) Клара Нинетти, «плясунья», ученица Айседоры Дункан в конце концов... Стоп. В финале «фильмы второй» автор своего героя...

Нашим героям во «второй фильме» ... итальянский поэт Рафаэль Д'Арборио, бретер, сторонник сближения своей страны с... Романов даже «стреляется» с ним из-за дамы. Под этой прозрачной маской укрыт знаменитый поэт, прозаик, драматург, покоритель женских сердец, в частности у него были бурные романы с Элеонорой Дузе и Айседорой Дункан, провозвестник фашистского искусства (увы!) Габриэль Д'Аннунцио (1863-1938). Его боготворили и переводили русские символисты. Так потешается Акунин над читателем, впрочем, совершенно невинно.

Акунину свойственно неповторимое специфическое сло-

весное изящество. Он – великий мастер вербальной игры. В книге встречаются дивные словечки: журфикс, симпатизант, аппетизант, мэтч (по-нашему футбольный матч) и т.д. Читатель, сейчас происходит занятный процесс в современном языке: сокращение (редукция) в прилагательных на «ический»: драматический – драматичный, символический – символичный, готический – готичный и пр. Автор употребляет одновременно прилагательные: романтический и романтичный. Он так шутит.

По нынешним временам Акунин невероятно культурен. Его книги можно и глотать, как увлекательное бульварное "читиво", и медленно смаковать, как хитроумные (тщательно зашифрованные) постмодернистские тексты ("центоны"), в которых невероятно талантливо стилизуются (пародируются: нет – одномоментно стилизуются и пародируются) сюжетные ходы, темы, "дух и плоть" великой русской классической литературы (Лермонтов, Достоевский, Блок, Брюсов, Горький и т.п.). К примеру, в описании футбольного «мэтча» (невероятной диковинки по тем временам) Акунин тонко пародирует Льва Толстого, прибегая к «остранению». Этот термин, введенный Виктором Шкловским, можно истолковать так: описание какого-либо действия с позиции наблюдателя, никогда не знавшего или забывшего его смысл (опера в «Войне и мире», литургия в «Воскресении», когда привычные явления становятся чистыми и наивными, как восприятие ребенка).

Борис Акунин великолепно знает реалии старой императорской России, тонко внедряет их в сознание и подсознание читателя, подводит к несложным сопоставлениям с современностью (разумеется, не в пользу последней). Ох, плут...

О жанре последней акунинской книги: шпионские детективы тесно переплетенные с приемами авантюрно-приключенческого романа, что только увеличивает их притягательность и привлекательность (в стиле и духе занимательного, но монотонного многотомного цикла романов Пьера Алексиса Понсона дю Террайля (1829-1871) о похождениях пресловутого Рокамболя).

Да, дивная вещь. Открой – не оторвешься. Все хоронят недобросовестные доброхоты русскую словесность. Неужели не надоели байки про «самую читающую страну в мире» в советские годочки. Люди тогда читали только то, что было дозволено-разрешено. Сейчас и книг-то выходит несравненно больше, чем тогда, и люди читают то, что хотят. Не надо их учить и им мешать...

Знаешь, читатель, Господь милостив, все будет путем на родине нашей, ежели создаются и читаются взахлеб такие изящные, искусные и умные книги.

21 мая 2008 г. Петергоф.

P.S. В следующий раз обсудим историко-приключенческий роман Анатолия Брусникина «Девятный (так!) Спас», мистифицировавший как публику, так и критиков. А он ли – автор? А был ли мальчик?

Литературная мистификация, или мистифицирующая литература

Сегодня поговорим о загадочной, необычной и необычайной книге: **Анатолий Брусникин. Девятный Спас». Роман. М., Издательство Астрель: Аст. 2008. 509 С. Тираж 50 000 экземпляров** (один из дополнительных тиражей). Название романа восходит к «чудоносной» иконе, принадлежавшей патриарху Филарету. Эта икона имеет некую нумерологическую историю, позволяющую путем сложения неких цифр предугадывать беды Руси. Царю Алексею Михайловичу явился святой старец и произнес таинственную фразу: «Четырежды девятно данное дважды девятно...» (все, молчок). Династии нужно бояться...

Я не играю с читателем в вербальные «кошки-мышки», не напускаю «критического» тумана-дурмана, посему скажу прямо и честно: книга мощная, пугающая, изумляющая. Жанр – исторический роман, чей «двигатель» форсирован невероятными сюжетными кульбитами. Типа романа Вальтера Скотта «Роб Рой» (только лучше; я серьезно). Кстати, исторический роман как жанр придумал именно Вальтер Скотт.

Книга Брусникина (наряду с «Гастарбайтером» Эдуарда Багирова) стала литературной сенсацией конца прошлого го-

да. Во всех рейтингах продаж роман занял почетнейшее второе место (на первом месте, понятно, «Гарри Поттер и Дары Смерти» Джоан Роулинг). Читатель скажет, ну, может быть, хорошая книжка, а в чем дело? Причем тут литературная мистификация. А вот причем. Никто достоверно не знает, кто такой Анатолий Брусникин, чьему перу принадлежит роман...

Мистификация (от греческого: *mystes* – носитель-хранитель тайны) – осознанное введение кого-либо в обман, заблуждение, в изумление ума (как говаривали наши предки) с благой или неблагой целью. Часто мистификация оказывается шуткой (доброй или злой – особой разницы нет). Литературная мистификация – явление древнее и почтенное.

Приведу несколько примеров. Шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736-1796) издал в 1765 г. книгу «Сочинения Оссиана, сына Фингала». Авторство собственных поэм Макферсон приписал легендарному кельтскому барду Оссиану (якобы III в.) Эта книга стала ярчайшим достижением европейского предромантизма, она вызвала не просто сенсационный интерес в Европе, но и повлияла, в частности, на творчество Державина, Карамзина, Пушкина, Лермонтова и др. Русские поэты подражали «мотивам» оссиановской (макферсонской) поэтике-проблематике. Когда подделка стала общеизвестной поэт, покончил с собой.

Знаменитый чешский поэт, филолог-славист, славянофил Вацлав Ганка в 1830-х годах позапрошлого столетия издал

«Краледворскую» и «Зеленоградскую» рукописи, куда вошел якобы подлинный чешский эпос «Суд Любуши». Эти тексты он и создал. Чешский патриотизм получил мощную подпорку, мол, у чехов существовал патриотический древний эпос. Ганка сыграл выдающуюся роль в формировании чешской национальной идеи. И только на рубеже XIX-XX вв. подделка была официально подтверждена.

И у нас на Руси были свои мистификаторы. Самым знаменитым подделывателем исторических рукописей был Александр Сулакадзев (1771-1830). Он собирал древние рукописные памятники, но делал в них приписки и т.д. Читатель, Ты наверняка читал в школьных учебниках про то, как Иван КрякутнЫй, изобретатель летательного аппарата, поднялся в небо задолго до братьев Монгольфье. Не было никогда такого русского пилота-воздухоплатателя. Сулакадзев в 1820-х гг. собственноручно изготовил рукопись «О воздушном летании в России с 906 лета Р.Х.». Первыми русскими «летчиками» были у него огненные змии-драконы. Фальсификатор придумал историю про подъячего по фамилии КрякутнОй (без имени), который в 1731 г. поднялся в воздух в Рязани на «большом мяче», наполненном «поганым дымом». Эти враки были чрезвычайно популярны в сталинские времена, мол, мы всегда и во всем первые и в том числе в техническом изобретательстве. Кстати, этот нелепый эпизод с «воздухоплатателем» по недоразумению попал в великий фильм Андрея Тарковского (1932-1986) «Андрей Рублев» (1971).

В этих мистификациях (во славу родины) нет ничего дурного, как и в мистификации, о которой пойдет речь ниже.

Роман «Девятные врата» – несомненная мистификация. Никто не знает Анатолия Брусникина. Он дал пару интервью и... замолчал, сославшись на издательский диктат. Появилась его фотография, о которой он сказал, что она «подправлена» с помощью «фотошопа». Себя он позиционирует как музейного работника и врача (у него два высших образования). Странное сочетание. Я знавал и знаю много музейных работников, сам прослужил 12 лет в Рукописном отделе Пушкинского Дома, но никогда не встречал среди этой почтенной публики врачей. Брусникин сказал, что написал роман «в четыре руки» с супругой. ТАКОЙ роман так ПРОСТО не напишешь. Критики и публика не верят господину Брусникину и правильно делают. Перед нами бесподобная мистификация.

Есть весьма странные версии авторства «Девятого Спа-са», мол, книгу написал совладелец издательства «Аст» Яков Хелемский. Если так, то он просто гений, роман технически невероятно совершенен. Зачем, правда, он бесподобно подражает духу и букве Акунина, он сам может великолепно писать. Все это напоминает мне: до того, как Акунин сбросил маску (никто не знал, что он Григорий Чхартишвили), авторство романов о сыщике Фандорине приписывали Игорю Захарову – владельцу издательства «Захаров».

Большинство критиков (и аз, грешный) полагают, что ав-

тором романа является все тот же Борис Акунин. Никаких достоверных сведений об этом нет. Только интуиция. Правда, Акунин чуть приоткрыл занавеску исповедальни. На задней крышке переплета романа помещена его запись: «Хотел я написать роман из Петровской эпохи, а теперь, пожалуй, не буду. Лучше, чем у Брусникина, у меня вряд ли получится». Ох, лукавец и плут. Читатель, обрати внимание: Анатолий Брусникин – практически анаграмма сочетания имени и фамилии: Борис Акунин. Если автор Борис Акунин, то мы в очередной раз убеждаемся в его умении-стремлении менять маски -«баутты». Если у книги сыщется ДРУГОЙ автор, я в печати заявлю: Пригодич – дурак. Совершенно серьезно.

Кстати, стилистика, игра в слова и со словами в брусникинской книге чрезвычайно напоминают акунинскую манеру. «Девятный Спас» полемически ориентирован на прославленные (заслуженно) романы Дмитрия Мережковского «Петр и Алексей» и Алексея Толстого «Петр Первый». И еще: рекламисты заработали на «раскрутке» брусникинского романа миллион евро. Вряд ли такое случилось бы с книгой начинающего автора. Воистину Брусникинский (по аналогии с Брусиловским) прорыв, как заметил остроумный критик. Важно: «Девятный Спас» в существенной степени перекликается с романом Акунина «Алтын-толобас» (основное действие происходит в эпоху Алексея Михайловича).

Действие «Девятого Спаса» начинается в 1689 г. Основные герои романа – Дмитрий (дворянин), Алексей (попо-

вич) и Илья (крестьянский сын) – русские «мушкетеры» (не забудем про Дюма). Таинственными отношениями они связаны с Василисой, внебрачной дочерью ... и князя.... Важную роль в их судьбах сыграет Автоном Зеркалов, демонический преступник, один из заправил Преображенского приказа (тайная политическая полиция). Особое внимание хочу обратить на зловещий образ Федора Ромодановского, царь-кесаря, правившего Россией во время многомесячных отъездов царя Петра за границу, палача и негодяя (реальный исторический персонаж). На его совести тысячи загубленных жизней (стрелецкие казни и т.д.). В книге десятки иных персонажей, принадлежавших к разным сословиям, и т.д. Герои, включая царь-кесаря, стоически преодолевают баснословные и опасные приключения (иногда жутковатые).

Петра в романе нет. Однако он незримо присутствует на каждой странице. Все мерзости неописуемые творятся с его ведома и попуска. Петровская "перестройка", изменившая и преобразовавшая Россию, привела к тому, что в результате и вследствие ее каждый пятый россиянин в землю лег: за долгие годы петровского правления население царства-империи сократилось с 25 до 20-ти миллионов человек. Неплохо бы помнить об этом нынешним и будущим российским реформаторам. Автор осторожно подводит читателя к выводу: постепенное преобразование страны (постепенные шадящие изменения Алексея Михайловича и Царевны Софьи) было «взорвано» Петром, вздернувшим Рос-

сию «на дыбы» (Пушкин). Читатель, страшно об этом писать. Петр I был кровавым псом, психически больным садистом, врагом свободы, свободной экономики, поработителем крестьянства, дворянства, купечества и мещанства, родоначальником сословного тотального "стукачества", погубителем Православия, зажегшим инквизиционные костры на Русском Севере, предвосхитителем государства тоталитарного типа, который привел "оккупированную" им страну к пропасти, от края которой она медленно, в крови гвардейских переворотов, отползала в течение всего восемнадцатого столетия. Читатель, послушай Льва Толстого, сказавшего о первом русском императоре: "Был осатанелый зверь. Великий мерзавец, благочестивейший разбойник, убийца... Забыть про это, а не памятники ставить". Грустно. Муза истории печальна и неулыбчива.

Вот такая книга. Шедевр в своем ранге и стиле (без дураков). Рекомендую.

P.S. Читатель, "Девятный Спас" – выдающаяся книга. Такого лихого исторического романа на Руси еще не было. "Роб Рой" В.Скотта – замечательный исторический роман. "Капитанская дочка" – великий роман. А "Девятный Спас" интересней, динамичней и «круче».

Брусникин ВКУСНО употребляет дивные термины: кюлоты, кавалетто, галант, кутчер, танцОвание, адюшан, вивлиофека, гехаймрат, КАНАРСКИЕ соловьи (еще не было слова канарейка), салфеты, потентат и т.д.

Фонтанирующая игра словами. Автор романа сочинил за одного из героев ВИРШИ (нужно знать тогдашнее, калькированное с польского, силлабическое стихосложение). Кто-то из высоких профессионалов работает на него (консультанты, специалисты по 18 веку).

Шуточки писательские. В 1682 г. Сильвестр Медведев (никто его не помнит, а он был первым КАЗНЕННЫМ русским поэтом; Петр отрубил голову за участие в заговоре царицы Софьи) основал Славяно-греко-латинскую академию. В романе – еллино-греческую (комическая тавтология). Так автор шутит для СЕБЯ.

«Я сам расскажу о времени и о себе», или интервью Бродского

Любезный читатель, осмелюсь предложить Твоему вниманию замечательную высокодуховную книгу: **Иосиф Бродский. Книга интервью. Четвертое, исправленное и дополненное издание. М. Издатель Захаров. 2008. 784 С. Тираж 3000 экземпляров.**

Все в полном порядке в нашем литературном саду – «вертограде», если такая книга выходит четвертым изданием. Тираж «всего» 3000 экземпляров, так это же не Маринина-Донцова-Устинова. Заголовок статьи я заимствовал из гениального поэтического завещания Владимира Маяковского «Во весь голос»... В интервью выдающемуся литовскому поэту Томасу Венцлове Бродский так отозвался о своем великом предшественнике: «... у Маяковского я научился колоссальному количеству вещей» (С. 359; журнал «Страна и мир», № 3, 1988).

Составитель книги (Валентина Полухина, «профессор русской литературы, Англия») и знаменитый издатель, «первооткрыватель» Бориса Акунина, Игорь Захаров в кратком предисловии свидетельствуют: «Выбрать из 176 интервью самые интересные, самые содержательные, избежав повторений, оказалось весьма непросто... Многие интервью печата-

ются в этой книге впервые, причем не только по-русски, но и вообще впервые в мире» (С. 5). В книгу включены наиболее значимые интервью поэта 1963-1995 гг., данные разным «совопросникам» из разных средств массовой информации в разных странах и на разных языках.

Сразу зафиксирую: издание завершается весьма глубокой, тонкой и содержательной статьей Валентины Полухиной «Портрет поэта в его интервью», исчерпывающей «Библиографией интервью Иосифа Бродского» и именованной указателем. Составитель специально оговаривает, что в книгу не включена ни одна «беседа» Бродского с известным музыковедом Соломоном Волковым по той простой причине, что эти тексты тщательно редактировались, микшировались, переиначивались и т.д. (Соломон Волков. Разговоры с Иосифом Бродским. N.-Y, 1997; Соломон Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998). Книжки чудесные, но в них затушевана живая неповторимая вербальная повадка поэта. В интервью, вошедших в рецензируемое издание иногда в «обратных» переводах, прекрасно ощутима живая, нервная, иногда сбивчивая речь Мастера-мыслителя.

Поэзию Бродского многие преданно любят, многие преданно ненавидят. Дело житейское: каждый человек имеет право на частное мнение по частной проблеме. Замечу, что когда я был молод, все подражали Есенину (самые «продвинутые» – Блоку), сегодня бесчисленные эпигоны Бродского заполнили поэтические разделы буквально всех «бу-

мажных» и «сетевых» изданий. Это неоспоримое явление длится уже четверть века. Сам я, грешный, Бродского "обожаю" (прелестное словечко из лексикона барышень – «институток» – благородных девиц), осознанно и продуманно числю его величайшим метафизическим поэтом прошлого века. Почему метафизическим? Читайте – и «обрящете».

Я думаю ТАК, Ты, читатель, возможно, считаешь иначе (ради Бога). На мой вкус и взгляд, Бродский, медальным профилем «наплывший» (словечко Осипа Манделштама) на мировую литературу, реформировал русскую поэзию. Как? А так: уподобим русскую классическую поэзию великолепной «лакированной карете» (первоначальное название романа Андрея Белого «Петербург») с дивными лошадами, мягкими рессорами, венецианскими стеклами, шелковыми обоями, меховыми «полостями». Красиво до обморока, величаво, шедевр словесного искусства. Поэзия Бродского – некий «Ягуар» или «Бугатти» с иным дизайном, выверенным в аэродинамической трубе ураганного двадцатого века, с иными мощностями и скоростями. И «Ягуар», и «Бугатти» с их «обводами», моторами, «подвесками», кожаными сидениями – неоспоримые шедевры. Как говаривали в старой России: кто любит попадю, а кто – попову дочку.

Иосиф Александрович старше меня на восемь лет: поэт пользовался высоким покровительством Анны Андреевны Ахматовой, а я – одиннадцатиклассник – присутствовал лишь на ее отпевании в Никольском соборе. В юные годы я

видал его мельком много раз. Могу сказать с горькой печалью, что с годами я стал другом его друзей («иных уж нет»). Жизнь странна и печальна. 30 января 1971 года мы хоронили великого гуманитария академика Виктора Максимовича Жирмунского – теоретика литературы, стиховеда, лингвиста, непосредственного участника литературного процесса Серебряного века, «пестователя» нескольких поколений питерских филологов. Я был тогда весьма близок семье своего учителя. Ваш покорный слуга нес гроб «в ногах», слева был Бродский, справа – выдающийся теоретик и практик русского стихотворного перевода профессор Ефим Григорьевич Эткинд. В накатанном процессе похорон покурили пару раз с «культовым» уже тогда «рыжим». Разговор состоялся пустяковый, но я его запомнил. Иосиф Александрович пророчески заметил, что после кончины Жирмунского не выйдут в свет ни том Джона Донна в серии "Литературные памятники" (основным переводчиком должен был быть Бродский: сбылось буква в букву – книга так и не была издана), ни наша с Александром Лавровым статья с приложениями «Стиховедческое наследие Андрея Белого» в журнале «Вопросы языкознания» (академик был его главным редактором и всячески споспешествовал опубликованию данного «опуса»). Статью (имя Андрея Белого, а тем паче его неопубликованные тексты были тогда практически запретными) опубликовал лет десять спустя легендарный Юрий Михайлович Лотман в одной из легендарных тартуских «Се-

миотик» ("Труды по знаковым системам"). В начале девяностых годов Иосиф Александрович хотел дописать пару страничек к моей рецензии на первое издание книги Константина Азадовского "Небесная арка" (переписка М.И.Цветаевой с Р.М.Рильке). Не сложилось по причине, о которой я умолчу. Вот и все. Не густо, но занятно.

Читатель, вероятно, я утомил Тебя столь затянувшейся преамбулой. Прости великодушно. О чем свидетельствует Бродский в своих интервью? Обо всем. О трагедийности жизни и смерти, о вере и неверии, о неизбывной «тоске по мировой культуре», о месте человека в мире и миропорядке, о поэзии и поэтах (прежде всего об Ахматовой, Цветаевой, Мандельштаме, Пушкине, Баратынском, Вяземском, Уинстоне Хью Одене, Дерекке Уолкотте), о войне и мире, о судьбах государств и цивилизаций, о мировом литературном процессе, о писателе и тирании, о Тебе и обо мне. Поражает вселенская философская умудренность и просветленность поэта, его великодушные, милосердие, некий дзенский юмор, невероятная культурность и духовная опрятность. Мысль поэта (простите за пошлость сравнения) не стрелой, а ракетой пронизывает сверхбытийные слои эфирного «вещества», именуемого ныне «ноосферой».

Приведу лучшее из известных мне определений того служения, которому Бродский посвятил жизнь: «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства, но скорее наша видовая цель. Если то, что отличает нас от остального животного

царства – речь, то поэзия – высшая форма речи, наше, так сказать, генетическое отличие от зверей. Отказываясь от нее, мы обрекаем себя на низшие формы общения, будь то политика, торговля и тому подобное. Это колоссальный ускоритель сознания, и для пишущего, и для читающего. Вы обнаруживаете связи и зависимости, о существовании которых и не подозревали: данные в языке, в речи. Это уникальный инструмент познания» (С. 721; июль 1995 г.; интервью «Московским новостям»).

Магистральная тема практически всех интервью Бродского – Россия, ее тяжелое прошлое, непредсказуемое грядущее, фатальные болезни и сверхъестественная способность к исцелению-воскрешению, ее литература: одномоментно – кривое зеркало и путеводительный прожектор. Многочисленные недоброжелатели поэта упрекают его в пресловутой «русофобии». Не удержусь, напомним «зоилам» фразу Бродского из интервью польскому журналу «Przekroj»: «Бояться, опасаться за Россию не нужно. Не нужно бояться ни за страну, ни за ее культуру. При таком языке, при таком наследии, при таком количестве людей неизбежно, что она породит и великую культуру, и великую поэзию, и, я думаю, сносную политическую систему, в конце концов» (С.673; июль 1993 г.). Поверим гордым словам провидца.

Бродский сказал это полякам. Помнишь ли Ты, читатель, о том, что самые тяжелые и длительные войны Русь-Россия вела не с немцами и турками, а с Речью Посполитой. А воз

и ныне там (натовские ракеты).

Изредка Бродский в своих высказываниях монотонен, Впрочем, повторы высвечивают новые грани смысла. Эта книга – одна из лучших, какие я прочел за последнее десятилетие.

Читатель, прибегну к кулинарной аналогии: едал ты, возможно, улиток, устриц, лягух склизкокожих. Не болит живот? Побаливает! Прочитай книгу Бродского – ржаной горячий хлебушек, испеченный не на поточном хлебозаводе, а в русской печи русской литературы, по старым рецептам, но с изысканными заморскими пряностями. А дух-то какой идет от поджаристой корочки, голова кружится. Русская печь, кстати, – величайшее создание нашего национального гения: отопление, приготовление еды и баня в одном агрегате. Сказанное целиком относится и к книге интервью Бродского. В одной отличной книге упрятаны три отличные книги: о литературе, о человеческой и нечеловеческой судьбе, о здоровом житейском смысле.

P.S. В новом выпуске «Территории бизнеса» обсудим роман Захара Прилепина «Грех» (премия «Национальный бестселлер» за текущий год).

21 августа 2008 г.

Грех прилепился, а кто без греха

8 июня 2008 г. нижегородский прозаик в Петербурге, в зимнем саду гостиницы «Астория» получил престижную литературную премию «Национальный бестселлер». Итак: **Захар Прилепин. Грех. Роман в рассказах. М., 2008. Издательство «Вагриус». 256 С. Тираж 5000 экземпляров.** В этом году впервые в выборе лауреата участвовали не только члены жюри, но и читатели (электронное голосование). Писатель получил не только солидный денежный приз, его книга будет издана тиражом 50 000 экземпляров.

Захар Прилепин – отнюдь не новичок в литературе, хотя его первые поэтические публикации относятся лишь к 2003 г. Его книги входили в «шорт-листы» самых известных литературных премий. Но только в этом году он стал, наконец, «олимпийским чемпионом».

Романы Прилепина «Патологии» (2005; самая жесткая и жестокая книга о Чеченской войне) и «Санькя» (2006; похождения автора в национал-большевистском движении) вышли несколькими тиражами, вызвали зубодробительную полемику, притягивание-отторжение читателей.

Сам автор так позиционирует свои политические предпочтения: «**Убеждения:** леворадикальная оппозиция, участник коалиции “Другая Россия”, член запрещенной Национал-большевистской партии, сопредседатель всероссийской

общественной организации «На. Р.О.Д»».

Вильну хвостом влево. Лет 15 тому назад обедал я с композитором-авангардистом, шоуменом Сергеем Курехиным и поэтом Виктором Кривулиным (оба давно в Царствии Небесном). Основатель группы «Поп-механика» призывал нас с Виктором «духовно окормлять» (именно так!) Национал-большевистскую партию: писать в газету «Лимонка», сочинять какие-то брошюрки, выступать с чтением лекций и стихов. Так вот: нам жены запретили (я совершенно серьезно). Кстати, наш герой – постоянный автор «Лимонки». Сейчас он – главный редактор регионального аналитического портала "Агентство политических новостей – Нижний Новгород".

Еще об авторе. Захар Прилепин родился 7 июля 1975 г. в глухой рязанской глубинке (деревня Ильинка Скопинского района). Его отец – учитель истории, матушка – медицинская сестра. Прозаик окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского (отделение: Школа публичной политики). Читатель, Ты скажешь, эка невидаль, филологический факультет (или Литературный институт): а где же еще учиться писателю. Самый тривиальный сюжет? Нет! В отличие от сонма литераторов у Прилепина были и иные «университеты». В разное время он был грузчиком, охранником, разноработчим. В должности командира отделения ОМОН дважды непосредственно принимал участие в боевых действиях на

территории Чеченской республики (1996 и 1999 гг.). Снимаю шляпу. Почтительно и уважительно процитирую четверостишие поэта-путешественника, поэта-воина Николая Гумилева, заменив местоимение «я» на «он»:

Не по залам и по салонам,
Темным платьям и пиджакам –
Он читает стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Прилепин – отец троих деток, по его словам, «счастливо женат». В романе мощно (как в симфонии) звучит толстовская тема семейной любви, семейного счастья. Неимоверная редкость по нынешним временам. Предивно и пречудесно. Любимая «цитата» автора: мрачный, пугающе честный афоризм Льва Толстого: «Умрешь – и все узнаешь; или перестанешь спрашивать».

Автор исключительно культурен (в старопитерском смысле): в романе упоминаются Гайто Газданов, Осип Мандельштам, Владимир Набоков, Борис Пастернак, Павел Васильев, Иван Приблудный, Борис Корнилов. Серебряный век – одно из магистральных литературных пристрастий прозаика.

О чем книга? Занудно повторяю: как всякое большое произведение – про нас, грешных, любезный Читатель. О «тоске по мировой культуре», о греховности сей «юдоли плача», о любви, войне и смерти (поразительный рассказ «Сержант», завершающий книгу), об истончающейся иллюзорности ми-

ропорядка и миропонимания, о теплом надышанном семейном мирке – «непотопляемом авианосце» покоя и счастья.

Главный герой рассказов Прилепина именуется просто: Захарка. Не будем вдаваться в дискуссию о проблеме «лирического героя». Роман в рассказах исключительно автобиографичен. Образ Захарки подкупает и умиляет своей свежестью и чистотой (как дамы говаривали когда-то).

Тонкое и умное предисловие к роману, написанное Дмитрием Быковым, называется «Счастливая жизнь Захара Прилепина». Все именно так и есть. «Счастливая жизнь», – как «ветка, полная цветов и листьев» (Юрий Олеша). На черном фоне-занавесе современной литературы, заполонившей книжный рынок, ориентированный на массового читателя, «чернухой» и «порнухой», «гламурными» безделками и «дамскими романами», книга Прилепина, ей-Богу, представляется «лучом света в темном царстве» (название знаменитой статьи Николая Добролюбова о знаменитой пьесе «Гроза» Александра Островского). Отсутствием этих «грехов» (чернуха и порнуха) Прилепин победоносно отличается от таких блистательных писателей, как Виктор Пелевин и Владимир Сорокин.

Прочитую предисловие Дмитрия Быкова: «В этой книге есть бесценные витамины, которых так мало в текущей литературе: энергия, храбрость, радость, жизнестойкость, нежность» (С. 10). И еще об образе Захарки: «Персонаж, которого переполняет обычное счастье жить, любить, творчески

самоосуществляться, наслаждаться собственным здоровьем, силой и остротой восприятия, – редчайший случай в нашей пасмурной литературе, и его хочется немедленно загасить, чтоб не маячил напоминанием о таких возможностях» (С. 7). Суров и безжалостен Дмитрий Быков по отношению к критиканам-щелкоперам. Именно «гасить», оскорблять, изгиляться и топтать отменную книгу – любимое занятие у «критической» братии.

Добавлю от себя: книга brutальная, маскулиная, воспевающая тотальное доминирование мужчины во всем и везде, апология «мачизма». Феминисткам «Грех» читать не советую.

Прилепин упоминает и цитирует в книге немецкого писателя и философа Эрнста Юнгера (1895-1998; какая паразитично долгая жизнь). Есть у Юнгера такое понятие: «героический реализм». Вот исчерпывающее определение творческого метода автора «Греха».

Композиция – один из характерных элементов-приемов писательского дарования Захара Прилепина. Архитектоника романа базируется на циклизации рассказов, объединенных сквозным персонажем, каждый из которых позволяет читателю подойти к герою с разных сторон, с разных ракурсов и углов зрения, что придает «Греху» некую специфическую «стереоскопичность». Читатель, у Тебя возникли какие-либо ассоциации? Правильно: Прилепин держит в головушке «Героя нашего времени» Лермонтова.

Под номером девять опубликован не рассказ, а цикл стихотворений: «Иными словами.... Стихи Захарки». Хорошие стихи, сочные, вкусные, но, как говорят англичане: не моя чашка чая. Есть в книге разномастные и разноместные стилистические неточности. А кто без греха?

Частенько я пишу о таких книгах, которые читаешь – и словно в цирк попал: огни бенгальские, слоны танцуют, львы сквозь обруч прыгают, ручные обезьянки на дрессированных собачках разъезжают, девки полуголые пляшут, в оркестре Некто в сером (персонаж знаменитой драмы Леонида Андреева "Жизнь человека" – воплощение сатаны) в тарелки медные лупит. Ошеломительно интересно, но... душно. А взял я в руки роман Захара Прилепина, так причудилось мне на сотой странице, что сижу я на пеньке в березовом лесу, и воздух сладкий, и листья славно шелестят.

Блестящая книга. Единственный упрек, который я могу сделать автору (мягко попенять) заключается в следующем (ну, чистый «канцелярит»): поэтизация «пьянки-гулянки». Речь идет не о «культурном» употреблении спиртного, не об ужинах с коньячком и кофе, не о домашних застольях с умеренно и пристойно дозированным алкоголем, а именно о «пьянке-гулянке» – разнузданной, страшной, трагической, безумно опасной не только для физического здоровья, но и для посмертного существования души в пакибытии (так скажем). Долгие, тяжелые и бессмысленные (если честно) годы я прожил в «богеме», я прожил с «богемой». По-

эты, прозаики, художники и композиторы в годы моей баснословной юности пили «страшно» (определение Магнуса Люнгрена, моего шведского друга, замечательного специалиста по творчеству Андрея Белого, неперемного участника питерских «посиделок» 1970-1980-х гг. (слово «тусовка» тогда еще не было вытащено бесом из потайного кармана).

Немыслимые возлияния в моей корпорации, Читатель, Ты не поверишь, были своеобразной формой протеста против коммунистического режима (я совершенно серьезно), против удушающей цензуры и несвободы. Мол, «они» домны задувают, ведут «битву за урожай», отчетные доклады Брежнева на съездах КПСС конспектируют, а «мы» – в мастерских художников водочку (когда не стало водки – портвейн) кушаем в идеологическом небрежении и запустении. У «них» – Моральный кодекс строителя коммунизма, у «нас» – «заговор чувств» (опять Юрий Олеша).

Все это забавно и занятно, но знал бы Ты, Читатель, сколько творческих блестящих господ из моего поколения из-за последствий сих славных занятий – «упоений» давно обретаются в Небесном Легионе. Это было, надеюсь, что этого не будет никогда.

А книга удивительно хороша...

P.S. В следующем выпуске обсудим таинственный роман Анны Борисовой «Там», вызвавший жаркие споры среди...

18 сентября 2008 г. Петергоф.

Тут вам не там, или Недамский роман

Любезный читатель, на сей раз поговорим о таинственной книге: **Анна Борисова. Там. Роман в трех актах. М., изд. «КоЛибри». 2008. Тираж 15 000. 336 С.** Книгоиздатели и книгопродавцы характеризуют книгу так: жанр – Современная женская проза; серия – Отдельные проекты. Занятные проекты. Женская ли это проза – большой-пребольшой вопрос.

В разных поисковых «машинах» долго и нудно искал я биографические сведения о писательнице Анне Борисовой. Есть ее тезки: звезда отечественной эротики, офисная барышня, журналистка и т.д. И вдруг в финале поиска («Rambler») я «наткнулся» на интервью автора романа «Там». Как я и думал: Анна Борисова – псевдоним. Мистифицирующая читателей писательница сказала, что выпустила книгу под псевдонимом из-за мужа: «Его профессиональным делам может помешать жена-сочинительница». Загадочная романистка дала понять, что фамилия Борисова происходит от ее отчества.

Читатель, Ты не поверишь, критики-авгуры стали приписывать авторство Алле Борисовне Пугачевой и Татьяне Борисовне Дьяченко-Юмашевой (в девичестве Ельциной).

Комментарии излишни. Такие «сложные» дамы не смогли бы сочинить такую «простую» книгу.

Натурально предположительно пишут и о том, что автором книги на самом деле являются: предприниматель Александр Мамут или вечный и всегдашний «творец всего сущего» в литературе Борис Акунин. Сомнительно. В отличие от автора-редактора-издателя романа «Там», эти господа знают, что в русском языке слово «кофе» мужского рода. Впрочем, изошренный мистификатор вполне может ТАК шутить («свое кофе»). Ну, тогда: исполать забавнику и плуту.

Итак, мы вновь сталкиваемся с таинственной литературной мистификацией, как и в случае с подлинным авторством романа Анатолия Брусникина «Девятный Спас». Я предположил, что автор «Девятого Спаса» – Борис Акунин. Никто мое предположение ПОКА не опроверг. Достоверно знаю, что эту книгу читал Президент Российской Федерации.

Литература – игра, мистификация – вершина литературной игры. Появились уже немногочисленные рецензии на роман «Там». Я никогда не читаю заметки о книгах, о которых пишу. Бегло пролистываю. Обычно одно и то же: занудное изложение сюжета и куцые выводы, которые критик предлагает, нет, агрессивно внушает читателю.

Читатель спросит: почему в заглавии статьи присутствует словосочетание «Тут вам не там». Отвечаю. На излете перестройки, в преддверии крушения Красной Империи крупные значки с таким «слоганом» продавались во всех ларьках,

ныне снесенных в Лету. Такая несложная фраза ТОНКО намекала покупателю, что скоро нас ждет капиталистический рай, мы должны все делать, как «они», и будет всем «счастье». Работать будет не надо, исчезнут болезни, и все станет, как у «них». Помнишь, читатель, глубокую истину, афористически сформулированную Ильей Ильфом и Евгением Петровым в начале далеких 1930-х годочков (акkurat перед Большим террором): «Радио есть, а счастья нет». И сейчас у многих: банковские счета есть, яхта есть, вилла есть, лучшие барышни есть и т.д., а счастья нет.

Так вот, «Тут вам не там» – не что иное, как определение проблематики романа Анны Борисовой. Несколько строк о сюжете: двенадцать человек (и собака Кузя) разных национальностей, разного возраста, принадлежащих к разным стратам и, главное, к разным конфессиям, в результате ... гибнут и попадают в ... Всё. Но каждый из них попадает в свой особый ... или ад, определяемый конфессионально-культурным статусом погибшего (у христиан, мусульман и буддистов полярно противоположные представления-переживания своего...).

Выражаясь простецким языком, роман «Там» – о «пакибытии» души и тела после смерти (о «посмертии»). Читатель скажет: веселенькая книжка. Отчасти так. В романе много специфического (не дамского) элегантного НАИЧЕРНЕЙШЕГО юмора (иногда просто содрогательного) и цинического шарма. Хорошая книга? Не знаю. Можно ли так сказать,

к примеру, о тибетской «Книге мертвых» или о «Хождении Богородицы по мукам». Совершенно уместное уподобление. Роман, если это роман, можно читать, а можно и не читать в зависимости от Твоего мировидения и миропонимания, Читатель. На все Твоя воля.

В статье о романе Стивена Кинга «История Лизи» я писал: «Всю мировую литературу можно условно разделить на два гигантских книжных Монблана по важнейшему критерию: душа бессмертна – души нет; вечная жизнь есть – вечной жизни нет. Первому книжному Эвересту – минимум пять тысяч лет, второму – лет двести пятьдесят (если серьезно, то до французских просветителей ТАКОЕ толком и в голову не приходило)» (Василий Пригодич. Король литературный, или Королевская литература // Территория бизнеса. 2008, № 1 (16). С. 90-91). Роман Анны Борисовой именно о том, что душа бессмертна, и вечная жизнь есть. Если честно, книга такая, аж жидкие поджилки читательские трясутся, и уши оттопыренные инеем покрываются. Что еще сказать – не знаю, душа пуста и по клавиатуре пальцами шастать боязно. Я совершенно серьезно. Компьютер трижды «выбрасывал» (уничтожал) этот текст. Скажу, что это – не стандартная рецензия, а «взгляд и нечто», эссе, как филологические дамочки говорят.

"Объясняю на пальцах, что такое категорический императив Канта", – так вразумляет непросвещенных школяров мой знакомый профессор философии из университета...

(много ныне университетов развелось, как тараканов). Проблематика романа Анны Борисовой тождественна проблематике (и только) гениального рассказа Виктора Пелевина «Фокус-группа». Два слова о впечатлении от этого рассказа и романа Анны Борисовой: чистый дух в чистом вакууме. Протагонист пелевинского рассказа – «Светящееся Существо», перекочевавшее из бульварных книжонок с записями ощущений людей, переживших клиническую смерть и возвратившихся СЮДА, заставляет читателя испуганно гадать: это... нет, не ОН..., а вдруг ОН? Читатель, смею посоветовать прочесть «Фокус-группу» (весьма компактный текст). И роман, и рассказ произведения ранга и класса творений гениального шведского мистика-визионера-духовидца Эммануэля Сведенборга (1688-1772). Я опять же совершенно серьезно. Я имею в виду «ангелологию» и «демонологию».

Друг мой, неожиданный-негаданный читатель, думаешь ли Ты о смерти. Нет? Славно! Каждый час? Ну, это перебор, как говаривают картежники. Актуальная «обмирщенная» культура (поведенческая, вербальная, художественная, естественно-научная и т.д.) «вытесняет» (гнусное словечко гнусной Венской конференции) смерть из общежительной Ойкумены (так скажем). Мыслишка тривиальная и пошлая, но дельная и вполне содержательная, увы. Помирать-то придется.

В минувшем веке смерть стала в нашей и западной куль-

туре чем-то неприличным, постыдным, ну, как позорная болезнь. Помер человек, похоронили, тяпнули водочки на поминках и все: шоу должно продолжаться. А раньше было не так, совсем не так. Моя бабушка (1874-1955) к смерти «готовилась» (молитвы, похоронная сорочка, погребальный венчик) и т.д. В течение долгих веков жизнь была преугодованием к смерти.

Человек, не ищущий (тем паче яростно отрицающий) Бога, не обрящет и жизни вечной. Опять же тривиальная мысль. Сейчас нет «воинствующих безбожников», сжигавших храмы и насилевавших монахинь, приклеивавших папироски к иконам и т.д. Однако многие бездумно повторяют слова Базарова из тургеневских «Отцов и детей», мол, помру, и лопух вырастет. Самое ужасное в том, что именно так может и случиться. Старинные люди говаривали: ты сказал, а бес услышал.

Из глубины веков идет учение Отцов Церкви: каждому воздастся по вере его. А нет веры – ничего (и воздаяния) не будет. Эту мысль гениально проиллюстрировал Михаил Булгаков (кстати, его отец был профессором Киевской духовной академии) в романе «Мастер и Маргарита». Обращаясь к отчлененной трамваем голове Михаила Берлиоза, Воланд говорит: «Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат до-

казательством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере... Да сбудется же это! Вы уходите в небытие...». Да, богохульствовать, яростно отрицать Бога («похоронить» его, как Ницше) опасно не только для физического здоровья, но и для посмертного существования души. Если верить в Его бытие-наличие. А на нет – и суда нет.

Читатель, я сказал о романе Анны Борисовой все, что хотел. Я по-старинному, да и профессия понуждает, начитанный человек, и вот меня недавно поразила пронзительная строка Александра Введенского (был такой поэт, входивший, наряду с Николаем Заболоцким, Константином Вагиновым и Даниилом Хармсом в группу ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства), сгинувший в сталинских лагерях: (умер на этапе):

«Кругом, возможно, Бог».

Вот в этом «возможно» заключена, как зародыш в яйце, как древняя мушка в древнем янтаре, как плод в материнском чреве, вся наша лепая и нелепая жизнь-смерть. Друзья, живите долго.

P.S. В следующем номере поговорим об уморительно забавной книге: Сергей Жатин. Ромео и Джульетта. Воронежские страдания» («ремейк» самой известной драмы Вильяма Шекспира).

20 сентября 2008 г.

Нет повести **КОНКРЕТНЕЕ** на свете, или **Сергей** **Жатин. Ромео и Джульетта.**

Читатель, сегодня поговорим об одной яркой, талантливой, бурлескной, искрящейся, очень смешной и одновременно грустной книге: **Сергей Жатин. Ромео и Джульетта. Воронежские страдания.** М., изд. Аст; СПб., изд. Астрель. 221С. Серия: **Классика. net.** Тираж **10 тысяч экземпляров.** В аннотации сказано (Читатель, не падай в обморок и не воздевай очеса-ручеса горе): «“Воронежские страдания” – культовый ремейк популярного блокбастера “Ромео и Джульетта” образца 1593 года, выпущенного под торговой маркой “Вильям Шекспир”» (С. 4).

Не надо восклицаний-порицаний-нарицаний. Шекспировская трагедия – натуральный ремейк ремейков. Сюжет ее восходит к античности, потом его разрабатывали итальянские авторы: Мазуччо, Бальдери, Банделло, Луиджи да Порто («История двух благородных любовников». Первая четверть XVI в.). Именно да Порто «примудрил» Верону, имена и фамилии главных персонажей и т.д.). Обработав эти материалы, Артур Брук, английский поэт, сочинил поэму «Ромео и Джульетта» (конец XVI в.), откуда Шекспир заимствовал ВСЁ (сюжет, героев, проблематику и т.д.). Кстати, автор-

ство Шекспира (весь корпус текстов) по сей день оспаривается многими знаменитыми и неизвестными шекспироведами-профессионалами, в первую очередь, английскими).

В основу своей пьесы автор положил перевод шекспировской драмы, сделанный Татьяной Щепкиной-Куперник (1874-1952; писала стихи, пьесы, мемуарную прозу). Шекспира на Руси стали переводить еще в XVIII в. (Сумароков). Среди переводчиков Шекспира были такие выдающиеся писатели, как Карамзин, Гнедич, Кюхельбекер, Лозинский, Пастернак. По отзывам профессионалов перевод Щепкиной-Куперник – слащав, неточен, в нем много дамской «отсебятины». А жатинская вербальная ткань – прочна, проста (без вышивок) и сурова, как холст, «чертова кожа» и дерюга.

Несколько театров ведут с автором серьезные переговоры о постановке на сцене «Воронежских страданий». Помнишь, Читатель, бессмертный элегический дистих: «Москва – Воронеж. Хрен догонишь». И мы прибавим: «Москва – Верона. Лети, ворона». Воронеж, Верона. Пожелаем Сергею успехов на театральных подмостках.

Читатель, помнишь ли Ты восьмилетней давности скандал, когда Борис Акунин «переписал» чеховскую «Чайку», создав своего рода шедевр криминальной драматургии. В финале чеховской пьесы молодой декадентствующий писатель Константин Треплев кончает жизнь самоубийством, стреляется. Акунин продолжил кладбищенскую "комедию"

А. Чехова. Как? Драматург, наш современник, предлагает восемь версий убийства героя, которое могли совершить все персонажи "Чайки". Акунинская пьеса была поставлена, и ревнители литературного благочестия волками взвыли: руки прочь от Чехова, духовность, глумление над классикой, запретить, писателя «расстрелять» и т.д. Та же судьба ожидает и «Ромео и Джульетту» Сергей Жатина (уже пишут и пишут).

Советские и постсоветские критики никак не могут отвыкнуть от пленительной, но губительной иллюзии, мол, читатель – дурак, несмышлениш сопливый, его надо учить уму-разуму, растолковывать "идейное содержание" произведения, выстраивать идиотическое иерархическое соподчинение имен и жанров, и прочая квазивысоколобая лабуда.

Как всегда, несколько фраз об авторе. Сергей Жатин родился 11 января 1971 г. в застойном Ленинграде (мистика колхозная: в один день и год с моим сыном) в семье «технарей». В 1986 г. окончил техникум морского приборостроения (факультет электроники), в 2001 – Институт сервиса и экономики. В отличие от таких гуманитариев, как я, будущий писатель прошел суровые «университетские штудии» (все ли помнят книгу Максима Горького «Мои университеты»). В разное время он был звеньевым в бригаде грузчиков, машинистом мостового и козлового крана, водителем электропогрузчика и электрокара, коммерческим директором производственно-торгового предприятия. В звании мат-

роса срочной службы, в период с 1990 по 1992 г.г. проходил службу в рядах Вооружённых сил СССР (впоследствии РФ), на Северном флоте, в г. Североморск.

Сергей Жатин – отец двух деток. В 35 лет перенёс тяжёлый инсульт, был частично парализован (острый левосторонний парез) Получил инвалидность, лишился работы, которой занимался более 12 лет. Путём ежедневных упорных мучительных тренировок добился практически полного восстановления утраченных функций организма, обрёл новую (более интересную и стабильную) работу, снова стал писать книги. Да, хорошую портянку жизнь дала понюхать писателю. Как профессиональный больной, я аплодирую Сергею и кепку-ленинку снимаю. Сейчас служит менеджером в крупной компании. Любимая цитата автора: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет». Это и мой излюбленный афоризм, пришедший к нам от тамплиеров, погостивший в наших монастырях, позднее ставший девизом русского офицерства.

Читатель, знакомо ли Тебе словечко «макаронический» (макароническая поэзия, макаронический стиль в прозе). Нет, нет, к «макаронам» это не относится. Этот нехитрый термин восходит к нехитрому итальянскому выражению *roesia mascheronica*. Речь идет о том, что для комического эффекта в художественном тексте используются слова из разных языков, причем зачастую в самых нелепых сочетаниях.

Классическим образцом русской макаронической поэзии

является знаменитая юмористическая поэма Ивана Мятлева (Ишки Мятлева – так называли его друзья: Жуковский, Вяземский, Пушкин, Лермонтов; 1796-1844) «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже», пользовавшейся когда-то невероятным успехом: талантливо, едко и зло осмеянная «смесь французского с нижегородским» (Грибоедов).

Сергей Жатин сочинил «макароническую пьесу» (подобные примеры в русской драматургии мне неизвестны). А вдруг я забыл? Бог простит.

Пример. Меркуцио («родственник начальника ГУВД, друг Ромео, падокак (так!)») говорит:

Идем на шопинг, а не за покупкой.

А там в ассортименте – контрафакт,

Который им сливает дистрибьютер!

Промоушн проводит мерчандайзер,

И в холле гастарбайтер подметает.

Риэлторы нам впарят таун-хауз,

Хедлайнеры на сейшен зазывают...

И помогают лизинг и франчайзинг

Нам парадигму бизнеса развить (С. 81-82).

На поверхностный взгляд все это смешно, а на самом деле – совсем нет. День и ночь мы слышим ТАКОЕ по телевидению и радио, читаем в газетах. Травестийная пьеса в сущности есть не что иное, как «грустная дума о нашем времени» (Белинский). Я совершенно серьезно: в драме Жатина

много боли, много печалования о бедной Родине нашей, о ее горестях и болезнях. Нравы провинциального города, бизнес и конкуренция по-русски, глупость и фобии обывателей воссозданы со стереоскопической точностью.

Автор – большой плут, в драме использованы, к примеру, аллюзии-перепевы Канта и Гегеля

Сюжет шекспировской драмы известен всем. Автор занятно модифицирует его (как? не скажу!). Несколько слов о персонажах, претерпевших по воле автора занятные пертурбации. Монтекки и Капулетти – главы двух конкурирующих фирм «Таблеточка» и «Пилюлька». Ромео, сын Монтекки, бренд-менеджер, КМС по боксу. Герцог Эскал у Жатина – генерал, начальник ГУВД города Воронеж. А монах Лоренцо стал психотерапевтом (на самом деле – майором ...). В финале он ...начальника ГУВД. Вот так.

Автор чрезвычайно умело вставляет в текст жаргонизмы, интернетсленг, арго, просторечия, элементы «олбанского языка».

Профессиональный комментатор всегда читает комментированный текст (художественный, историко-литературный, исторический и т.д.), натурально, с комментариев. Читатель, у Тебя есть дети от 4-х до 54-х лет. Есть! Тогда читай вслух «комментарии» Сергея Жатина к своему творению. Сказанное относится и к преподавателям, продавцам, врачам, офицерам, вертухаям, ко всем, чьей профессией является общение. Тщательно законспектировав эти пародий-

ные комментарии, Ты начнешь слышать сложную симфонию и видеть алмазные брызги молодежного мировидения-миропонимания. Другие, не означает плохие (это я о молодых людях).

Сергей Жатин принадлежит к числу лидеров контрлитературного течения в современной словесности (знаменитый сайт Удафф). Я уже писал об этом поветрии. Лозунг «социалистический реализм» давно выброшен на свалку (впрочем, есть люди, желающие его подобрать и водрузить над толпой вольных творческих отщепенцев). Из кармана вытащен лозунг «контркультура» (вообще). Принадлежность к этому движению литначальники трактуют, как измену родине.

Ах, пустое это все. В русской литературе происходит «вечное возвращение Того ЖЕ Самого» (Ницше), но... возвращение, обогащенное и усложненное (Жиль Делёз). Пример. Поэты моего «призыва»: Виктор Кривулин (Царствие Небесное), Елена Шварц, Сергей Стратановский – долгие годы отковывали дух и мужали в условиях литературного подполья, дышали спертым воздухом андеграунда, находились в позиции самого жесткого противостояния «советской культуре». А ныне их творчество – образчик самой ВЫСОКОЙ культуры, редкостное украшение отечественной поэзии. Пройдет время, и нынешние литературные хулиганы-эпатажники станут...

Талант – не паспорт, в карман не спрячешь.

20 ноября 2008 г. Петергоф.

Оправдание Ницше, или Интеллектуальный роман

В моих руках книга: **Ф.А. Крахоткин. Учение о государстве и праве Фридриха Ницше. М., Спецкнига. 2008. 192 С. Тираж 1000 экземпляров.**

Читатель скажет: учение-изучение-наушение. Тягомотина, безвкусная «научная» проза, мухи по тексту ползают и от скукидохнут. Нет, это совсем другая работа.

В заголовке я использовал фрагмент названия книги величайшего русского философа Владимира Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897). Лучший метафизический трактат в истории отечественной мысли, но читать совершенно невозможно (я читал по служебной надобности с выписками). Нормальный человек засыпает на третьей странице. Читатель, Ты небось коришь себя (зря), что не читывал Канта-Гегеля. И не читай! Это их проблемы, а не Твои. Господин, читавший Платона-Августина Блаженного, Иоахима Флорского (список пространен), как правило не лучше тех, кто почитывает Акунина-Сорокина-Пелевина-Устинову (опять же список пространен).

Книга о Ницше написана живым, ярким, сочным, энергическим языком, она исключительно интересна, заманчива, увлекательна, читается «на одном дыхании». Мастерская,

щегоольски выделанная научная (без кавычек) проза. В работе глубоко выражена личность самого автора, чувствуется некая специфическая исповедальность текста.

Ницше – не только мыслитель, философ, но и величайший (наряду с Лютером и Гете) писатель, реформатор немецкого языка. Автор невольно следует поразительному, завораживающему, парадоксальному «извитию словес» базельского затворника.

Стержень тома – оправдание Ницше. Замысел автора осуществлен полностью. А почему – «интеллектуальный роман»? Потому, что это и есть интеллектуальный роман (термин Томаса Манна) с главным героем (помните бессмертное школьное «литературоведение»: образ дан в развитии), с второстепенными персонажами (к примеру, маркиз де Сад и Достоевский) и четким сюжетом.

Фридрих Вильгельм Ницше (1844-1900) оказал неимоверное многоаспектное воздействие на мировую культуру. Русская «ницшеана» включает такие блистательные имена, как Толстой, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Андрей Белый, Блок, Бердяев, Лев Шестов, Сергей Франк (весьма краткий список).

После 1917 г. Ницше был проклят и забыт, объявлен провозвестником нацизма, идеологом германской экспансии и фундатором фашистской идеологии. Все это ложь! В послевоенные годы в мире (позднее и у нас) начался процесс «денацификации» (так!) Ницше. Автор вносит свою лепту в эту

копилку.

Два примера. Школьников и пенсионеров в СССР недобросовестные или просто малограмотные пропагандисты пугали ницшевской «белокурой бестией». Автор исследования суховаато констатирует: этот термин примудрил английский аристократ Хьюстон Чемберлен (1855-1927), ставший натуральным агрессивным «певцом» германского милитаризма, национализма, спесивого превосходства над всеми народами, нацизма. В СССР «белокурая бестия» трактовалась незамысловато: фашистский солдат в каске и с автоматом наступает на лицо ребенку.

Ницше многократно употребляет это словосочетание. Но как, в каком значении-соположении? Автор приводит примечательную цитату из работы Ницше «К генеалогии морали» (1877): «Белокурые бестии» – это римская, арабская, германская, японская знать, гомеровские герои, скандинавские викинги. . . все они схожи друг с другом» (С. 79). Все это весьма далеко от плакатно-трафаретных недобрых и лживых банальностей. Кстати, читатель, Ты встречал когда-либо белокурых арабов и японцев?

«Сверхчеловек». Тут советские пропагандисты просто зверели. Убийца с ножом в руке, фашистский выкормыш, творец вселенского зла и т.п. На самом деле сверхчеловек у Ницше (ни в коем случае не тиран, эксплуататор, диктатор и т.д.) – паладин Духа, носитель высочайшей культуры, творец истории, некий труднодостижимый (но вполне ре-

альный) идеал, относящийся с печальной любовью ко всем, страдающий за всех.

Автор тщательно исследует такие философемы (эссеи, термин философа Михаила Эпштейна) Ницше, как «Бог умер», «Возвращение всего Того же Самого», «Воля к власти» и др. Все это и сейчас актуально. Гимнастика ума, так скажем. Одновременно и своеобразный учебник жизни (что с нами было, что с нами будет).

Содержание книги несравненно шире и глубже ее названия. Автор размышляет о философии истории, о нигилизме, о ницшевском гениальном противопоставлении культуры и государства, о блестящей безбожной эпохе Просвещения, о современных проблемах государственного управления и правопонимания и т.д. Работа чрезвычайно полезна юристам, философам, политологам, культурологам. Но! Но! Но! И нам, милым и мирным обывателям – для усладительного чтения на нашем «обломовском» диване. Книга для всех (без дураков).

Читатель найдет в работе простые ответы на непростые вопросы: Кто виноват? Мы все. Что делать? Не то, что прикажут. Как пройти в библиотеку? Не надо туда ходить – опасно для жизни.

Собеседники автора – Платон, Вольтер, Руссо, Достоевский, Освальд Шпенглер, Хайдеггер, Жюль Делёз и иные учителя-наставники.

В последней четверти позапрошлого века Ницше провид-

чески возвестил о грядущих вселенских потрясениях и катастрофах, о грядущем (в отдаленной перспективе) крушении западного мира, европейской культуры.

Культура. Прошлый век дал такие страшные примеры мгновенной гибели культуры, что оторопь берет и виски холодеют. В работе «Злая мудрость» Ницше афористически (на века) сказал: «Культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом» (С. 34).

Мало кто ему поверил. Пошляки растаскали цитатки по пошлым газетенкам (Ницше ненавидел явление, которое ныне обозначается аббревиатурой СМИ). Обывателям казалось, что они мчатся в мягком пульмановском вагоне по рельсам прогресса (ненавистное для Ницше слово) в уютное, комфортное, безопасное и предвидимое будущее. В России только поэт-пророк Блок в поэме «Возмездие» (первая половина 1910-х гг.) запечатлел кровавое знамение:

«И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Неслыханные мятежи».

Опыт минувшего столетия так страшен, так всем известен, так всеми забыт, что и говорить об этом не надо. К чему это я, читатель. А вот к чему. Ницше предсказал эти общественные катаклизмы на ТРИ столетия вперед. То есть не то что нам, нашим детям-внукам, но и отдаленным потомкам

(мы даже грезить о них не можем; если они БУДУТ) придется страдать, воевать, терпеть лишения-унижения, мечтать о кончине на собственной постели. Ницше отнюдь не пугает, Ницше предупреждает.

Читатель, согласишься, борзо и лихо «стартовал» двадцать первый век, отнюдь не благостно и мирно. Террористический акт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., быстро, как трупные пятна, расползающийся по странам и континентам терроризм, разномастные и разноместные вооруженные конфликты, этнические чистки в Африке, пиратство в Аденском заливе. Только мы заплясали счастливо (помнишь у Арсения Тарковского: «Пляшет перед скинией Давид»): стабильность, возрастание, прирастание, курорты, банковские вклады и кредиты, ипотека, иномарки, дачи) и хрясь по сусалам: кризис. Читатель, Ты не поверишь: Ницше предсказал и крушение европейской банковской системы. Кризис... Увы, это не пресловутый дефолт 1998 г., когда рухнула финансовая и банковская система в одной отдельно взятой России. Нынешний кризис – системный планетарный сбой планетарной экономики и планетарного банковского дела.

Дай-то, Бог, за несколько долгих лет все как-то придет в норму, не слишком выходя за ее границы. Крах европейских денежных систем был предсказан Ницше.

Эпиграфом к книге автор выбрал печальную максиму философа: «Все на нашем пути скользко и опасно, и при этом лед, который нас еще держит, стал таким тонким... – там,

где мы еще ступаем, скоро нельзя будет проходить никому». Читатель, у Тебя не возникает головокружительного ощущения, что это написано СЕГОДНЯ.

Люди никогда не верят «гласам вопиющим» истинных пророков, а это: библейские провидцы – Екклезиаст, Даниил, Иеремия, Откровение Святого Иоанна Богослова, «картины» Нострадамуса, мистические (увы, и «практические») прозрения монаха Авеля и Серафима Саровского. И Ницше по праву и по делу занимает в этом величавом пантеоне одно из первых мест. Те пророки ничему нас не научили, прислушаемся «вполуха» к его страстному и нервному голосу.

Вот такая книга. Ты только не подумай, Читатель, что это – так называемая «научно-популярная» книжонка. Увы, такие опусы нередко «второй сорт». Популяризатор пересказывает ЧУЖИЕ мысли, упрощает и вульгаризирует. Книга Федора Крахоткина, выпускника философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата юридических наук (диссертация защищена на знаменитом юридическом факультете того же Университета) – оригинальная монография, содержащая авторские суждения и выводы.

Послесловие профессора Д.И.Луковской комментирует и подытоживает научные искания автора.

Книга чрезвычайно изящно издана: матерчатая обложка, давленные (тисненые) горельефы портрета и факсимиле мыслителя, шелковая закладка (художник Валерий Глазунов).

21 декабря 2008 г.

Волшебный роман, или Романическое волшебство

Итак: Умберто Эко. Таинственное пламя царицы Лоаны. Иллюстрированный роман. Перевод с итальянского Елены Костюкович. СПб., Изд. SYMPOSIUM, 2008. 592 С. Тираж 10 000 экземпляров. Превосходно изданный, прекрасно иллюстрированный фолиант. Держишь в руках и испытываешь какую-то телесную радость (я серьезно).

Читатель, имя Умберто Эко прямо или косвенно Тебе известно. Наверняка, Ты видел фильм Жан-Жака Анно «Имя Розы» (в главной роли – Шон О’Коннори), поставленный в 1986 г. по мотивам одноименного романа писателя. Ну, а если Ты читал «Имя Розы» – первый роман итальянского кудесника (1980), то Ты его помнишь и не забудешь. Эта книга до сих пор остается мировым интеллектуальным бестселлером.

Умберто Эко – коронованный император интеллектуальной беллетристики, медиевист, культуролог, эссеист, пост-модернист и т.д.

Как всегда, несколько абзацев о писателе. Он родился в 1932 г. в Пьемонте, в городке Алессандрия. Пьемонт – север Италии, наиболее экономически успешная область Ита-

лии, именно пьемонтцы возглавили борьбу за освобождение родины (Рисорджименто), пьемонтский (савойский) король стал правителем единой Италии. Италия – редкая страна, где северяне и южане говорят не просто на разных диалектах, но и считают себя представителями разных наций. Это очень важно для понимания творчества Умберто Эко: он всегда пишет о «северянах» как носителях истинно итальянского духа.

В 1954 г. он окончил Туринский университет искусств (его отец – бухгалтер, ветеран трех войн – мечтал о том, чтобы сын стал адвокатом; не вышло). Диссертация будущего романиста была посвящена философии Фомы Аквинского. Эко – выдающийся гуманитарий, автор свыше десятка монографий, сборников статей, эссе, газетных колонок, лектор, которому рукоплескали лучшие университеты мира (включая и Санкт-Петербургский).

Однако нас интересует Эко – романист. Второй роман писателя «Маятник Фуко» (1982 г.) превосходен. Третий роман «Накануне» (1994 г.) показался мне искусно спроектированным для высоколобых интеллектуалов (точнее, для персон, причисляющих себя к таковым).

Предпоследний роман «Баудолино» остался незаконченным. За всю свою долгую литературную карьеру писатель создал всего пять романов (это не Донцова-Бушков). Поговорим о последнем романе.

С чего начнем? С начала! Действие происходит в 1991 г.

О чем книга? Ответ прост: как любое большое произведение большой литературы, о нас с Тобой, читатель. Сюжет? Сюжет тоже чрезвычайно прост: 60-летнего миланского успешного владельца магазина книжных раритетов (не хочется называть его букинистом, в нем очень мало от «торговца») Джамбаттиста Бодони (подлинное имя знаменитого пьемонтского типографа; 1740-1813) хватил удар, как говаривали в старину (инсульт). Наступила *amnesia retrograde*, т.е. полная утрата памяти. Физическая память остается: человек знает, как пользоваться душем, водить «мотор» (блоковское словечко), работать на компьютере, но ничего не помнит о СЕБЕ (имя, биография, профессия, родственники и т.д.).

Каждый год только в нашей стране так заболевают несколько сотен мужчин (с женщинами такое не происходит), кто погибает, кто выживает, к некоторым счастливым память возвращается. Это все весьма печально.

Наш герой Ямбо (так называют его родственники и близкие; по – итальянски – «Вихраст» – от «вихрастый» – персонаж детских комиксов) – муж, отец и дед никого не узнает и никого не помнит. Умберто Эко тонко истолковывает и развивает учение о трех видах памяти. Но мы не об этом. Ямбо отправляется в родительское имение Солару, где пытается реконструировать свое детство и свою юность по сохранившимся книгам, газетам, журналам, пластинкам, школьным сочинениям и т.д.

И это ему удается. Читаешь главу за главой, и в душе воз-

никает некая резонансная вибрация: и со мной такое было. Принято думать, что детство-отрочество-юность – самая лучшая пора жизни. Эко стереоскопически показывает, что это не так. Неопределенность, зависимость от родителей, учителей, любовь-ненависть к взрослым, постоянное отстаивание места в школьной иерархии и т.д. делают эту пору жизни крайне болезненной, воспаленной и напряженной. Потом мы это забываем, и слава Богу.

Писатель отнюдь не педалирует внимание читателя на репрессивности школы (так скажем), но вызывает у него горячий внутренний отклик. Любая школа репрессивна, везде и всегда. К примеру, когда я учился, барышням нельзя было краситься, носить колечки-сережки, капроновые чулки (колготок еще не было). Современные школьницы ходят на занятия с пирсингом на пупке, а школа давит и давит, нивелирует, прессует индивидуальность и личность.

Любой человек старше 30 лет поймет-вспомнит, что фашистская школа была практически тождественна советской. «Балилла» – пионерская организация. «Впередсмотрящие» («Юные лекторы») – комсомол и т.д. Назойливая трескучая и пустая пропаганда. Впрочем, итальянский муссолиниевский режим был несравненно мягче нацистского и сталинского. Дивный пример. Где-то в конце 1990-х в Ораниенбауме я сидел в скверике на проспекте Юного ленинца (ныне – Дворцовый) и читал роман Эко «Маятник Фуко». И вдруг меня, как током, ударило: Эко в детстве жил на улице Юно-

го фашиста. Грустно жить на свете, господа. Нам, русским, пережившим невероятные и непомерные катаклизмы в прошлом веке, жизнь в Италии может показаться идиллической. Ничего подобного: страна пережила диктатуру Муссолини, вела кровопролитные войны (в том числе, в 1943-1945 гг., – гражданскую).

Книга чудовищно литературоцентрична. Она вся соткана из литературных аллюзий, можно назвать ее, в частности, сокровищницей европейской поэзии прошлого века. Образцовые примечания к роману подготовила Елена Александровна Костюкович, переводчица и комментатор предыдущих романов итальянского мастера. Читатель, без изучения комментария Ты потеряешь девяносто процентов наслаждения (как дамы говорят) от чтения романа. Жаль, что комментарии не подстрочные, не поленись, читатель, все время заглядывать в «конец» книги, не пожалеешь. Как комментатор прозы Андрея Белого, Валерия Брюсова, писем символистов и т.д. ответственно заявляю: подготовить такие примечания – филологический подвиг.

Кстати, мы все (взрослые) читали книги, которые упоминает-истолковывает Умберто Эко: «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Сирано де Бержерак», «Приключения Тома Сойера», «Остров сокровищ» и т.д. Нынешние подростки о них и слыхом не слыхивали, а жаль. Это серьезнейшие «взрослые» книги, детскими они стали долгие десятилетия спустя после первого издания.

Однако это все некие величавые декорации к величавой мистерии Умберто Эко. На самом деле – это книга о великой юношеской любви героя к ровеснице Лиле Саба. Любви высокой, всеожигающей, небесной, бестелесной и, разумеется, безответной. Афродита Урания. Возлюбленная Ямбо уезжает в Южную Америку, где вскоре... Герой и слова не сказал с «предметом своей страсти», как писали беллетристы в позапрошлом веке, а вся его жизнь прошла под знаком этой осиянной звезды. Все женщины в жизни Ямбо – проекции этой прелестницы. Лила – редуцированная форма имени Сибилла. Совсем другая Сибилла занимает важное место в воспоминаниях Ямбо.

Ее-то герой и пытается воскресить в душе в третьей части романа. Читатель спросит, что такое «Таинственное пламя царицы Лоаны». А не скажу. Намекну лишь на то, что этот пленительный образ сложно и прихотливо восходит к героине романа Райдера Хаггарда (при Царе-Батюшке писали: Гаггарда) (1856-1925) «Она» (1887 г.) – Айеши. Читатель, помнишь фильм «Копи царя Соломона» – экранизацию прославленного романа Хаггарда. Романы англичанина и сейчас издаются-переиздаются. Горячо рекомендую. Великолепная беллетристика (роман «Дочь Монтесумы» (1893 г.) – шедевр приключенческой литературы) с тонкой мистической подоплекой (вот этого нет у Эко).

Любовь. Любовь. О ТАКОЙ любви, читатель, Ты не читывал. Я – отчасти начитанный человек, но здесь мне некого

поставить рядом с Умберто Эко. Осип Мандельштам писал 90 лет тому назад:

«Золотистого меда струя из бутылки текла

Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:

Здесь в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,

Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела».

Книга Умберто Эко напоминает медоносную струю, медленную, вязкую, тягучую, пахучую. Это не преувеличение, это констатация. Слово чести.

Автор в добавление еще и невероятно умен. Читатель, среди первоклассных, великих, прославленных писателей полным-полно дураков в самом обывательском смысле. Я не шучу. Талант и ум – вещи разномастные и разноместные.

Том богато иллюстрирован: обложки книг, журналов, комиксов, киноафиш и т.д. Есть и рисунки писателя. Все это не просто так: высвечиваются моментальные фотографии прошлого.

Книга проникнута каким-то античным ужасом (как в древнегреческих трагедиях). Финал ее проникновенно печален. Герой переживает второй удар, впадает в кому, но обретает память о прошлом. Он никому не может дать понять, что все вспомнил. На пороге понимания-осмысления всего-всего-всего Ямбо... Такая вот книга.

P.S. В следующий раз поговорим о романе Владимира Маканина «Асан» (премия «Большая книга» за 2008 г.).

Пуруша – не параша, или Новый роман Маканина

25 ноября минувшего года самой престижной российской литературной премии был удостоен роман Владимира Маканина «Асан» (денежный эквивалент – 3 миллиона рублей; первая премия). Это событие вызвало скандал еще до того, как оно состоялось. Критики окрысились, как пасюки натуральные (об этом – ниже). Большой роман о большой Чеченской войне. Итак: **Владимир Маканин. М., Издательство «Эксмо», 2008. Тираж 15 000 экземпляров. 478 С.**

Как обычно, несколько фраз об авторе. Владимир Семенович Маканин (ему уже исполнился 71 год) – выдающийся прозаик, автор шести романов, пятнадцати повестей и десятков рассказов – кумир «семидесятников» – «восьмидесятников», интеллигенции всех толков и «изводов». По «первому» образованию он – математик, выпускник механико-математического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Позже он окончил Высшие сценарные курсы. Дебютировал романом «Прямая линия» в 1965 г.

Поэт Осип Мандельштам в «Четвертой прозе» (невозможно определить жанр этого произведения; скорее всего – исповедальная поэма в прозе) писал: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без

разрешения». Грустно, но все так, все именно так.

Так вот: проза Маканина была формально «разрешенной». Но это «разрешенное» творчество первого ранга, сверхранга, если угодно. Писатель всегда вел себя в высшей степени достойно, не восславлял КПСС, не лгал и не подличал, не лизал руки литературным генералам (и был прав). Советские цензоры чуяли в произведениях писателя запрещенный воздух свободы, но по колхозной малограмотности подписывали его книги в печать.

Теперь о скандале. Еще до присуждения премии критики начали борзо писать о романе. Никогда этого не делаю, но на сей раз прочитал три рецензии маститых критиков.

Первый критик упрекает писателя в мелких фактических ошибках, мол, писатель там не воевал, мол, солдатики в Чечне по дороге из «учебки» в часть не могли «нажраться» в хлам, а «горючка» распределялась иным способом. Всё. Из этого вытекает, что рецензент прочитал только первую главу. Так роман не об употреблении военнослужащими горячительных напитков и не только о горячем в Чечне. В одном из интервью писатель сказал, что книга создана по рассказам его племянника, воевавшего и раненного в боевых действиях на Кавказе. Это весьма достоверная информация.

К примеру, мой отец – военный врач-рентгенолог, участник Финской кампании, Великой Отечественной войны всего лишь один раз участвовавший в штыковой атаке (немцы окружили госпиталь), рассказывал мне о войне сорок лет. Я

помню много такого, о чем не идет речь в официальной истории ВОВ, в цензурированных мемуарах. Прежде всего это – абсурдность войны. Именно об этом проникновенно и пронзительно пишет Маканин.

Правда, у Маканина абсурдность несколько иная, нежели в рассказах моего отца. Война в Чечне не имела четко определенной линии фронта и «наши» продавали чеченцам ... и ... ценой крови своих боевых товарищей. Такое участникам ВОВ и в голову прийти не могло. Маканин показывает, что в современной войне колоссальную роль играет сотовая связь (наличие мобильных у «своих» и «чужих»).

Второй и третий критики невнятно жуют жвачку, мол, роман написан с оглядкой на Кремль, это – правительственный заказ. Вранье это всё: в романе есть прямые грозные обвинения в адрес ельцинского правительства и командования. А ещё: из премии писатель будто бы выплатил жюри «откатные».

Общее мнение таких «критиков» афористически подытожил критик-зоил, литературный скандалист Виктор Топоров (литературный Чикатило, как пишут о нем ласковые и учтивые коллеги): «Роман плохой, а писатель хороший». Все рецензенты, как положено, раскрывают ходы несложного сюжета, т.е. роман уже читать неинтересно. Друг-Читатель, не верь критику злему, а верь своему глазу прямому.

Ни один из этих строчкогонов не заметил, что своему главному герою Маканин дал фамилию Жилин: герой рас-

сказа Льва Толстого «Кавказский пленник». Профессионалы. Толстой о той войне на Кавказе написал в начале 1850-х три рассказа: «Набег», «Рубка леса» и «Кавказский пленник». Кстати, он непосредственно участвовал в боевых действиях.

Маканинский роман и толстовский рассказ имеют много точек соприкосновения, только у Маканина враги – чеченцы (чичи), а у Толстого – татары (так тогда именовали мусульман Северного Кавказа). Толстовский Жилин с товарищем попадают в плен, после неудачного побега сидят в яме – всё, как сейчас. Правда, рассказ Толстого заканчивается вполне... Но я не об этом. Все у нас на Руси-Матушке повторяется, только с неизменно большей жестокостью и кровью.

Почему роман так назван? Асан у Маканина – древний..., тотемная мифологема, воплощенная в образе «двурукой птицы», уходящая корнями в глубь глубины веков. Асан сохранился в прапамяти горцев, ибо два с лишним тысячелетия назад ... – воин-полубог ... изгнал предков горских народов из долин в горы. Красной нитью сквозь ткань произведения проходит жуткий клич: «Асан хочет крови» и «Асан хочет денег». Кровь и деньги перетекают друг в друга, и наоборот... Асан – прародитель всего сущего, войны и мира, воплощенный ... насилия и убийства. Ну, точь-в-точь, как древнеиндийский ведический первочеловек Пуруша, из частей тела которого произошло все, что есть в универсуме.

А почему Маканинского героя чеченцы называют

«Асан» – не скажу. Читайте и обрящете или не читайте и не обрящете.

Читатель спросит: а причем тут «параша»? Отвечаю: одно из значений этого чрезвычайно богатого лексическими обертонами слова – вранье, ложные слухи, недостоверная информация и т.д. Роман Маканина – не параша, а предельно (вернее – беспредельно) честная, чистая, высокая, большая книга. Поэт Алексей Ивантер справедливо написал: «Искусство – не средство украшения жизненного пространства, это боевая колесница, расчищающая дорогу для Грядущего за ней».

Майор Александр Сергеевич Жилин, человек со складов, складской человек (как он себя сам именует), – царь и Бог в воюющей Чечне, получатель-распределитель горючего, а нефть – кровь войны. Причем снабжает он обе противоборствующие стороны. Только не надо: вор, расстрелять и т.д. Он делает это на свой лад СПРАВЕДЛИВО. К нему одинаково уважительно относятся и наши, и чеченцы. Почему? Да потому, что он...

Есть у Жилина и еще один заработок. Он за деньги освобождает солдатиков из чеченского плена. Да, за деньги, но освобождает. Жилин – типический «маленький человек» в нетипических обстоятельствах. Как пушкинский Евгений из «Медного Всадника», он мечтает о тихом мещанском счастье с женой и дочкой в собственном доме «на берегу неназываемой реки» (он так конспирируется от своих и чеченцев). Вот он и посылает жене эти неправедные деньги, же-

лая скорейшего завершения строительства. В финале романа майор...

Жилин – умный и добрый человек (не просто деляга-выжига). Через весь роман проходит история двух контуженных солдатиков (шизиков; они тронулись умом после побега из чеченского плена), которых Жилин в конце концов...

Образы Жилина и его сослуживцев (от рядовых, сержантов, младших и старших офицеров до генералов) вылеплены весьма рельефно. Несложная мысль: война войной, а люди остаются людьми (или нелюдьми).

Смею думать, что «классические» либералы, ежели соблаговолят прочитать «Асан», возопят: роман не политкорректен. Странно, что еще ничего такого не пишут. Чеченцы в романе не милые расшалившиеся дети, которых покормят демократической манной кашкой, и они мгновенно приобщатся к общечеловеческим ценностям. Нет, это жестокие дикие бойцы, не чуждые, впрочем, коммерции. У читателя создается впечатление, что когда они получают-отдают деньги, у них проявляется извечное стандартное человеческое качество: алчность, стремление к наживе любым путем.

Сразу запоминается образ первого президента Чечни генерала Дудаева (майор Жилин встречается с ним не в тривиальных обстоятельствах). Генерал – красив, смел, опасен, как леопард. Он склонен к философствованию, рассказывает Жилину глубокую, врезающуюся в память притчу о предательстве (волк, хозяин и конь). Читатель, это ничего Тебе

не напоминает? Да, пушкинская «Капитанская дочка»; Пугачев рассказывает Петруше Гриневу калмыцкую сказку об орле и вороне: «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст». И там, и там речь идет о войне (пугачевское восстание было войной, да еще какой). И лидеров этих национальных восстаний сближает победоносное мужество, вседозволенность в способах ведения войны, харизматичность, картинность в поведении и трагический финал.

В романе подробно реконструирована история освобождения некоей журналистки (Елена Масюк?), выступавшей на стороне «моджахедов», интервьюировавшей Басаева, и т.д. Ее хорошо отблагодарили «воины Аллаха». Речь идет и о неприглядной, не просто пораженческой, а предательской роли отечественной прессы в освещении первой чеченской войны. Мир невесел, господа.

«Асан» – роман не для барышень нежных и дам грубых. Эта книга – для суровых дяденек.

21 февраля 2009 г.

Поэтическая проза, или Прозаическая поэзия

Любезный читатель, если Ты и не читал Виктора Пелевина (а зря!), то уж фамилию эту слышал, уже много лет она на слуху. Одни серьезные литературные дяди считают его выдающимся писателем (к примеру, я написал серию статей о его творчестве), другие серьезные литературные шаромыжники облыжно обвиняют его в бездарности, в духовном растлении молодежи (я серьезно; ох, душит людей зависть черная и грудная жаба белая).

Передо мной на столе книга: **Виктор Пелевин. П 5 (Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана). М. Издательство «Эксмо». 2008. 288 С. Тираж 150 100 экземпляров** (гигантский для серьезной прозы в наши времена).

Читатель, знаешь ли Ты, что такое «Пиндостан». Да? Нет? Поясню. Слово восходит к названию хребта Пинд в Древней Элладе, пиндосами именовали греков-колонистов, в XIX-XX вв. – черноморских греков, поселившихся в пределах Российской Империи. В таком значении это слово употребляли Чехов и Куприн. Позже в блатном аргю так стали именовать вообще южан. Русские солдатики из миротворческого отряда в Косове стали ТАК называть американских военно-

служащих (1999 год). Ныне Пиндостан – презрительное название США (чрезвычайно популярное в сети и редко встречающееся в печатных СМИ – жаргонизм).

Эх, Читатель, если бы Ты знал, как люди моего поколения беззаветно любили Штаты (рок-н-рол, буги-вуги, редкие переводные книги и отцензурированные фильмы, журнал «Америка», добытый у перекупщиков, «техасские штаны» (так у Набокова), «техасы» (до середины 1960-х так назывались ДЖИНСЫ, которые, естественно, нельзя было купить в магазине – только у фарцовщиков). Плебейские джинсы были не просто штанами, а идеологией (я серьезно). Никогда не забуду. Лето 1974 года. По Невскому фланировали: будущий первый президент Грузии Звиад Гамсахурдиа в джинсовой куртке (это было чудо) и аз, грешный, в «фирменных» джинсах, которые я купил в Пушкинском Доме у американской специалистки по творчеству Лермонтова. Мы были самые крутые, выражаясь нынешним языком, реальные и правильные пацаны, и барышни с нежными ланитами и лядвиями поглядывали на нас благосклонно.

Прошло четверть века. Американцы нас хорошо отблагодарили за наивную детскую любовь. В угоду им мы бездарно и бесплатно утопили Красную Субмарину, сдуру вывели войска из центральной и восточной Европы, вернулись к историческим границам московской Руси. Наше ближнее зарубежье, нынешнее население которого наши предки своей кровью спасли от поголовного уничтожения, проявляет к по-

томкам своих спасителей наглую и непристойную враждебность. Про НАТО умолчу... Против лома – нет приема. Увы, нас ограбили и предали.

Писатель крепко ответил властителям и обывателям Пиндостана: «Америка – это фашистская Германия, которой управляют евреи» (С. 158). Подобная «шутка юмора» и подобный «юмор шутки» заставляют тяжело задуматься в печали и томлении духа. Один из пелевинских персонажей элегически констатирует «перестройку» во властных элитах: «Эпоха политических пигмеев, работающих на Пиндостан, прошла навсегда» (С. 86).

На обложке книги есть две надписи. Первая: Based on true story. Простейший перевод: Основано на реальных событиях. Однако возможны и оттенки смысла: ...на жизненной истории, на случае из жизни. Пусть звучит несколько коряво, но ближе к авторскому пониманию.

Вторая надпись: *Предупреждение* (так – жирный курсив с подчеркиванием): *Книга написана с применением боевого НЛП* (простой курсив). Аббревиатура НЛП означает не что иное, как пресловутое нейролингв... Помимо прочего, НЛП – любимая игрушка серьезных спецслужб всего мира. Всё. Больше не скажу ничего. Читайте сами, если соблаговолите. У явления НЛП есть горячие сторонники и холодные ниспровергатели, ну, как у теории торсионного поля и иных спорных концепций-явлений. Автор честно предупреждает о психическом (психологическом) принудительном влиянии

на читателя.

Книга состоит из пяти маленьких повестей (больших рассказов). Перечислять их не буду. Зачем? Если возьмешь книгу в руки, то обрящешь. Что ходить и наводить тень на плетень: книга – очередной пелевинский шедевр. Правда, шедевр **своего рода, в своем роде**: трагический, смешной, метафизически ужасающий, занятный, забавный, очаровательный (здесь это не дамское словечко), прельстительный и прочая, и прочая, и прочая. И все это одновременно, под одной обложкой. Творчество Пелевина – поэтическая проза сиречь прозаическая поэзия. Ни убавить, ни прибавить.

Одна из важнейших характеристик творчества писателя: Пелевин в гениальном кульбите-сальто сломал шею на восточной мистике: буддизм-даосизм-суфизм-марксизм-ленинизм-еврокоммунизм-маоизм-ваххабизм-чучхеизм и прочий тлетворный ревизионизм. Шея срослась, но криво, головушка буйная не «крутится-вертится», глаза немигающие смотрят только на Восток (это шутка, но в ней заключено зерно пелевинской прозы). Ох, как говаривали старые диссиденты о коммунизме (а мы переиначим): «Буддизм (да и все восточные эсотерические учения) нельзя попробовать, его потом не выплюнешь». И все это у Пелевина очень тонко, прочувствованно и умно. Прозаик так пописывает, что аж жидкие поджилки читательские трясутся, и уши оттопыренные инеем покрываются.

Писатель, великий плут и забавник, раскрывает свой

творческий «метод» так: «... то, что Боря Гребенщиков называет делом мастера Бо, простые люди вроде меня – трансцендентально-экстралингвистическим императивом» С. 15).

Художнику все время улыбается, подманивает его, кивает Нежная Дама в белых ризах с нехитрым приспособлением для косьбы в тонких руках. Сделаем важное замечание: захватанная жирными пальцами площадных мистиков-колхозников (дивное пелевинское словосочетание «метафизические малины») грань между жизнью и смертью в творчестве Пелевина размыта. Жизнь – иллюзия, и Смерть – иллюзия. Однако, по мнению прозаика, в наших силах осознать иллюзорность своей жизни, поднять ржавое забрало житейской пошлости и "здорового смысла» и выйти под стерильный свет солнца подлинного Бытия. Вот такая программа-минимум. А вот кредо писателя: «Быть живым означает рыть русло. А уйти – означает стать рекой, которая по нему течет» (С. 114).

Больше всего на свете, Читатель, я люблю забористую соленую писательскую шутку (с перцем, с солью, с бурлеском гаерским и юмором висельническим). Вот этого у Пелевина (вербального кудесника) немерено (как теперь принято изъясняться). Дамы-девочки и просто дамы, закройте глазки, не читайте дальше, в обморок упадете. Сколько понаписано о нашей «суверенной демократии». Писатель определил ее афористично: «СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО БУРЖУАЗНАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА ТОЙ

СТАДИИ РАЗВИТИЯ, КОГДА ДЕМОКРАТИЯ ОНА ДЕМОКРАТИЯ, А ЕСЛИ НАДО, В Ж...ПУ ВЫ...БУТ ЛЕГКО (С. 50, так у автора). Грустная шутка, Читатель, грустная правда. Черный юмор и светлая печаль.

Болит, саднит и ноет сердце нашего суфия-визионера за Матушку-Россию, за ее прошлое, настоящее и будущее: «Все новое и хорошее у нас обязательно начинается с какого-нибудь мерзкого преступления. И когда новое и хорошее дает свои плоды, мерзкое преступление тоже дает свои плоды и в результате все смешивается и гибнет. Это что-то невероятно древнее, грустное и неизбежное – здесь всегда так было и будет» (С. 99).

Полное впечатление о книге Пелевина я осмелюсь выразить не в логических суждениях, а в своеобразном лирическом отступлении.

Солнце. Море Лаптевых. Пальмы и осины. Читатель, друг мой высокий, представь себе, что, повалявшись часика три на пляжном песочке, выпив четыре бутылочки пенного пивка «Сансара», поглазев на пучеглазых девок, ты сдуру, от нечего делать, покупаешь у вульгарного зазывалы билет в балаган под открытым небом («типа» сочинского «Летнего театра»). Вошел, взял в буфете баночку джин-тоника «Тримурти» и пакет чипсов «Амитаба», сел. Начинается концерт-солянка. Ну, занафталиненные поп– дивы поют под «фанеру» и силиконовыми титьками трясут. Скукота.

Занавес. Перемена декораций. Сцена разъезжается. Па-

ра сотен солистов Краснознаменного хора Советской Армии громоподобно, так, что колонны, устремленные в небо, сотрясаются, заводят любимую песню моего детства: «Сталин – наше знамя боевое». Занятно.

Тут выскакивают юмористы-речетворцы в потертых пиджаках, густо осыпанных перхотью, и несут такую околесицу препрошлейшую, что мухи дохнут и блевать до головокружения хочется. Айн-цвай-драй. Сцена вновь подвергается деконструкции: выезжает оркестр Мариинского театра и под водительством Валерия Гергиева «урезывает» «Полет Валькирий» из оперы Лао-цзы «Дао дэ цзин».

Гаснет свет, зал трансформируется в сцену, сцена – в зал, зрители и музыканты, сбросив телесную хитиновую оболочку, в обнимку неспешно отправляются в «Путешествие на Восток» подураганным ветром «нечеловеческой музыки», которая, оказывается, сама себя продуцирует. Концерт окончен. И жизнь окончена. И опасные духовные приключения завершены. Но горит ледяной огонь дерзновенного соперничества с Творцом (художник творит свою Вселенную), свистят крылья духа, сияет вечными алмазами вечное небо.

Список публикаций автора

Список опубликованных (на «на бумаге») избранных работ члена Союза писателей Санкт-Петербурга, Международного ПЕН-клуба, Русского ПЕН-центра Сергея Сергеевича Гречишкина (псевдоним: Василий Пригодич) – подготовлен автором (2009 г.)

Всего: 236 публикаций. Основные сведения см.: Г.В. Маркелов. Гречишкин Сергей Сергеевич (Василий Пригодич)

Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги.

Биобиблиографический словарь в 3 томах. Том 1. А-Ж. М., «ОЛМА-ПРЕСС инвест, 2005 г.

(Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). С. 562-564.

Книги:

Василий Пригодич. Картонные личины. Стихи. Л., 1990. 58 С.

Василий Пригодич. Пришелец земли. Стихотворения. СПб., 1995. 126 С.

Василий Пригодич. Ветер в ничто. Стихотворения. СПб., "Геликон Плюс", 2001. 208 С.

Василий Пригодич. Кошачий ящик. Избранные заметки о литературных новинках для газеты "London Courier". СПб.: "Геликон Плюс", 2004. 260 С.

С.С. Гречишкин, А.В.Лавров. Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб: Издательство "Скифия". 2004. 400 С.

Василий Пригодич. Собачий ящик. Избранные заметки о литературных новинках для газеты "London Courier". СПб.: "Геликон Плюс", 2004. 228 С.

Василий Пригодич (С.С. Гречишкин). Начальник Тишины: Стихи. М., 2006. «Поэзия. Ру». 224 С.

Василий Пригодич. Дольмен из снега. М., «Арфа», 2008. 32 С.

Основные статьи и публикации:

I. История русской литературы Серебряного века

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Блок и "Перевал" // Материалы XXVI научной конференции. Тарту, 1972.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Эллис – поэт-символист, теоретик и критик // Герценовские чтения на 1972 год. Л., 1973.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. О работе Брюсова над романом "Огненный Ангел" // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 121-137.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Неосуществленный замы-

сел Андрея Белого (план романа "Германия") // Русская литература. 1974, № 1.

Андрей Белый. Письма к Федору Сологубу. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972. Л., «Наука», 1974.

Гречишкин С.С. В.Я.Брюсов о себе как прозаике // *Studia Slavica Hungarica*. Т. XXI. Будапешт, 1975.

В.Я.Брюсов. Письма к Л.Н.Вилькиной. Вступительная заметка, подготовка текста и комментарии С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., «Наука», 1976.

В.Я.Брюсов. Переписка с Андреем Белым. 1902-1912. Вступительная статья и публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 327-427.

В.Я.Брюсов. Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903-1923. Предисловие и публикация С.С.Гречишкина, Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 428-545.

Гречишкин С.С. Неопубликованный роман В.Я.Брюсова «Гора Звезды» // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976.

Н.К.Рерих. Письмо к А.М.Ремизову. Публикация С.С.Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976.

Гречишкин С.С. Архив А.М.Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год // Л., 1977.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Брюсов о Тургеневе // Тургенев и его современники. Л., 1977.

Андрей Белый. Дом-музей М.А.Волошина. Публикация и предисловие С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Звезда, 1977, № 5.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» (Часть I) // Wiener Slawistischer Almanach. Band I. Вена, 1978. Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» (Часть II) // Там же. Band II. 1978.

Гречишкин С.С. Архив Л.Я.Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., «Наука», 1978.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Максимилиан Волошин и Андрей Белый // Studia Slavica Hungarica. T. XXV. Будапешт, 1978.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Неизданная статья Андрея Белого «Бакст» // Памятники культуры. Новые открытия. Л., «Наука», 1979.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый и Н.Ф.Федоров // Блоковский сборник. III. Творчество Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Александр Блок. Письма к В.А.Зоргенфрею. Публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лав-

рова // Русская литература. 1979, № 4.

Конст. Эрберг (К.А.Сюннерберг). Воспоминания. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., «Наука», 1979.

Александр Блок. Письма к Конст. Эрбергу (К.А.Сюннербергу). Публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Там же.

А.М.Ремизов. Письма к В.И.Малышеву. Публикация С.С.Гречишкина и А.М.Панченко. Там же.

Гречишкин С.С. Архив С.А.Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., «Наука», 1980.

Александр Блок. Письма к Т.Н.Гиппиус. Публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Там же.

Осип Манделъштам. Письмо к В.М.Саянову // Там же.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Литература рубежа // Звезда, 1979, № 2.

Гречишкин С.С. Ранняя проза В.Я.Брюсова // Русская литература, 1980, № 2.

Гречишкин С.С. Царь Асыка в «Обезьяньей Ёеликой и Вольной палате» А.М.Ремизова // *Studia Slavica Hungarica*. Т. XXVI. Будапешт, 1980.

Александр Блок в переписке с деятелями русской культуры. Неизданные письма З.И.Гржебину и П.О.Морозову. Публикация, предисловие и примечания С.С.Гречишкина и

А.В.Лаврова // Новый мир. 1980, № 11.

Гречишкин С.С., Долгополов Л.К., Лавров А.В. Примечания к кн.: Андрей Белый. Петербург. Роман (Литературные памятники). Л., 1981.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Максимилиан Волошин и Андрей Белый // Волошинские чтения. М., 1981.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. М.Волошин и А.Ремизов // Там же.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Гречишкин С.С. Новеллистика В.Я.Брюсова 1900-х годов (сборник рассказов и драматических сцен «Земная ось») // Русская литература, 1981, № 4.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. Вып. XII. Тарту, 1981.

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898-1921). Подготовка текстов Ю.П.Благоволиной, Ю.Е.Галаниной, С.С.Гречишкина и др. // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга третья. Литературное наследство. Т. 92. М., 1982.

Андрей Белый. Дневниковые записи. Предисловие и публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Там же.

Блок и В.А.Щеголева. Сообщение Е.Ю.Литвин и С.С.Гречишкина // Там же.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Комментарии к кн.: Борис

Пастернак. Воздушные пути. Проза разных лет. М., «Советский писатель», 1982. Тираж 100 000 экз.

Валерий Брюсов. Повести и рассказы. Составление, вступительная статья и примечания С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова. М., «Советская Россия», 1983. Тираж 300 000 экз.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Комментарии к кн.: Борис Пастернак. Воздушные пути. Проза разных лет. Проза разных лет. М., «Советский писатель», 1983.. Тираж 100 000 экз.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Новелистът Брюсов (на болгарском языке) // Валерий Брюсов. Последние страницы от дневника на една жена. София, 1986. .

И.С. Карпов. По волнам житейского моря. Записки лишенца. Публикация С.С. Гречишкина и Г.В.Маркелова // Огонек, 1990, № 29. 1 печ. л.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова "Огненный Ангел" // Ново-Басманная, 19. Сборник. М., 1990. 5 печ. л.

И.С. Карпов. По морям житейского моря. Воспоминания. Публикация и подготовка текста Г.В.Маркелова и С.С. Гречишкина //Новый мир, 1992, № 1. 8 печ. л.

Валерий Брюсов. Переписка с А.М.Ремизовым. Публикация С.С. Гречишкина, А.В.Лаврова и И.П.Якир // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. Литературное наследство. Т. 95. М., 1994. 10 печ. л.

Гречишкин С.С. – Балтрушайтис // Русские писатели. XX век. Часть I. М., 1998.

Гречишкин С.С., Долгополов Л.К., Лавров А.В. Примечания // Андрей Белый. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб.: "Наука". 2004. С. 641-695 (Научное издание. "Литературные памятники").

С.С. Гречишкин С.С, Лавров Лавров А.В. Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб: Издательство "Скифия". 2004. 400 С. Тираж 1000 экз.

II. Заметки о новинках современной литературы:

Василий Пригодич. Вечная память... О Д.С. Лихачеве // London Courier, 1999, № 110, 15 October-5 November. P. 8.

Гречишкин С.С. "В пучине мира мы – нечаянный огонь..." (к столетию со дня рождения Андрея Платонова) // Вести (Иерусалим), 1999, № 1667, 8 декабря. С. 8.

Василий Пригодич. Борис Акунин и белая собака (сивая кобыла) // London Courier, 2000, № 122, 5-18 May. P. 16.

Василий Пригодич. Сетевая литература ("сетература") // London Courier, 2000, № 123, 19 May-1 June. P. 11.

Василий Пригодич. Философия Михаила Веллера, или Вращение позитивистского пропеллера // Вести. Русский еженедельник Эстонии, 2000, № 42 (264), 20 октября. С. 16.

Василий Пригодич. Развлечение для взыскательного читателя, или Новая книга Б.Акунина о пращуре и внуке вели-

кого сыщика // London Courier, 2000, № 136, 15 December. P. 29.

Василий Пригодич. Первый настоящий роман о русском бизнесе // London Courier, 2001, № 138, 2-15 February. P. 23.

Василий Пригодич. Оправдание "системы", или Тайна советской власти // London Courier, 2001, № 144, 4-17 May. P. 21.

Василий Пригодич. Разговоры с Лоуренсом Стерном, или Отменная книга // London Courier, 2001, № 145, 27 May. P. 21.

Василий Пригодич. Один в трех, или Три в одном (о новых книгах Б.Акунина) // London Courier, 2001, № 146, 8 June. P. 21.

Василий Пригодич. Сага о сыщике Путилине, или Анти-Акунин // London Courier, 2001, № 148, 7 July. P. 18.

Василий Пригодич. "Тонкая" книга Татьяны Толстой, или "Кысь", "брысь", "Русь" // London Courier, 2001, № 154, 19 October-1 November. P. 19.

Василий Пригодич. Двести лет вместе, или О закваске и тесте (о книге А.И.Солженицына) // London Courier, 2002, № 159, 18-31 January. P. 19.

Василий Пригодич. "Ох, огурчики-помидорчики. Сталин Кирова убил в коридорчике..." // London Courier, 2002, № 167, 17 May-6 June. P. 22.

Василий Пригодич. Сокровищница Серебряного века // London Courier, 2002, № 168, 7-20 June. P. 34.

Василий Пригодич. "Иные волны", или "Братья и сестры" из Суоми // London Courier, 2002, № 173, 6-9 September. P. 19.

Василий Пригодич. Зачем, за что ВЧК убила человека, или Ягода-Трилиссер-Артузов против Холмса, Ватсона, Лестрейда // London Courier, 2003, № 188, 2-15 May. P. 24.

Василий Пригодич. Новый Пелевин, старый Лао-цзы, или Вечный Путь // London Courier, № 197, 3 October. P. 24.

Василий Пригодич. "Мы полетим через пространство..." (явление поэта)// Татьяна Калашникова. Прощальный спектакль. Избранные стихотворения, поэмы, сказки, баллады. Киев, 2003. С .5-8.

Василий Пригодич. Новейший Пелевин или "Они шагают под звук другого барабана" // Russian London Courier, 2005, № 229, 17-31 March. P. 30.

Василий Пригодич. Кошачий ящик. Избранные заметки для га-зеты "London Courier", литературного интернет-журнала "Русский Пере-плет" и сетевого альманаха "Лебедь". СПб.: "Геликон Плюс", 2004. 260 С.

Василий Пригодич. Собачий ящик. Статьи. Избранные заметки для газеты "London Courier", литературного интернет-журнала "Русский Переплет" и сетевого альманаха "Лебедь". СПб.: "Геликон-Плюс". 2004. 228 С.

Василий Пригодич. Люблю, люблю, береги себя // Ваш Тайный Советник, 2005, № 18 (147), 16 мая. С. 22-23.

Василий Пригодич. "Имеющий уши да слышит", или Год

да Винчи // Ваш Тайный Советник", 2005, № 22 (151), 13 июня. С. 27.

Василий Пригодич. Кругом, возможно, Бог // Ваш Тайный Советник, 2005, № 24 (153), 27 июня. С. 29.

Василий Пригодич. Кругом, возможно, Бог // Ваш Тайный Советник, 2005, № 24 (153), 27 июня. С. 29.

Василий Пригодич. Акунин пишет лучше Куприна (Книжная лавка дедушки Кота) // Новости Петербурга, 2005, № 30 (406), 2 – 8 августа. С. 6.

Василий Пригодич. Венерин волос, или Роман о... Часть I (Книжная лавка дедушки Кота) // Новости Петербурга, 2005, № 36 (412), 13-19 сентября. С. 11.

Василий Пригодич. Венерин волос, или Роман о... Часть II (Книжная лавка дедушки Кота) // Новости Петербурга, 2005, № 37 (413), 20-26 сентября. С. 11.

Василий Пригодич. Скальд Скалдин, или Воскрешение Лазаря (Книжная лавка дедушки Кота) // Новости Петербурга, 2005, № 40 (416), 11-17 октября. С. 11.

Василий Пригодич. Послесловие // Надежда Муравьева. Майя. Роман. М., Захаров. 2005. С. 266-269.

Василий Пригодич. Пелевинские реликты, или Реликтовый Пелевин. Ч. I // Новости Петербурга, 2005, № 47 (423), 29 ноября-5 декабря. С. 11.

Василий Пригодич. Пелевинские реликты, или Реликтовый Пелевин. Ч. II // Новости Петербурга, 2005, № 48 (424), 6-12 декабря. С. 11.

Василий Пригодич. Чак Паланик, или Кнут и пряник // Russian London Courier, 2005, № 245, 2-15 December. P. 29.

Есенин: история одного убийства. Сенсационная литература, или Литературная сенсация // Russian London Courier, 2005, № 246, 16 Dec. – 12 Jan 2006. P. 29.

Василий Пригодич. Раз: Путин, два: Путин, или Интеллектуальный роман // Russian London Courier, 2007, № 272, 2 -15 March 2007. P. 20.

Василий Пригодич. Король литературный, или Королевская литература // Территория бизнеса (Учредитель: Ленинградская торгово-промышленная палата), 2008, № 1 (16). С. 90-91.

Василий Пригодич. Вся сеть Государю, или Отменная книга // Russian London Courier. 2008. № 296. 18 April – 1 May. P. 21.

Василий Пригодич. Житие праведника, или Праведник жития // Территория бизнеса (Учредитель: Ленинградская торгово-промышленная палата), 2008, № 2 (17). С. 88-89.

Василий Пригодич. Вся сеть государю, или Отменная книга // Территория бизнеса (Учредитель: Ленинградская торгово-промышленная палата), 2008, № 3 (18). С. 88-89.

Василий Пригодич. Изящная словесность, или Словесное изящество // Russian London Courier. 2008. № 299. 6-19 June. P. 21.

Василий Пригодич. Литературная мистификация // Russian London Courier. 2008. № 301. 4-17 Juli. P. 20.

Василий Пригодич. Литературная мистификация, или Мистифицирующая литература // Территория бизнеса. 2008, № 6 (21). С. 86-87.

Василий Пригодич. "Я сам расскажу о времени и о себе", или Интервью Бродского // Russian London Courier. 2008. № 302. 8 August – 4 Sept. P. 22.

Василий Пригодич. Грех прилепился, а кто без греха // Территория бизнеса. 2008, № 9 (24). С. 82-83.

Василий Пригодич. Тут вам не там, или Недамский роман // Территория бизнеса. 2008, № 10 (25). С. 84-85.

Василий Пригодич. Оправдание Ницше, или Интеллектуальный роман // Russian London Courier. 2009. № 312. 19 Jan-5 Feb. С. 14.

Василий Пригодич. Волшебный роман, или Романическое волшебство // Russian London Courier. 2009. № 313. 6-19 February. С. 14.

Василий Пригодич. Характеристика. К шестидесятилетию академика РАН, крупнейшего специалиста по истории литературы Серебряного века А.В.Лаврова // Russian London Courier. 2009. № 314. 20 Feb-5 March. С. 14.

Василий Пригодич. Пуруша – не параша, или Новый роман Маканина // Russian London Courier. 2009. № 315. 6-19 March. С. 14.